А.О. Мещерякова

Ф.В. РОСТОПЧИН:

У ОСНОВАНИЯ КОНСЕРВАТИЗМА И НАЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ

Издательский Дом „Китеж"

А.О. Мещерякова

Ф.В. РОСТОПЧИН:

У ОСНОВАНИЯ КОНСЕРВАТИЗМА И НАЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ

Издательский Дом «Китеж»
Воронеж
2007

УДК 303.686.2+929:94(47).072
ББК 66.1(2)513–8+66.1(2)521–8
М 56

Научный редактор:
кандидат исторических наук **А.Ю. Минаков**

Мещерякова А.О.
Ф.В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России. – Воронеж: Издательский
М 56 Дом «Китеж», 2007. – 264 с.
ISBN 978-5-9726-0006-9

Монография, написанная на основе широкого круга опубликованных и архивных источников, посвящена государственной деятельности и общественно-политическим взглядам Ф.В. Ростопчина – главы внешней политики России в царствование Павла I, знаменитого московского главнокомандующего 1812 года, одного из основоположников русского консерватизма и национализма.

Анализ формирования общественно-политических взглядов Ростопчина и специфики его административного опыта позволяет рассмотреть такие ключевые проблемы русской общественной мысли рубежа XVIII–XIX вв. как преемственность правительственного консерватизма Павла I и русских консерваторов александровской эпохи, генезис русского национализма, механизмы влияния консерваторов на правительственную политику и общественную жизнь. Изучение малоизвестных и неизвестных документов позволило автору книги пересмотреть многочисленные стереотипы, через призму которых в общественном и научном сознании долгое время воспринималась фигура Ростопчина.

УДК 303.686.2+929:94(47).072
ББК 66.1(2)513–8+66.1(2)521–8

На обложке – портрет графа Федора Васильевича Ростопчина кисти художника О.А. Кипренского.

© А.О. Мещерякова, 2007 г.
© Издательский Дом «Китеж» – оформление, 2007 г.

ISBN 978-5-9726-0006-9

Моим родителям

ВВЕДЕНИЕ

Федор Васильевич Ростопчин (1765–1826 гг.) вошел в отечественную историю, прежде всего, как крупный государственный деятель. Его роль в управлении российской внешней политикой в конце павловского царствования, а также генерал-губернаторство Москвы 1812 г. позволяют говорить о нем как об одной из ключевых государственных фигур своей эпохи. Однако в истории русской общественной мысли он до сих пор остается малоизученным персонажем. В отличие от идей таких современников-консерваторов как Н.М. Карамзин, М.Л. Магницкий, А.С. Шишков и Ж. де Местр, взгляды Ростопчина остались без должного внимания исследователей.

В своих сочинениях Ростопчин одним из первых предпринял попытку конструирования образа русской нации и несмотря на небольшое по объему теоретическое наследие внес весомый вклад в разработку важных аспектов идеологии русского консерватизма. В политических записках и публицистических произведениях Ростопчина, а также в его обширной корреспонденции были затронуты такие ключевые для русской консервативной мысли проблемы, как определение места России в мире и характер ее взаимоотношений с Европой, оценка Запада как культурного и политического явления, характеристика сущности и значения процессов вестернизации и либерализации Российской империи. При этом Ростопчин уделял особое внимание острым вопросам современности: проблеме отмены крепостного права в России, процветанию политического и культурного космополитизма правительственных «верхов» и общества, деятельности масонских организаций и распространению либеральных и революционных идей. Не меньшую ценность для изучения раннего русского консерватизма имеет административный опыт Ростопчина на посту московского главнокомандующего (1812–1814 гг.).

Если определение Ростопчина как консерватора в литературе как правило не оспаривается, то его принадлежность национализму может вызывать вопросы. Это объясняется представлением о национализме как о политическом явлении, имеющем классовую подоплеку и связанном напрямую с зарождением и утверждением капиталистических отношений – следовательно, присущем буржуазному обществу. Подобным образом национализм традиционно рассматривался в марксистской историографии[1]. Зарубежные и современные отечественные исследователи данной проблематики[2] относят появление национализма в России (также как в Европе и Северной Америке) к концу XVIII – началу XIX в. и связывают его с Французской революцией, роль которой, по замечанию Х. Линца и А. Степана, заключалась «в пробуждении контрреволюционной народной реакции»[3].

На этапе зарождения русский национализм отличался преимущественно культурным, а не политическим характером. Другой особенностью националистического движения в России в этот период была его элитарность. Национализм был движением интеллектуальной элиты. В результате – основная цель, которую ставили перед собой его представители, состояла в том, чтобы заново открыть национальную культуру и прошлое, сформулировать идею нации, не стремясь при этом к мобилизации широких масс[4]. В Российской империи начала XIX в. русский национализм проявился в обращении его идеологов к русскому и церковно-славянскому языкам, истории, традиционной культуре,

---

[1] См.: Федерализм: Энциклопедия. М., 2000. С. 326.

[2] См.: Коротеева В.В. Энтони Смит: историческая генеалогия современных наций // Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. М., 1994. С. 34–55; она же: Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999; Смит Э.Д. Национализм и историки // Нации и национализм. М., 2002. С. 236–264; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998; Смит Э.Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.

[3] См.: Линц Х., Степан А. «Государственность», национализм и демократизация // Полис. 1997. № 5. С. 14.

[4] См.: Смит Э.Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 112–114.

через которые и конструировался образ «русскости» в сочинениях творцов национальной идеи.

Русский национализм первой четверти XIX столетия развивался в одном русле с зарождавшимся тогда же консерватизмом, который представляет собой не простое *сохранение* существующего порядка (в соответствии с дословным переводом латинского *«conservātio – сохранение»*), а наполненное конкретным содержанием идейно-политическое течение Нового времени. В отличие от более позднего варианта консерватизма, выступающего в качестве оппозиции либерализму, консерватизм рубежа XVIII–XIX вв. уместнее отождествлять с так называемым «контрпросвещением»[5]. Его представители не принимали такое ощущение времени, при котором, согласно Ю. Хабермасу, «настоящее строится на принципиальном разрыве с прошлым и история предстает как ряд изменений, стимулируемых разумом и ведущих к прогрессу...»[6] Изначально во взглядах русских консерваторов доминировали идея самодержавной власти, апологетика православия и его роли в жизни русского народа и государства, а также антизападничество, выступавшее в первой четверти XIX столетия в форме галлофобии.

Во многом благодаря репутации националиста и открытого противника масонства, как для современников, так и для потомков, Ростопчин стал фигурой спорной и в то же время крайне мифологизированной, что получило отражение в посвященной ему литературе. Особенностью ранних работ о Ростопчине является большая степень объективности в освещении и оценке фактов его биографии по сравнению с более поздней историографией, в которой его фигура предстала в виде яркой эмблемы определенного общественно-политического направления. Если до начала 60-х гг. XIX столетия Ростопчин рассматривался

---

[5] О связи понятий «ранний консерватизм» и «контрпросвещение» см.: Schippan M. Der «Frühkonservatismus» in Deutschland und das russische Denken // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт: Материалы международной научной конференции. Самара, 26–29 апреля 2002 года. Самара, 2002. S. 45.

[6] См.: Шенле А. Между «древней» и «новой» Россией: Руины у раннего Карамзина как место «modernity» // Новое литературное обозрение. 2003. № 1. С. 126.

в литературе как крупный государственный деятель, чья позитивная роль в истории Отечества практически не подвергалась сомнению, то приблизительно со второй половины XIX в. он стал восприниматься, главным образом, как символ политической реакции и крепостничества.

Первыми работами, посвященными Ростопчину, стали статьи А. Терещенко (1837 г.) и Д.Н. Бантыш-Каменского (1847 г.)[7]. В них были намечены основные вехи жизни и государственной деятельности Ростопчина. Издание первого собрания сочинений Ростопчина в 1853 г.[8] вызвало вспышку интереса к его литературному наследию. Ростопчин признавался талантливым и самобытным писателем, а его сочинения были отнесены к «достоянию нашей литературы»[9]. Так, автор рецензии, опубликованной в «Современнике»[10], писал, что «едва ли у нас найдется другой писатель, который бы мог нравиться в такой степени людям совершенно различных классов и состояний. Воспитанный при Дворе Екатерины – в век утонченной роскоши, посвященный во все тайны французской литературы и европейской политики, граф Ростопчин, в произведениях своих, сохранил национальный характер, русский склад ума, русский язык и замашки»[11].

Русский библиограф С.Д. Полторацкий в вышедшей в 1854 г. в Лейпциге на французском языке книге[12] дал подробное описание сочинений Ростопчина, часть которых не была известна широкому кругу читателей. В 1854 г. в самой России появилась работа Н.С. Тихонравова «Граф Ф.В. Ростопчин и литература

---

[7] Терещенко А. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. Ч. II. Канцлеры. СПб., 1837. С. 203–224; Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. III. СПб., 1847. С. 106–175.

[8] Ростопчин Ф.В. Сочинения. СПб., 1853.

[9] ОР РГБ. Ф. 233. К. 44. Ед. хр. 43. Л. 9.

[10] Рецензия на сочинение графа Ростопчина. Издание Александра Смирдина. СПб., 1853 // Современник. 1853. Т. 40. Отд. IV. С. 16–18.

[11] Там же. С. 16.

[12] [Полторацкий С.Д.] Rostoptchine (le comte Théodore) 1765–1826: Notice littéraire et bibliographique sur ses Ouvrages. [Leipzig], 1854.

в 1812 году»[13], посвященная анализу литературной и общественной деятельности Ростопчина. Автор не только обратил внимание на литературное творчество Ростопчина – талантливого и оригинального писателя-патриота, но и внес существенный вклад в дальнейшее изучение его биографии, введя в научный оборот новые и весьма ценные источники. Именно Н.С. Тихонравов впервые опубликовал пространные фрагменты из ранее неизвестной переписки Ростопчина с «героем Закавказья» – князем П.Д. Цицианов[14]. Эти письма служат основным источником для характеристики общественно-политических взглядов Ростопчина в первые годы александровского царствования. Позднее, в 70-е гг. XIX в. к литературному творчеству Ростопчина обратился профессор Казанского университета Н.Н. Булич[15]. Он высоко ставил художественные достоинства произведений Ростопчина, но, отдавая дань времени, критически оценивал общественно-политическую позицию писателя-консерватора, которую тот демонстрировал в своих сочинениях.

Деятельность Ростопчина на посту московского главнокомандующего освещалась авторами первых трудов по Отечественной

---

[13] Тихонравов Н.С. Граф Ф.В. Ростопчин и литература в 1812 году // Отечественные записки. 1854. № 7. Отд. II. С. 1–70. См. также: Тихонравов Н.С. Граф Ф.В. Ростопчин и литература в 1812 году // Тихонравов Н.С. Сочинения. Т. 3. Русская литература XVIII и XIX вв. М., 1898. С. 305–380.

[14] Полностью переписка Ростопчина с П.Д. Цицианов была опубликована лишь в 1872 г. П.И. Бартеневым. В своих воспоминаниях П.И. Бартенев писал, что публикация Н.С. Тихонравова вызвала в то время настоящий скандал, поскольку эти письма были опубликованы без разрешения их владельца – А.Ф. Ростопчина (младшего сына Ф.В. Ростопчина) (см.: Воспоминания П.И. Бартенева // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. I. М., 1991. С. 68).

[15] Лекции по истории русской литературы и просвещения, прочитанные Н.Н. Буличем в этот период, были изданы уже после его смерти (Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения начала XIX века. СПб., 1902. Т. 1–2. См. также: Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. Второе издание. СПб., 1912. Т. 1–2).

войне 1812 г. Так, в сочинениях Д.П. Бутурлина, А.И. Михайловского-Данилевского и М.И. Богдановича[16] чрезвычайные мероприятия московского военного губернатора рассматривались как образец патриотического и верноподданнического служения Отечеству и престолу.

Если для этих работ была характерна позитивная оценка личности, творчества и деятельности Ростопчина, а его патриотизм и консервативные убеждения получали однозначное одобрение, то с середины XIX в. стала отчетливо прослеживаться противоположная тенденция. Это было связано с общей либерализацией общественной жизни пореформенной России.

Начало развернутой критики Ростопчина совпало с выходом в свет романа Л.Н. Толстого «Война и мир»[17]. Ростопчин у Толстого воплотил в себе особый тип русского вельможи, чей наигранный «квасной» патриотизм в условиях войны 1812 г. выглядел нелепым и ненужным на фоне «скрытого (latent) патриотизма»[18] массы, неосознанно совершающей свой долг перед Отечеством. «Начиная от Смоленска, во всех городах и деревнях русской земли, без участия графа Растопчина и его афиш, происходило то же самое, что произошло в Москве. Народ с беспечностью ждал неприятеля, не бунтовал, не волновался, никого не раздирал на куски, а спокойно ждал своей судьбы, чувствуя в себе силы в самую трудную минуту найти то, что должно было сделать»[19], – писал Толстой. Все мероприятия Ростопчина на идеологическом поприще, представляющие предмет иронии и сарказма писателя, оказались, по его мнению, не только

---

[16] Бутурлин Д. История нашествия императора Наполеона на Россию, в 1812 году: С официальных документов и других достоверных бумаг российского и французского генерал-штабов. Ч. I. СПб., 1823; Михайловский-Данилевский А. Описание Отечественной войны в 1812 году, по высочайшему повелению. Ч. II. СПб., 1839; Богданович М. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Составлена по высочайшему повелению. Т. II. СПб., 1859.

[17] См.: Горностаев М.В. Государственная и общественная деятельность Ф.В. Ростопчина в 1796–1825 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 9.

[18] Толстой Л.Н. Война и мир. Т. IV. М.-Л., 1960. С. 236.

[19] Там же.

бесполезными, но и несущими в себе исключительно негативный заряд. Во многом из-за широкой известности романа созданный в нем негативный образ Ростопчина быстро и прочно укоренился в общественном сознании и нашел отражение в научной литературе. Между тем миф о Ростопчине был в значительной степени творением Толстого-художника, а не историка, и создавался в отрыве от исторической реальности. Примечательно, что в работе над сценой казни Верещагина Толстой отказался использовать собранную для него в Чертковской библиотеке литературу, мотивируя это тем, что в сумасшедшем доме он встретил какого-то старика – очевидца тех событий, который ему и рассказал, «как это происходило»[20].

Наиболее яркими образцами либеральной дореволюционной историографии, в которой были затронуты те или иные аспекты взглядов и деятельности Ростопчина, могут служить работы А.Н. Пыпина, А.Н. Попова, В.Н. Бочкарева, В.И. Семевского, Н.М. Мендельсона, С.П. Мельгунова и А.А. Кизеветтера[21]. Ростопчин как один из наиболее «чистых» представителей русского консерватизма в либеральной историографии оказался фигурой символически перегруженной, воплотившей в себе практически весь идейный негатив «реакции». Либеральные историки

---

[20] Апостолов Н.Н. Живой Толстой: Жизнь Льва Николаевича Толстого в воспоминаниях и переписке. М., 2001. С. 129.

[21] Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. Изд. 4-е. СПб., 1908; Попов А.Н. Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. № 7. С. 269–325; № 9. С. 6–47; № 10. С. 129–198; № 11. С. 257–289; Бочкарев В.Н. Консерваторы и националисты в начале XIX в. // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М., 1911. Т. II. С. 194–220; Семевский В.И. Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М., 1912. Т. IV. С. 221–246; Мендельсон Н.М. Ростопчинские афиши // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М., 1912. Т. IV. С. 83–92; Мельгунов С.П. Ростопчин – Московский главнокомандующий // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М., 1912. Т. IV. С. 34–83; он же: Кто сжег Москву? // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М., 1912. Т. IV. С. 162–172; он же: Родственники о Растопчине // Голос минувшего. 1915. № 7–8; Кизеветтер А.А. 1812 г. Ф.В. Ростопчин // Кизеветтер А.А. Исторические отклики. М., 1915. С. 27–187.

в значительной степени развивали и «научно» обосновывали концептуальные построения Толстого. «Своими стараниями возбудить в народе и обществе патриотический жар, – повторял за писателем А.А. Кизеветтер, – Ростопчин ломился в открытую дверь: нужна была вся самоуверенность презирающего народ бюрократа для того, чтобы прийти к мысли, что без жестов, прибауток и побасенок народ не пожелал бы отстаивать родину от вторжения иноземцев. <...> И потому его крикливая и суетная деятельность в 1812 г. осталась непонятной для народа и непроизводительной для государства. То не был результат его личных ошибок и увлечений. То был результат целого мировоззрения, вообще широко распространенного в правящих кругах всех эпох»[22], – заключал А.А. Кизеветтер, критиковавший на примере Ростопчина порочность целого общественно-политического течения. В целом типичные для либеральной историографии обвинения Ростопчина в дикости, жестокости, произволе, ненужной патриотической риторике, а также в «фанатической враждебности к Франции... и к Наполеону»[23] аналогичны аргументации наполеоновской пропаганды, в печатных образцах которой на варварские деяния наместника Москвы призывалось презрение «всех образованных наций»[24].

А.Н. Попов подверг Ростопчина резкой критике за преследование московских масонов, местных иностранцев и громкое дело Верещагина. Последнего А.Н. Попов считал невинной жертвой, а распространение им прокламаций, как это ни странно, «естественным поступком»[25]. Вообще, изображение Верещагина в ореоле мученичества, а московского генерал-губернатора в образе безжалостного и расчетливого палача было весьма характерно не только для публицистики, но и научной литературы того времени. События, разыгравшиеся во дворе генерал-губернаторского дома в день вступления наполеоновских войск в Москву, раньше рассматривалась в контексте общенациональной трагедии с учетом специфики времени и обстоятельств.

---

[22] Кизеветтер А.А. 1812 г. Ф.В. Ростопчин. С. 184–185.

[23] Мельгунов С.П. Ростопчин – московский главнокомандующий. С. 36.

[24] Цит. по: Из воспоминаний Э.М. Арндта о 1812 годе // Русский архив. 1871. Кн. I. С. 97.

[25] Попов А.Н. Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. № 7. С. 290.

С.П. Мельгунов превзошел всех предыдущих и последующих авторов по резкости оценок и характеристик. В азарте критики всех без исключения мероприятий генерал-губернатора он делал порой весьма курьезные выводы. Например, стремление Ростопчина запечатлеть для истории имена и образы героев Отечественной войны 1812 года – простых московских крестьян, наиболее отличившихся в партизанской войне[26], С.П. Мельгунов назвал поощрением «бессмысленной жестокости» в народной среде[27].

Наиболее значительным и всесторонним исследованием жизни и деятельности Ростопчина является работа А.А. Кизеветтера. Опубликованная впервые в 1915 г., она стала классикой «ростопчиноведения». Отмечая бесспорные достоинства этого труда, современный исследователь В.А. Преснов вместе с тем тонко подметил, что Кизеветтер-историк, «выдавив из себя Кизеветтера-исследователя, подчинил свое личное отношение человека начала двадцатого века по отношению к событиям, происходившим за сто лет до того, своим политическим настроениям и амбициям»[28]. Действительно, по полемическому азарту, эмоциональности и преимущественному вниманию к современным общественно-политическим вопросам, исследование Кизеветтера сближается с политической публицистикой. Несмотря на явную тенденциозность, его работа представляет несомненный интерес благодаря затронутым в ней проблемам, связанным с консерватизмом и национализмом Ростопчина.

Показательно, что в трудах так называемых дворянских охранителей – М.А. Корфа и В.К. Надлера[29] – деятельность

---

[26] О желании Ростопчина заказать портреты московских крестьян, героически боровшихся с французскими завоевателями, см.: Рунич Д.П. Записки // Русская старина. 1901. Т. 105. № 4. С. 163; Записки академика Витберга // Русская старина. 1872. № 1. С. 19.

[27] Мельгунов С.П. Ростопчин – Московский главнокомандующий. С. 81.

[28] Преснов В.А. «Театр» Ростопчина: Социально-культурный контекст эпохи // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. М., 1999. С. 52.

[29] Корф М.А. Деятели и участники в падении Сперанского // Русская старина. 1902. № 3. С. 469-508; Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного Союза. Т. I. Рига, 1886.

и взгляды Ростопчина не получили принципиально иной оценки. Соответствуя духу времени и сложившейся либеральной историографической традиции, они видели в Ростопчине, прежде всего, ревностного охранителя существующего порядка, противника реформ и всякого рода нововведений, панически боявшегося народных волнений. И потому их позицию в оценке деятельности и взглядов Ростопчина трудно назвать собственно «охранительной». М.А. Корф, к примеру, резко осуждал Ростопчина за его активное участие в кампании против М.М. Сперанского, закончившейся отставкой статс-секретаря. В.К. Надлер, в свою очередь, объяснял незаурядную активность московского главнокомандующего в военные месяцы 1812 г. ничем иным как боязнью перед крестьянским бунтом. «Увлекаемый своими призрачными опасениями, – писал по этому поводу В.К. Надлер, – Ростопчин выбивался из сил, чтобы предохранить народ от тлетворного влияния изменников, чтобы предупредить грозящее восстание»[30].

В советский период не было специальных работ, посвященных Ростопчину (как и большинству других представителей правого лагеря). Довольно бегло о нем упоминали в связи с событиями войны 1812 г. Так, Е.В. Тарле, Н.Ф. Гарнич и Л.Г. Бескровный[31] в своих фундаментальных трудах подвергали деятельность Ростопчина на посту московского главнокомандующего безоговорочной критике. «Крикливый балагур, фанфарон, самолюбивый и самоуверенный, без особых способностей и призвания к чему бы то ни было»[32], Ростопчин изображался советскими авторами не просто как мелкая, незначительная фигура в истории войны 1812 г., но и как однозначно негативный персонаж: «ненавистник» Кутузова, вредитель и саботажник, главный виновник сдачи Москвы и отступления русской армии после Бородинского сражения[33].

---

[30] Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного Союза. С. 141–142.

[31] Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938. (Далее ссылки даются на издание: Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1994); Гарнич Н.Ф. 1812 год. М., 1956; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962.

[32] Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1994. С. 156.

[33] Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 192; 197; Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 418.

Тем не менее, несмотря на подчеркнуто негативную характеристику деятельности московского главнокомандующего, Е.В. Тарле внес существенный вклад в изучение наиболее спорных вопросов, касающихся действий Ростопчина летом 1812 г. В истории о Верещагине он доказал, что казненный по приказу Ростопчина купеческий сын был не невинным молодым человеком, из любопытства переводившим запрещенную литературу, а сочинителем и распространителем «вредных» прокламаций, т. е. государственным преступником по законам военного времени[34]. Кроме этого, Е.В. Тарле указал на значительную роль Ростопчина в организации грандиозного московского пожара[35].

Причинам московского пожара была посвящена статья В.М. Холодковского[36], которая до сих пор не потеряла своего научного значения. Вступив в полемику с Л.Г. Бескровным и Н.Ф. Гарничем, ученый доказал несостоятельность официальной версии русского правительства, возложившего всю ответственность в московском пожаре на армию Наполеона.

Дальнейшую разработку в советский период получил вопрос о внешнеполитических проектах конца павловского царствования. Так, в своих работах А.М. Станиславская, А.З. Манфред и Н.Я. Эйдельман[37] рассматривали планы Ростопчина по русско-французскому сближению, отмечая позитивные стороны его деятельности во главе внешней политики Российской империи. Все эти исследователи убеждены, что поворот России к Франции в конце XVIII в., которому способствовал

---

[34] Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 157.

[35] Там же. С. 167.

[36] Холодковский В.М. Наполеон ли поджег Москву? // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 31–43.

[37] Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962; Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1971. (Далее ссылки даются на издание: Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. 5-е изд. Сухуми, 1989); Эйдельман Н.Я. Грань веков: Политическая борьба в России: Конец XVIII – начало XIX столетий. М., 1986.

Ростопчин, был обусловлен международной ситуацией, сложившейся в ходе войны 1798–1799 гг.

Среди работ, увидевших свет за последние два десятилетия, выделяются статьи филолога Г.Д. Овчинникова[38] – автора первого диссертационного исследования[39], посвященного литературному творчеству Ростопчина, и издателя его сочинений[40]. Работы Г.Д. Овчинникова интересны пересмотром существующих оценок общественно-политической деятельности и взглядов Ростопчина. Написанные в традициях национально-патриотического направления современной историографии, они стали первым шагом в деле реабилитации Ростопчина в отечественной науке. Так, патриотический и националистический пафос литературного творчества Ростопчина был интерпретирован Г.Д. Овчинниковым в качестве адекватного ответа на культурно-политическую ситуацию александровской эпохи.

Возникший в 80–90-е гг. XX в. в интеллектуальной среде интерес к идейному наследию русского консерватизма сделал фигуру Ростопчина исключительно привлекательной для современных исследователей. Только за последние годы появились три крупные работы, посвященные жизни и деятельности Ростопчина. Это беллетристические произведения О.Н. Любченко и А.И. Кондратенко[41], а также диссертационное исследование

---

[38] Овчинников Г.Д. «И дышит умом и юмором того времени...» (о литературной репутации Ф.В. Ростопчина) // Русская литература. 1991. № 1. С. 149–155; он же: «Мысли вслух на красном крыльце» Ф.В. Ростопчина в литературно-общественном контексте 1806–1813 годов // Истоки, традиции, контекст в литературе. Владимир, 1992. С. 34–41; он же: «Теперь служу с сохой...» // Время и текст. Историко-литературный сборник. СПб., 2002. С. 38–47.

[39] Овчинников Г.Д. Литературная деятельность Ф.В. Ростопчина: дис. канд. филол. наук. СПб., 1993.

[40] Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992.

[41] Любченко О.Н. Граф Ростопчин. М., 2000; Кондратенко А.И. Историческое повествование о подлинных событиях, фактах и происшествиях конца XVIII – начала XIX века, заключающих в себе жизнь графа Федора Васильевича Ростопчина. Орел, 2002; он же: У истоков русской национальной идеи: Ф.В. Ростопчин, Н.Я. Данилевский и их время (историко-политологический анализ). Монография. Орел, 2002.

М.В. Горностаева[42]. Все эти исследователи руководствовались задачей «создать возможно более правдивый и живой портрет своего героя – незаурядного, яркого, необыкновенного» человека[43], кем являлся, по их мнению, Ростопчин. Характерной чертой этих работ, помимо присущего им патриотического пафоса, является высокая оценка общественно-политической деятельности и взглядов Ростопчина.

Однако авторы указанных работ ограничиваются по преимуществу изучением источников, введенных в научный оборот предшественниками, мало привлекая новый материал. В результате некоторые важные источники, опубликованные еще в XIX – начале XX в., но не задействованные на тот момент исследователями, в настоящее время практически неизвестны. Не является в данном случае исключением и исследование М.В. Горностаева[44]. Будучи безусловно заметной вехой в изучении темы, оно, тем не менее, больший интерес представляет не с фактической, а именно с концептуальной точки зрения. Проблема взаимоотношений Ростопчина с Кутузовым летом 1812 г., которую вслед за Н.А. Троицким[45] рассматривает М.В. Горностаев, стала лейтмотивом работы последнего. Полемизируя с известными советскими историками (П.А Жилиным, И.И. Полосиным[46], Н.Ф. Гарничем

---

[42] Горностаев М.В. Государственная и общественная деятельность Ф.В. Ростопчина в 1796–1825 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; он же: К вопросу о вине Ростопчина в оставлении Москвы в 1812 г. // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи: Материалы V Всероссийской научной конференции 25 апреля 2002 г. Музей-панорама «Бородинская битва». М., 2002. С. 31–44; он же: Генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин: Страницы истории 1812 года. М., 2003; он же: Федор Васильевич Ростопчин // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 113–142.

[43] Любченко О.Н. Граф Ростопчин. С. 474.

[44] Горностаев М.В. Государственная и общественная деятельность Ф.В. Ростопчина в 1796–1825 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

[45] Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты. М., 2002.

[46] Жилин П.А. Контрнаступление русской армии в 1812 году. М., 1953; Полосин И.И. Кутузов и пожар Москвы // Исторические записки. Т. 34. М., 1950.

и Л.Г. Бескровным), М.В. Горностаев убедительно доказал необоснованность и тенденциозность их выводов относительно «плохой» организации московским генерал-губернатором народного ополчения, обороны Москвы и эвакуации государственного имущества[47]. Однако за пределами внимания автора исследования остались многие важные факты государственной и общественно-политической деятельности Ростопчина, затронутые им лишь фрагментарно.

Ростопчин стал объектом внимания современного исследователя раннего консерватизма в России А.Ю. Минакова[48], работы которого помимо пересмотра сложившихся в течение десятилетий стереотипов, представляют ценность постановкой и решением целого ряда теоретических вопросов. Отдельные проблемы государственной и общественно-политической деятельности Ростопчина решались в исследованиях Е.А. Бузько, В.А. Преснова и А.Л. Зорина[49].

Немало внимания уделялось Ростопчину и в зарубежной историографии. При этом пальма первенства принадлежит французским исследователям, поскольку политическая и частная жизнь Ростопчина была прочно связана с Францией и ее историей. Одна из его

---

[47] Горностаев М.В. Государственная и общественная деятельность Ф.В. Ростопчина в 1796–1825 гг.: дис. ... канд. ист. наук. С. 153.

[48] Минаков А. Особенности становления русского консервативного национализма в первой четверти XIX века // Ф.И. Тютчев (1803–1873) и проблемы российского консерватизма: Сб. статей. Ростов н/Д., 2004. Т. I. С. 73–78; он же: Опыт типологии течений в русском консерватизме первой четверти XIX века // Российская империя: Стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 267–281; он же: Роль событий 1812 г. в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе: Сб. научных работ. Воронеж, 2005. С. 7–18.

[49] Бузько Е.А. Историческое слово Ростопчина в «Войне и мире» Л.Н. Толстого (из комментария к роману) // Историко-литературный сборник. Тверь, 1999. С. 116–127; Преснов В.А. «Театр» Ростопчина: Социально-культурный контекст эпохи // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. М., 1999. С. 51–58; он же: Федор Васильевич Ростопчин // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 624–625; Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004.

дочерей, в замужестве графиня София де Сегюр, став известной и популярной во Франции детской писательницей, привлекла внимание исследователей к незаурядной фигуре своего отца. В ее биографиях, появившихся во Франции в первой половине XX в.[50], отражены отдельные факты генерал-губернаторства Ростопчина. Сын Софии де Сегюр, Анатоль де Сегюр, стал автором обширного жизнеописания легендарного деда[51]. Книга, выдержавшая во Франции в 1871–1893 гг. восемь изданий[52], была написана на основе как опубликованных, так и хранящихся в семейном архиве материалах. Примечательно, что А. де Сегюр не только стремился представить своего деда в качестве русского национального героя, но и примирить его с французами и католической Францией.

До появления книги А. де Сегюра к биографии Ростопчина обращался в 1863 г. французский историк И. Шницлер[53], сочинение которого было переведено на русский язык в 1912 г[54]. В то время, как в отечественной историографии начала преобладать либеральная концепция истории русского консерватизма, на Западе Ростопчин по-прежнему воспринимался как крупный государственный и общественно-политический деятель, сыгравший позитивную роль в истории России. В отличие от большинства отечественных историков, их современники-французы, называя Ростопчина видным представителем «национальной партии»[55] или проповедником русского национализма[56], не вкладывали в это определение какой-либо негативный смысл.

---

[50] Cordonnier Ch. La comtesse de Ségur, l'idéale grand mère. Paris, 1931; Chenevièr J. La comtesse de Ségur, née Rostopchine. Paris, 1935.

[51] Ségur A. de. Vie du comte Rostoptchine, gouverneur de Moscou. Paris, 1871.

[52] Fuye M., de la. Rostoptchine: Européen ou slave? Paris, 1937. P. 351.

[53] Schnitzler J.H. Rostoptchine et Koutousof: Tablo de murs et essai de critique historique. Paris, 1863.

[54] Шницлер И. Ростопчин и Кутузов: Россия в 1812 году. СПб., 1912.

[55] Pinqaud L. Les Francais en Russe et les Russes en France. Paris, 1886. P. 295.

[56] Fuye M., de la. Rostoptchine: Européen ou slave? P. 132.

Наиболее масштабным и всесторонним исследованием биографии Ростопчина в зарубежной историографии стала монография французского исследователя Мориса де ля Фюйе, появившаяся в 1937 г. Книга интересна богатым фактическим материалом, а также детальным изложением некоторых сюжетов. Так, исследование М. де ля Фюйе внешней политики России конца павловского царствования отчасти дополняет работы отечественных специалистов по этой проблеме.

Традицию русской либеральной и марксистской историографии в оценке и характеристике взглядов и деятельности Ростопчина продолжил современный американский русист Александр Мартин. В 1997 г. появилась его книга «Романтики, реформаторы, реакционеры: русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I»[57], представляющая собой фундаментальное исследование истории раннего консервативного движения. В 1998 г. в России вышло несколько статей А. Мартина[58], в которых в той или иной степени затрагивались взгляды Ростопчина. Так, в небольшой статье «Ф.В. Ростопчин – герой 1812 года или предшественник черных сотен», вслед за А.А. Кизеветтером[59], А. Мартин провел аналогию между консерватизмом Ростопчина и идеологией черносотенцев начала XX в.[60] Эта мысль получила дальнейшее развитие в другой статье ученого[61], в которой московский главнокомандующий сравнивался

---

[57] Martin A. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997.

[58] Мартин А. Ф.В. Ростопчин – герой 1812 года или предшественник черных сотен // Консерватизм: Идеи и люди. Пермь, 1998. С. 67–79; он же: «Воспоминание» и «пророчество»: Возникновение консервативной идеологии в России в эпоху наполеоновских войн и «Священного союза» // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998. С. 85–101.

[59] Кизеветтер А.А. 1812 г.: Ф.В. Ростопчин. С. 105–106.

[60] Мартин А. Ф.В. Ростопчин – герой 1812 года или предшественник черных сотен. С. 78.

[61] Martin A. The Napoleonic Wars and the Origins of Conservative Politics in Russia and Spain // Эволюция консерватизма: Европейская традиция и русский опыт: Материалы международной научной конференции. Самара, 26–29 апреля 2002 года. Самара, 2002. P. 12–22.

с представителями европейского фашизма[62]. Для А. Мартина, как в свое время для А.А. Кизеветтера, негативная оценка взглядов Ростопчина служила прологом к широкомасштабной критике консервативной идеологии в целом.

Несмотря на многочисленность и разнообразие литературы в отечественной и зарубежной историографии до сих пор отсутствует фундаментальная и обобщающая работа, посвященная воззрениям Ростопчина и их влиянию на его государственную деятельность. Изучение общественно-политических взглядов и деятельности Ростопчина позволило бы поставить и рассмотреть такие актуальные проблемы раннего русского консерватизма, как определение степени влияния и преемственности правительственного консерватизма Павла I и русских консерваторов александровского царствования; зарождение и специфика русского национализма и его взаимоотношение с консерватизмом; механизмы и характер влияния консерваторов на правительственную политику и т. д.

Основу источниковой базы исследования составляют труды, принадлежащие перу Ростопчина: его мемуары, публицистика, художественные произведения, а также его обширная переписка. Литературное и эпистолярное наследие Ростопчина на протяжении двух веков активно публиковалось как в России, так и за рубежом. Младший сын Ростопчина, Андрей Федорович, в свое время приложил немало усилий для сохранения и публикации материалов своего отца. Благодаря его сотрудничеству с П.И. Бартеневым во второй половине XIX столетия в «Русском архиве» была опубликована значительная часть личного архива Ростопчина. Кроме того, в 1864 г. в Брюсселе на французском языке был издан целый сборник материалов Ростопчина[63], часть которых ни до, ни после этого не публиковалась на родине. Сборник, вышедший за границей в количестве всего 12-ти экземпляров, с момента издания стал библиографической редкостью.

---

[62] Martin A. The Napoleonic Wars and the Origins of Conservative Politics in Russia and Spain. P. 15.

[63] Matériaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Théodore Rastaptchine rassemblés par son fils. Tire à douze exemplaires. Bruxelles, 1864.

Во многом из-за этого часть его материалов не была введена в научный оборот. Так, в настоящее время остается почти неизвестным «берлинский» дневник Ростопчина – «Journal écrit à Berlin pendant les années 1786 et 1787»[64], который он вел во время заграничной поездки 1786–1788 гг. Поскольку сведения о раннем периоде жизни Ростопчина крайне скупы, его «берлинский» дневник имеет безусловную ценность. Ежедневные, предельно точные и лаконичные дневниковые записи свидетельствуют о культурных вкусах, интересах, образе жизни и занятиях молодого путешественника, его связях и круге общения.

Для характеристики мировоззрения Ростопчина особый интерес представляет его публицистика и политические записки. Так, в «Записке графа Ф.В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы Павловского царствования» (1800 г.)[65] были изложены основные положения его внешнеполитической концепции. Важным пунктом этой записки, составленной Ростопчиным по поручению Павла I, был проект раздела владений Османской империи при содействии Наполеона. Другая записка Ростопчина императору Павлу I по вопросам внешней политики – «Note, présentée à l'Empereur Paul en 1800, aprés l'epoque de la signature de la paix de Luneville» («Записка, представленная императору Павлу в 1800 г., вскоре после заключения Люневильского мира»), до сих пор остается не введенной в научной оборот. Ее черновик был обнаружен французами в доме московского генерал-губернатора в 1812 г. Опубликованная в свое время на французском языке Н.К. Шильдером[66], эта записка содержала план мирного приобретения Россией территории Восточной Пруссии. Однако этот смелый проект передела немецких территорий не нашел какого-либо отражения

---

[64] Journal écrit à Berlin pendant les années 1786 et 1787 // Matériaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Théodore Rastaptchine rassemblés par son fils. P. 7–25.

[65] Записка графа Ф.В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы Павловского царствования // Русский архив. 1878. № 1. С. 103–110.

[66] Note, présentée à l'Empereur Paul en 1800, aprés l'epoque de la signature de la paix de Luneville // Шильдер Н.К. Александр I и его царствование. В 4 т. СПб., 1897. Т. I. С. 285–286.

в отечественной историографии, посвященной проблемам внешней политики России в конце павловского царствования и русско-французских отношений.

В «Записке о мартинистах...» (1811 г.), представленной Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне[67], отражен характерный для консерватора взгляд на масонство как на тайную политическую силу, опасную для существующего порядка. «Замечания графа Ф.В. Ростопчина на книгу г-на Стройновского», представленные Александру I в конце 1811 – начале 1812 г., посвящены крестьянскому вопросу и проблеме отмены крепостного права в России. Существование двух отличных друг от друга вариантов «замечаний» или «возражений» Ростопчина на книгу В.Б. Стройновского[68] позволяет предположить, что один из них предназначался для императора, а другой – для публики. «Замечания», датированные 1811 г.[69], представляют собой политический трактат с философскими отступлениями и экскурсами в историю. В отличие от них, «Возражения» написаны не столь «высоким» стилем, в них больше эмоций и акцентированности на чувствах национальной гордости. В пользу того, что автором обеих записок мог быть Ростопчин (чему существуют опровержения в литературе[70]), свидетельствует переписка совре-

---

[67] Записка о мартинистах представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875. № 9. С. 75–81.

[68] ОПИ ГИМ. Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 32 об.–35. Опубликовано с некоторыми изменениями: Возражения графа Ростопчина на книгу, сочиненную графом Стройновским, О условиях помещиков с крестьянами // ЧОИДР. 1859. Кн. III. Отд. V. С. 37–45; ОПИ ГИМ. Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 99–107. См. также: Замечания графа Ф.В. Ростопчина на книгу г-на Стройновского // ЧОИДР. 1860. Кн. II. Отд. V. С. 203–217.

[69] ОПИ ГИМ. Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 99.

[70] Авторство Ростопчина опровергали в разное время В.И. Семевский, М. Лонгинов, А. Ельницкий (см.: Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. С. 300; Лонгинов М. Материалы для биографии и полного собрания сочинений графа Федора Васильевича Ростопчина // Русский архив. 1868. № 4. Стб. 856; Ельницкий А. Граф Федор Васильевич Ростопчин // Русский биографический словарь: Романова–Рясовский. М., 1999. С. 302).

менников, в которой фигурируют как «замечания», так и «возражения» Ростопчина[71].

Антизападнический и антилиберальный характер носит записка Ростопчина «Картина Франции 1823 года»[72], составленная им для Александра I накануне своего возвращения на родину. Эта записка – своеобразный опыт осмысления русским консерватором Запада как культурного и политического явления.

Помимо записок, часто адресованных монаршим особам, Ростопчин создал различные по стилям и жанрам произведения. Личный опыт помещика-новатора лег в основу сельскохозяйственного трактата «Плуг и Соха»[73] (1806 г.) – первого опубликованного сочинения Ростопчина. По характеру высказанных идей это сочинение примыкает к его публицистике 1807–1808 гг. Наибольший интерес среди публицистических сочинений Ростопчина этого периода представляет его знаменитый памфлет «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» (1807 г.)[74], ставший своего рода манифестом русского националистического консерватизма. Единственная известная на сегодняшний день повесть Ростопчина «Ох, французы!» (1806 г.)[75], а также комедия

---

[71] См., к примеру: Письмо А.Д. Балашева графу Ф.В. Ростопчину от 28 января 1812 года // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 1; Письмо И.П. Оденталя А.Я. Булгакову от 26 марта 1812 года // ОР РГБ. Ф. 41. К. 114. Ед. хр. 30. Л. 8.

[72] Картина Франции 1823 года: Представлена Александру Павловичу графом Ф.В. Ростопчиным // Русский архив. 1872. № 5. СПб. 965–985.

[73] [Ростопчин Ф.В.] Плуг и Соха. М., 1806.

[74] Ростопчин Ф.В. Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 148–153.

[75] Ростопчин Ф.В. Ох, французы! Наборная повесть из былей, по-русски писанная // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! С. 84–148. Следует отметить, что Ростопчин не стремился публиковать свои сочинения. После прочтения друзьям очередной повести или комедии он отправлял свою рукопись в огонь.

«Вести, или Убитый живой» (1808 г.)[76] по своему пропагандистскому тону близки к публицистике Ростопчина и представляют собой ценный источник для характеристики общественно-политического мировоззрения их автора.

Автобиографический характер носят записки Ростопчина: «Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I»[77] и «Записки о 1812 годе»[78]. Последнее сочинение является одним из основных источников, освещающих деятельность Ростопчина на посту московского главнокомандующего. Наряду с «Правдой о пожаре Москвы»[79], эта записка содержит ценную информацию о мероприятиях московского генерал-губернатора в военные месяцы 1812 г., об организации обороны Москвы и эвакуации имущества. Однако следует учитывать, что обе записки были созданы спустя десятилетие после Отечественной войны. А потому в них содержится ряд неточностей, а некоторые утверждения Ростопчина порой противоречат его более ранним высказываниям.

Важным источником, характеризующим деятельность Ростопчина на посту московского главнокомандующего, являются его знаменитые афиши, с которыми он обращался к жителям Москвы в 1812 г. Афиши неоднократно публиковались как в России, так и за рубежом, начиная с выхода в свет в 1853 г. первого собрания сочинений Ростопчина[80]. Содержание афиш не только свидетельствует о

---

[76] Ростопчин Ф.В. Вести, или Убитый живой: Комедия в одном действии // Там же. С. 157–206.

[77] Ростопчин Ф.В. Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I // Там же. С. 71–84.

[78] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе // Там же. С. 242–315.

[79] Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. М., 1823.

[80] См.: Ростопчин Ф.В. Сочинения. СПб., 1853; Matériaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Théodore Rastaptchine rassemblés par son fils. Tiré a douze exemplaires. Bruxelles, 1864; Ростопчинские афиши 1812 года. СПб., 1889; Картавов П.А. Ростопчинские афиши. СПб., 1904; Борсук Н.В. Растопчинские афиши: Текст с примечаниями и предисловием. СПб., 1912; Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992; Кондратенко А.И. Историческое повествование о подлинных событиях, фактах и происшествиях конца XVIII – начала XIX века, заключающих в себе жизнь графа Федора Васильевича Ростопчина. Орел, 2002.

конкретных мероприятиях и намерениях московского генерал-губернатора летом – зимой 1812 г., но и отражает механизм функционирования его власти. По тону и преследуемым целям к афишам примыкает еще одно сочинение пропагандистского характера – «Речь говоренная верейской округи помещиком Николаем Петровичем Николевым собственным и соседним крестьянам» (август 1812 г.)[81], не вошедшее ни в одно из изданий ростопчинских афиш.

Большое значение для изучения деятельности Ростопчина во главе Московской губернии в военное время имеет «Журнал исходящим бумагам канцелярии московского генерал-губернатора...»[82], представляющий собой комплекс документов, почти не введенных в научный оборот. «Журнал» и примыкающие к нему отдельные документы канцелярии московского главнокомандующего[83] позволяют уточнить и дополнить сведения, почерпнутые из записок Ростопчина о 1812 г. и многочисленных свидетельств современников. Безусловный интерес представляют и материалы по делу о высылке евреев из Москвы в 1812 г., хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ)[84]. Этот факт, в отличие от высылки из Москвы французов, до сих пор не отражен в историографии, посвященной Ростопчину.

Ростопчину принадлежит также ряд историко-литературных произведений, в которых он выступил, главным образом, в качестве оригинального писателя, и в меньшей степени – идеолога русского консерватизма. Речь идет о таких сочинениях, как «Путешествие в Пруссию», «Из путевых записок 1815 года», «Мои записки, написанные в десять минут, или Я сам без прикрас», «Le Cimetière du Père-Lachaise» («Кладбище Пер-Лашез»)[85] и др.

---

[81] РГАДА. Ф. 345. Оп. 1. Д. 20. Л. 3–8.

[82] Журнал исходящим бумагам канцелярии московского генерал-губернатора графа Растопчина с июня по декабрь 1812 года. М., 1908.

[83] ОПИ ГИМ. Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 8; ОР РГБ. Ф. 231. К. 25. Ед. хр. 11. Л. 1–2.

[84] ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–8.

[85] Ростопчин Ф.В. Путешествие в Пруссию // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! С. 17–71; он же: Из путевых записок 1815 года // Там же. С. 225–242; он же: Мои записки, написанные в десять минут, или Я сам без прикрас // Там же. С. 222–225; Le Cimetière du Père-Lachaise // Œuvres inédites du comte Rostopchine publieés par la comtesse Lydie Rostopchine: Avec une étude sur le gouverneur de Moscou par Jean de Bonnefon. Paris, [1894]. P. 137–140.

Наибольшую известность приобрела краткая автобиография Ростопчина, которая благодаря стараниям С.Д. Полторацкого, была переведена на многие европейские языки и имела успех за границей.

Отдельную группу источников представляет обширная корреспонденция Ростопчина, часть которой до сих пор не введена в научный оборот. В период с 1812 по 1824 г. Ростопчин вел весьма содержательную и живую переписку с А.А. Закревским[86]. В письмах к нему Ростопчин давал смелые оценки событиям политической жизни Российской империи, а также делился своими впечатления от знакомства с послевоенной Европой. Особое место в эпистолярном наследии Ростопчина занимают письма одному из его ближайших друзей – Адаму Фомичу Брокеру. Часть этой переписки, охватывающая период с 1815 по 1818 г., была опубликована П.И. Бартеневым в «Русском архиве»[87]. Письма же 1822–1825 гг., хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ)[88], до сих пор не были введены в научный оборот. Между тем они содержат ценную информацию о событиях и взглядах последних лет жизни Ростопчина, которые в целом слабо отражены в литературе.

Наиболее объемной является переписка Ростопчина с С.Р. Воронцовым[89], продолжавшаяся с 1791 по 1825 г. В ней особенно четко отразились общественно-политические взгляды Ростопчина и их эволюция на протяжении многих лет жизни. Интересная характеристика этого явления была дана в свое время П.А. Вяземским:

---

[86] Письма графа Федора Васильевича Ростопчина к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому // Сб. РИО. Т. 73. СПб., 1890. С. 460–473.

[87] Письма графа Ф.В. Ростопчина к А.Ф. Брокеру // Русский архив. 1868. Стб. 873–1924.

[88] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 686. Л. 1–41.

[89] Письма Ф.В. Ростопчина С.Р. Воронцову // Архив князя Воронцова. Кн. VIII. Ч. I. М., 1876. С. 37–457; Вести из России в Англию [Письма графа Ф.В. Ростопчина к графу С.Р. Воронцову] // Русский архив. 1876. № 1. С. 79–120; № 2. С. 206–223; № 4. С. 393–416; № 9. С. 365–404; № 12. С. 414–430; Письма графа Ф.В. Ростопчина к графу М.С. Воронцову и к его отцу // Русский архив. 1908. № 6. С. 270–280; Ростопчинские письма 1793–1814 [Письма графа Ф.В. Ростопчина к графу С.Р. Воронцову] // Русский архив. 1887. № 2. С. 149–186.

«Переписка его <Ростопчина. – *А.М.*> с графом С.Р. Воронцовым – это горячий памфлет; но памфлеты обыкновенно и пишутся сгоряча на нескольких страницах, на известное событие, или по известному вопросу. А здесь памфлет почти полувековой и ни на минуту не остывающий. Живое отражение современных событий, лиц, городских слухов и сплетней, иногда верное, меткое, часто страстное и вероятно не вполне справедливое, придает этой переписке, особенно у нас, характер совершенно отличный»[90].

Помимо этого в разные годы своей жизни Ростопчин вел переписку с такими крупными фигурами своей эпохи, как А.В. Суворов, Александр I, великая княгиня Екатерина Павловна, великий князь Константин Павлович, М.И. Кутузов, П.И. Багратион, П.Д. Цицианов[91] и др.

---

[90] Вяземский П.А. Характеристические заметки и воспоминания о гр. Ростопчине // Русский архив. 1877. № 5. С. 71.

[91] ОПИ ГИМ. Ф. 364. Ед. хр. 4. Л. 199–273 об; ОПИ ГИМ. Ф. 364. Ед. хр. 5 а. Л. 44–53; РГАДА. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 11–35 об.; Переписка Ф.В. Ростопчина с А.В. Суворовым // Фукс Е.Б. История российско-австрийской кампании 1799 г. под предводительством генералиссимуса, князя италийскаго, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго. Ч. III. СПб., 1826. С. 20–664; Письма Ф.В. Ростопчина к А.В. Суворову // Московский телеграф. 1826. Ч. VIII. С. 191–205; Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу // Русский архив. 1892. Кн. II. С. 419–565; Переписка императора Александра Павловича с гр. Ф.В. Ростопчиным 1812–1814 гг. // Русская старина. 1893. № 1. С. 173–209; Письма Ростопчина к великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1869. Стб. 759–762; Письмо графа Ф.В. Ростопчина к великой княгине Екатерине Павловне от 14 апреля 1810 года // Русский архив. 1876. № 3. С. 374–375; Письма Ростопчина к великому князю Константину Павловичу // Русский архив. 1869. Стб. 763–766; РГАЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 261. Л. 1–8; Письма графа Ф.В. Ростопчина к фельдмаршалу князю М.И. Кутузову Смоленскому в 1812 году // Русский архив. 1875. № 12. С. 456–460; Письмо Ф.В. Ростопчина М.И. Кутузову от 16 августа 1812 года о формировании Московского ополчения // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. документов. М., 1962. С. 61; Кутузов М.И. Письма. Записки. М., 1989; Письма графа Ростопчина к князю Багратиону // Русская старина. 1883. № 12. С. 650–651; Письма гр. Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову (1803–1806) // Девятнадцатый век. Кн. II. М., 1872. С. 1–113.

Обширная группа источников представлена также воспоминаниями и письмами современников, в которых зафиксированы многие факты биографии Ростопчина. Автором первого биографического очерка о Ростопчине, появившегося по прошествии всего нескольких месяцев после его смерти, стал его близкий друг А.Я. Булгаков[92]. Из-под его пера вышло жизнеописание человека в высшей степени незаурядного, изображенного в ореоле славы и величия. Несмотря на видимую пристрастность автора в оценках и характеристике своего героя, очерк отличается редкой фактической точностью. В «Воспоминаниях А.Я. Булгакова о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федора Васильевича Ростопчина»[93] и фрагментах его «Записок»[94] воссоздана яркая картина поведения Ростопчина в неофициальной обстановке.

---

[92] [А. Булгаков] Биография графа Федора Васильевича Растопчина // Отечественные записки. 1826. № 72. С. 50–86. Статья, опубликованная в «Отечественных записках» в 1826 г. была подписана инициалами «А.Б.», под которыми легко и безошибочно «угадывался» бы Александр Булгаков, если бы десятилетия спустя, в 1893 г. в «Русской старине» не был напечатан этот же самый текст, автором которого был назван другой близкий Ростопчину человек – Адам Брокер. Есть основания полагать, что во втором случае авторство определено неверно. Так, в предисловии к биографии Ростопчина ее автор пишет о себе следующее: «Имев честь служить под начальством покойного Графа в незабвенный 1812 год, пользовавшись его особенною благосклонностью и дружбою, находившись безотлучно при нем во все продолжение его болезни и имев отраду в одно время, и приятную и горестную, закрыть ему глаза, я более другого могу иметь сведения о незабвенном сем патриоте». Невзирая на то, что и А. Булгаков и А. Брокер – оба были близкими друзьями Ростопчина, служили под его начальством в 1812 г., и опять же оба находились при нем во время его болезни и смерти, «отраду» «закрыть ему глаза» имел А.Я. Булгаков, о чем и сообщал на другой день после смерти Ростопчина в письме к брату (см.: Письма А.Я. Булгакова к брату // Русский архив. 1901. № 7. С. 345).

[93] Булгаков А.Я. Воспоминания А.Я. Булгакова о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федора Васильевича Ростопчина // Старина и новизна. 1904. Кн. 7. С. 98–135.

[94] Из Записок А.Я. Булгакова // Русский архив. 1900. № 7. С. 265–278.

Записки о Ростопчине князя П.А. Вяземского[95], лично его знавшего, интересны, прежде всего, не фактическим материалом, а своими обобщениями. В той или иной степени пребывание Ростопчина на этом посту освещено в воспоминаниях и записках А.Д. Бестужева-Рюмина, С.Н. Глинки, Д.П. Рунича, А. Домерга, П.И. Вороненко, М.М. Маракуева, А. де Коленкура[96] и других современников.

Особое внимание обращают на себя воспоминания А.Д. Бестужева-Рюмина, служившего при московском генерал-губернаторе чиновником вотчинного департамента. Известно, что во время занятия Москвы французами А.Д. Бестужев-Рюмин был хорошо принят самим Наполеоном (к которому он обратился за покровительством в сохранении архива вотчинного департамента) и был назначен помощником мэра Московской общины[97]. Примечательно сохранившееся письменное обращение А.Д. Бестужева-Рюмина к Наполеону, которое заканчивается словами: «...Имею честь быть с глубоким уважением и покорностью, государь, вашего королевского и императорского величества смиренный и покорный слуга А. Б.-Р.»[98] После возвращения в Москву Ростопчин предал суду служивших французам чиновников, среди которых оказался, разумеется, и

---

[95] Вяземский П.А. Воспоминания о 1812 годе // Русский архив. 1869. № 1. С. 181–216; он же: Старая записная книжка, начатая в 1813 г. в Москве // Девятнадцатый век. Кн. II. М., 1872. С. 278–89; он же: Характеристические заметки и воспоминания о гр. Ростопчине // Русский архив. 1877. № 5. С. 69–78.

[96] Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году // ЧОИДР. 1859. Кн. II. Ч. V. С. 65–97; Глинка С.Н. Из «Записок о 1812 годе» // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 394–492; он же: Записки. М., 2004; Рунич Д.П. Записки // Русская старина. 1901. Т. 105. № 1. С. 47–77; № 2. С. 325–357; № 3. С. 597–633; № 4. С. 153–168; № 5. С. 375–394; Домерг А. Воспоминания о России // Исторический вестник. 1881. № 7. С. 596–629; Вороненко П.И. «Записка». 1836 г. // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 69–72; Маракуев М.И. Записки // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. С. 20–41; Коленкур Арман де. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991.

[97] См.: Письма А.Д. Бестужева-Рюмина // Русский архив. 1910. № 5. С. 111.

[98] Там же. С. 124.

Бестужев-Рюмин[99]. Несмотря на то, что впоследствии Бестужев-Рюмин сумел оправдаться[100], место в вотчинном департаменте он потерял окончательно. Понесенное от московского начальства наказание стало причиной недоброжелательного отношения Бестужева-Рюмина к Ростопчину. Это, в свою очередь, отразилось на его довольно пристрастных воспоминаниях. Показательно, что именно его воспоминания, несмотря на свою крайнюю субъективность, зачастую служили едва ли не основным источником при характеристике личности Ростопчина и его деятельности на посту московского главнокомандующего. Следствием особой популярности этого источника в либеральной историографии стала живучесть ряда стереотипов в оценке генерал-губернаторства Ростопчина. (На воспоминания Бестужева-Рюмина, как на авторитетный источник, ссылались в свое время А.Н. Попов, С.П. Мельгунов, А.А. Кизеветтер, наконец, ими пользовался Л.Н. Толстой при создании романа «Война и мир».)

Переписка А.Я. Булгакова с братом – К.Я. Булгаковым – за 1823–1826 гг.[101] и «Подневные записки о болезни и смерти гр. Ф.В. Ростопчина»[102] являются важными источниками для освещения последних лет жизни бывшего московского главнокомандующего. Отдельные эпизоды биографии Ростопчина в своих воспоминаниях отразили Варнгаген фон Энзе, А.Ф. Ростопчин, Ф.-Г. де-Брэ, Н.П. Панин, М.А. Дмитриев, Ф.Ф. Вигель[103] и др. Наконец,

---

[99] По сведениям Ростопчина, Бестужев-Рюмин был одним из немногих русских, которому при Наполеоне был разрешен вход в Кремль (см.: Письмо Ф.В. Ростопчина к С.К. Вязивитинову от 7 ноября 1812 года // Русский архив. 1881. Кн. III. С. 226).

[100] ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3044. Л. 7.

[101] Письма А.Я. Булгакова к брату // Русский архив. 1901. № 5. С. 27–94; № 6. С. 161–239; № 7. С. 339–438.

[102] ОР РГБ. Ф. 41. К. 24. Ед. хр. 25. Л. 1–2.

[103] Граф Ф.В. Ростопчин (из Воспоминаний Варнгагена фон Энзе) // Московские ведомости. 1859. № 234. С. 1694–1695; ОР РГБ. Ф. 344. Оп. 1. Ед. хр. 341. Л. 3–7; ОР РГБ. Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 1–2; Петербург в конце XVIII и в начале XIX века (по бумагам графа Франца-Габриэля де-Брэ) // Русская старина. 1902. № 3. С. 561–592; Мои сношения с Ростопчиным. Записка графа Н.П. Панина // Русский архив. 1909. Кн. II. С. 445–454; Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998; он же: Мелочи из запаса моей памяти // Дмитриев М.А. Московские элегии: Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1985. С. 141–303; Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000.

важными источниками для изучения биографии Ростопчина являются «Родословие графов и дворян Ростопчиных», составленное внучкой Ростопчина – Лидией Андреевной Ростопчиной[104], «Жалованная грамота Павла I с подтверждением дворянского и графского достоинств Ф.В. Ростопчина»[105] и «Завещание Ф.В. Ростопчина»[106].

Все эти источники позволяют достаточно полно осветить деятельность и общественно-политические взгляды Ростопчина – одного из основоположников русского консерватизма и национализма.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в создании книги своему научному руководителю к.и.н. Аркадию Юрьевичу Минакову, а также искренне благодарит за внимание и ценные советы Валерия Леонидовича Степанова, Игоря Анатольевича Христофорова, Вадима Суреновича Парсамова, Леонида Михайловича Искру, Михаила Дмитриевича Долбилова и Людмилу Васильевну Гайворонскую.

---

[104] ОПИ ГИМ. Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 3–5 об.
[105] ГА ВО. Ф. 29. Оп. 138. Ед. хр. 69. Л. 9–20.
[106] РГАЛИ. Ф. 2591. Оп. 1. Д. 368. Л. 1–2 об.

ГЛАВА I
ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф.В. РОСТОПЧИНА В ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II И ПАВЛА I

1.1. Ф.В. Ростопчин в царствование Екатерины II

Федор Васильевич Ростопчин происходил из старинного дворянского рода, представители которого до него не оставили сколько-нибудь заметного следа в государственной и культурной жизни России. Согласно жалованной грамоте с подтверждением дворянского и графского достоинств Ф.В. Ростопчина, основателем рода был крымский татарин Борис Давыдович Растопча, поступивший на службу к великому князю Василию Ивановичу в начале XVI столетия[1]. Как он, так и его потомки служили по военной и гражданской части российским государям на протяжении нескольких веков «со всякою верностию и усердием»[2].

Сам Ростопчин возводил свой род к прямым потомкам Чингисхана[3]. Он считал, что лишь случай помешал его предку (явно высокого и знатного происхождения) получить княжеский титул[4]. Ростопчин не только всячески поддерживал легенду о своем «татарском» происхождении, но и нередко демонстрировал «азиатский» темперамент. Особенно эффектно это выглядело

---

[1] ГА ВО. Ф. 29. Оп. 138. Ед. хр. 69. Л. 13 об.

[2] Там же.

[3] Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. М., 1823. С. 27–28.

[4] [Полторацкий С.Д.] Rostoptchine (le comte Théodore) 1765–1826. Notice littéraire et bibliographique sur ses Ouvrages. [Leipzig], 1854. P. 4.

в иностранной среде[5]. Впрочем, миф о «диком татарине»[6] существовал и помимо воли самого Ростопчина, главным образом, в Западной Европе во время и после войны 1812 г., с ее грандиозным московским пожаром. (Филипп де Сегюр, к примеру, так и назвал сожжение Москвы деянием «достойного потомка одного из величайших завоевателей Азии»[7].)

Отец Ростопчина – Василий Федорович Ростопчин, майор в отставке, являлся зажиточным помещиком, в собственности которого было несколько имений в центральных губерниях Российской империи. Считается, что в одном из этих имений, в селе Козьмодемьяновском Ливенского уезда Воронежской губернии[8], 12 марта 1765 г. и родился его старший сын Федор – впоследствии знаменитый граф Ростопчин. Однако в соответствии с другими данными, в том числе свидетельством самого Ростопчина, будущий московский главнокомандующий родился в Москве[9]. Так, подпись, сделанная Ростопчиным на одном из своих портретов, гласит: «Он в Москве родился и ей он пригодился». Сложно сказать, является ли эта фраза образным выражением автора, удачно подчеркнувшего свою роль во главе Москвы в 1812 г., или достоверным фактом.

Долгое время и дата рождения Ростопчина вызывала разногласия у его биографов. Начиная со второй половины XIX в.,

---

[5] Не без иронии Ростопчин писал на склоне лет в одном шутливом французском стихотворении: «Я родился татарином, а хотел быть римлянином... [«Je suis né Tartar, Et je voulais être Romain...»] (Ibid. P. 40).

[6] ОПИ ГИМ. Ф. 33. Ед. хр. 28. Л. 2.

[7] Сегюр Ф. гр. Записки. Французское нашествие на Россию // Русский архив. 1908. № 5. С. 45.

[8] См.: Кондратенко А.И. У истоков русской национальной идеи: Ф.В. Ростопчин, Н.Я. Данилевский и их время (историко-политологический анализ). Монография. Орел, 2002. С. 6. Действительно, на момент рождения Ростопчина в 1765 г. Ливенский уезд Елецкой провинции входил в состав Воронежской губернии (см.: Государственный архив Воронежской области. Справочник. Воронеж, 1961. С. 247–248).

[9] См.: Matériaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Théodore Rastaptchine rassemblés par son fils. Tiré a douze exemplaires. Bruxelles, 1864. P. 445; Лонгинов М. Материалы для биографии и полного собрания сочинений графа Федора Васильевича Ростопчина // Русский архив. 1868. № 4. Стб. 858.

исследователи его жизни и деятельности предпочтение стали отдавать 1763, а не 1765 г., на который указывали их предшественники[10]. По всей видимости, источником этого «недоразумения» послужила надгробная надпись на могиле Ростопчина: «Федор Васильевич Растопчин, обер-камергер, род. 1763 г. Марта 12 скончался 1826 года генваря 18»[11]. Во всяком случае Н.С. Тихонравов, одним из первых назвавший датой рождения Ростопчина 1763 г., ссылался именно на нее[12]. В родословии, составленном внучкой Ростопчина – Лидией Андреевной Ростопчиной, годом рождения деда приводится 1765 г.[13] На этом же настаивает и младший сын Ростопчина – Андрей Федорович Ростопчин[14]. Но главное, что сам Ростопчин в переписке и мемуарах неоднократно упоминал как о дате своего рождения, так и своем возрасте в тот или иной период жизни. Подобных весьма красноречивых примеров можно привести множество. «В 1765 году, 12 марта я вышел из тьмы и появился на Божий свет», – этими словами начинал свою краткую автобиографию Ростопчин[15]. В одном из писем к П.Д. Цицианову, вспоминая о своем страстном желании попасть на русско-турецкую войну

---

[10] Современные исследователи ориентируются в данном случае на таких дореволюционных авторов как А.А. Кизеветтер и А. Ельницкий, чьи работы стали своего рода классикой в «ростопчиноведении» (Кизеветтер А.А. 1812 г. Ф.В. Ростопчин // Кизеветтер А.А. Исторические отклики. М., 1915; Ельницкий А. Граф Федор Васильевич Ростопчин // Русский биографический словарь: Романова – Рясовский. М., 1999. С. 238–305). А.А. Кизеветтер, в свою очередь, ссылался на мнение М. Лонгинова, в действительности, ничем не обоснованное (см.: Кизеветтер А.А. 1812 г. Ф.В. Ростопчин. С. 65; Лонгинов М. Материалы для биографии и полного собрания сочинений графа Федора Васильевича Ростопчина. Стб. 852).

[11] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 686. Л. 40.

[12] Тихонравов Н.С. Граф Ф.В. Ростопчин и литература в 1812 году. [Примечания] // Тихонравов Н.С. Сочинения. Т. 3. Русская литература XVIII и XIX вв. М., 1898. С. 52.

[13] ОПИ ГИМ. Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 4.

[14] Matériaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Théodore Rastaptchine... P. 445.

[15] Ростопчин Ф.В. Мои записки, написанные в десять минут, или Я сам без прикрас // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 222.

(1788–1791 гг.), Ростопчин писал: «Я бился об стену лбом в *24 года* <здесь и далее курсив мой. – *А.М.*>, что не мог выпроситься под Очаков»[16]. Описывая свое вступление на генерал-губернаторский пост в 1812 г., Ростопчин отмечал, в частности, следующее: «Город, по-видимому, был доволен моим назначением. Мне было *47 лет*, я пользовался отличным здоровьем и выказал с самого начала большую деятельность...»[17] Десятью годами позже, в июле 1822 г., Ростопчин писал своему другу из-за границы: «Мне *57 лет* и столько же болезней во мне, следовательно пора приняться за ум»[18] и т. д. Таким образом, утверждение некоторых современных исследователей о том, что нет «ничего более туманного, чем начало биографии Ростопчина»[19], несколько преувеличено.

Ростопчин рано лишился матери. Она умерла в молодости вскоре после появления на свет своего второго сына – Петра. С раннего детства оба мальчика оказались на попечении отца и многочисленных гувернеров, которых нанимал им Василий Федорович, не жалевший средств на воспитание и образование детей. Сведения о детстве и юношестве Ростопчина, о его воспитании и образовании достаточно скупы. Известно лишь, что до шестнадцати лет «месяцев по 9 в год» Ростопчин проживал в имении отца, в селе Козьмодемьянском[20], остальное время года он проводил в Москве.

У Ростопчина есть сочинение, которое хотя и не нельзя назвать в полном смысле автобиографическим, тем не менее, в нем можно отметить ряд немаловажных параллелей в жизни автора и главного героя. Речь идет о повести «Ох, французы!», впервые изданной лишь в 1842 г., т. е. спустя годы после смерти автора. В главе, посвященной воспитанию Луки Андреевича

---

[16] Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову (1803–1806) // Девятнадцатый век. Кн. II. М., 1872. С. 95.

[17] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 253.

[18] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 686. Л. 8.

[19] Кондратенко А.И. Жизнь графа Федора Васильевича Ростопчина. Орел, 2002. С. 5; см. также: Балязин В. Императорские наместники первопрестольной. 1709–1917. М., 2000. С. 251.

[20] Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову... С. 55.

Кремнева, среди детских наставников и учителей (кроме немца Иогана фон Бутергаузена) упоминаются: священник, учивший его русскому языку и мама Герасимовна, которая поселила в своем воспитаннике «страх Божий и любовь к родителям»[21]. Эти два персонажа, по видимому, были и в жизни самого Ростопчина. О них Ростопчин еще раз упомянул в монологе помещика-патриота Устина Веникова, который остался русским лишь потому, что помнил «поучения священника Петра и слова мамы Герасимовны», невзирая на уроки многочисленных иностранных гувернеров[22]. Такие понятия как любовь к Отечеству, преданность государю и вере отцов были с детства укоренены в мировоззрении Ростопчина. По крайней мере, редкое постоянство его взглядов в течение всей жизни подтверждает это.

Умный, трудолюбивый и дисциплинированный Ростопчин получил типичное по тем временам домашнее образование, которое он заметно пополнил во время заграничной поездки 1786–1788 гг. Значение этой поездки для дальнейшей жизни Ростопчина трудно переоценить. Это было не только время самообразования, которым Ростопчин занимался с видимым усердием (уделяя преимущественное внимание военному искусству[23]), но и непосредственное знакомство с Европой: ее культурой и обществом. Наконец, в эти годы Ростопчин смог установить прочные связи с представителями русской аристократии, жившими за границей.

Приобретенный опыт способствовал формированию культурных вкусов и пристрастий Ростопчина. Вероятно, именно в этот период в его характере была заложена та «резкая противоположность»[24], о которой впоследствии упоминали многие из его

---

[21] Ростопчин Ф.В. Ох, французы! // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 98.

[22] Ростопчин Ф.В. Письмо Устина Веникова к издателю «Русского вестника» от 22 декабря 1807 года из села Зипунова // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 155.

[23] ОР РГБ. Ф. 231. К. 10. Ед. хр. 29. Л. 1.

[24] По словам Варнгагена фон Энзе, благодаря именно этой «резкой противоположности» в характере Ростопчин и обращал на себя всеобщее внимание, заставляя всех говорить о себе (см.: Граф Ф.В. Ростопчин (из Воспоминаний Варнгагена фон Энзе) // Московские ведомости. 1859. № 234. С. 1694).

современников – как соотечественников, так и иностранцев. По словам Варнгагена фон Энзе, благодаря этому невероятному сплаву блестящей образованности и светской утонченности с необузданностью дикаря, Ростопчин и обращал на себя всеобщее внимание, заставляя всех говорить о себе. В свою очередь П.А. Вяземский отмечал, что складом ума и остроумием Ростопчин был «настоящий француз. Он ненавидел и ругал французов на чисто-французском языке...»[25] Действительно, «культурный космополитизм» сочетался у Ростопчина с мировоззрением русского патриота и националиста, что придавало его облику особый колорит.

Путешествуя по Европе, значительную часть времени Ростопчин провел в Берлине. Сведения об этом периоде жизни содержатся в его дневнике[26], лаконичные записи которого проливают свет на многие стороны жизни молодого человека. Ежедневно Ростопчин много времени посвящал учебе, беря у именитых иностранных учителей уроки математики, немецкого и итальянского языков, тактики и фортификации. Помимо этого, в течение некоторого времени он слушал лекции в университете Гёттингена[27]. По признанию Ростопчина, в эти годы он не щадил времени на свое «ученье». «Я распределил так мои уроки, – писал он князю С.Н. Долгорукому, – что они будут начинаться с семи часов утра и продолжаться до часу; затем обед и снова за работу с трех до семи»[28]. Привычка к систематическим занятиям сохранилась у него и после возвращения в Россию. Так, вскоре после своего приезда в Петербург молодой Ростопчин писал графу С.П. Румянцеву о том, что в столичном обществе, пребывающем в праздности и рассеянности, над ним смеются из-за привычки по утрам заниматься «науками»[29]. Впоследствии

---

[25] Вяземский П.А. Характеристические заметки и воспоминания о гр. Ростопчине // Русский архив. 1877. № 5. С. 70.

[26] Journal écrit à Berlin pendant les années 1786 et 1787 // Matériaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Théodore Rastaptchine rassemblés par son fils. Tiré a douze exemplaires. Bruxelles, 1864.

[27] Ibid. P. 22.

[28] Письмо Ф.В. Ростопчина к кн. С.Н. Долгорукому от 6 августа 1786 г. // Русский архив. 1888. Кн. II. С. 268.

[29] Цит. по: Кизеветтер А.А. 1812 г. Ф.В. Ростопчин. С. 66.

практически все общавшиеся с Ростопчиным люди отмечали в нем широкую образованность и незаурядный ум. По воспоминаниям современников, Ростопчин не только любил и хорошо знал литературу, но и владел иностранными языками – английским, немецким, итальянским и французским, причем последний он знал в совершенстве «как природный француз»[30]. Следует добавить, что Ростопчин прекрасно знал и свой родной язык, что было редкостью в среде русской аристократии той эпохи. Знание живого русского языка впоследствии нашло отражение в публицистике и комедиях Ростопчина, а также в его знаменитых афишах 1812 г.

За границей Ростопчин посвящал себя не только учебе, но и светской жизни. Благодаря покровительству русского посла в Берлине, графа Сергея Петровича Румянцева (младшего сына знаменитого полководца), Ростопчин был введен в высшие круги берлинского общества. Сам посол часто и, по-видимому, охотно принимал у себя Ростопчина, который неоднократно упоминал в своем дневнике о «дипломатических обедах» у «графа»[31]. Блестяще образованный, умный и не лишенный литературных способностей, С.П. Румянцев пользовался в то время немалым авторитетом у молодого Ростопчина, называвшего его достойным посланником «первой державы света»[32]. В будущем Ростопчин несколько изменил свое мнение о человеке, которого он когда-то считал способным принести много пользы Отечеству, участвуя «в правлении государственном»[33]. Когда С.П. Румянцев «прославился» в качестве инициатора Указа о вольных хлебопашцах (1803 г.), Ростопчин позволил себе на его счет откровенно саркастические замечания. «Вот еще доказательство, как сильно над умами, телами и душами действует дворцовый гальвинизм. Румянцеву верно захотелось или 4-й раз в службу или двух аршин голубой ленты, – писал он князю П.Д. Цицианову

---

[30] [А. Булгаков] Биография графа Федора Васильевича Растопчина // Отечественные записки. 1826. № 72. С. 80.

[31] Journal écrit à Berlin pendant les années 1786 et 1787... P. 7; 9-12; 19-22; 24, etc.

[32] Ростопчин Ф.В. Путешествие в Пруссию // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 59.

[33] Там же.

в марте 1803 г. – Но увы, отправлен табакеркою! Ты представить себе легко можешь, что за волнение все сие произвело в Москве: и ефимоны перестали читать, чтоб бранить новаго спасителя рода человеческого, т. е. Сергея Петровича»[34].

Берлинские будни Ростопчина были насыщены многочисленными встречами, обедами, зваными вечерами как в русских домах, так и в домах местной аристократии, не исключая королевский двор. По прошествии нескольких лет Ростопчин отзывался о типичных представителях берлинской аристократии с нескрываемой иронией: «В обхождении [они] довольно учтивы, но внутренно горды породой; по большей части бедны <...>. Штат самых богатых составлен из двух лакеев, скорохода, камердинера, кучера, повара, нескольких женщин и швейцара. Они знают наизусть все доводы о древности их рода, украшают комнаты портретами своих предков, вывешивают в рамках патенты, жалованные грамоты и письма от государей...»[35] и т. д. В таком же саркастическом тоне писал Ростопчин и о Берлинском дворе, о придворной жизни: «Зовут почти всякий день несколько человек ужинать и играть в лото. И так как сии собрания не совсем веселы, то скороходы с трудом налавливают назначенное от гофмаршала число гостей»[36]. В приведенных выше отрывках, как и в целом записках Ростопчина о путешествии в Пруссию, изображается жизнь *провинции* и нравы *провинциалов,* на которые бросает свой иронично-снисходительный взгляд столичный путешественник. (Во всяком случае впечатление от оценок и характеристик различных сторон жизни современной Ростопчину Пруссии именно таково.)

Примечательно, что «Путешествие в Пруссию» Ростопчина (1792–1794 гг.)[37] было создано приблизительно в одно время с «Письмами русского путешественника» Н.М. Карамзина (1791–1792 гг.), которые однако получили бульшую известность. Сравнивая два

---

[34] Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову (1803–1806) // Девятнадцатый век. Кн. II. М., 1872. С. 6.

[35] Ростопчин Ф.В. Путешествие в Пруссию. С. 30.

[36] Там же. С. 31.

[37] О датировке «Путешествия в Пруссию» см.: Овчинников Г.Д. Литературная деятельность Ф.В. Ростопчина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. С. 5–6.

образца популярного в литературе того времени жанра путешествий, Н.С. Тихонравов отмечал безусловные литературные достоинства ростопчинского сочинения, даже поставив его выше «Писем русского путешественника»[38]. С его мнением согласился современный исследователь литературного творчества Ростопчина Г.Д. Овчинников[39], отметивший при этом «явное влияние» на автора «Путешествия в Пруссию» сочинений Стерна.

Поскольку и Ростопчин, и Карамзин стали впоследствии ключевыми фигурами раннего русского консерватизма, вопрос об эволюции их взглядов, начиная с 90-х гг. XVIII в., не лишен интереса. Говоря об идейной канве обоих сочинений, следует отметить подавляющее влияние просветительских идей на мировоззрение автора «Писем русского путешественника». Органическая связь Карамзина с европейской просветительской традицией, из которой он вырос как мыслитель[40], прослеживается и в его зрелом творчестве. В отличие от него, Ростопчину уже в начале 90-х гг. XVIII столетия был присущ скептический взгляд на достижения и блеск западной цивилизации. В целом, очерки Ростопчина отличались большей сдержанностью в комплиментах и ироничностью в оценках европейцев и Европы.

В Берлине в жизни Ростопчина произошло событие, которое не нашло какого-либо отражения в историографии: вероятно потому, что об этом факте Ростопчин впоследствии не упоминал ни в письмах, ни в автобиографических сочинениях. 18 ноября 1786 г. Ростопчин был принят в масоны[41]. Посвящение

---

[38] Тихонравов Н.С. Граф Ф.В. Ростопчин и литература в 1812 году. С. 311–312.

[39] Овчинников Г.Д. «И дышит умом и юмором того времени ...» (о литературной репутации Ф.В. Ростопчина) // Русская литература. 1991. № 1. С. 150–151.

[40] Schippan M. Der «Frühkonservatismus» in Deutschland und das russische Denken // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт: Материалы международной научной конференции. Самара, 26–29 апреля 2002 года. Самара, 2002. S. 58.

[41] В этот день он записал в своем дневнике следующее: «Я занимался у себя до 5-ти часов, потом отправился *в Париж (à la ville de Paris)* <курсив в тексте. – *А.М.*>, где был принят в масоны. Там я оставался до 10-ти часов» (Journal écrit à Berlin pendant les années 1786 et 1787. P. 10). Едва ли Ростопчин в действительности покидал Берлин,

Ростопчина в масонство – факт малоизвестный, если не сказать больше: безызвестный. Даже в капитальных трудах А.И. Серкова по истории русского масонства (в том числе в его энциклопедическом словаре) вступление Ф.В. Ростопчина в масонскую ложу не зафиксировано[42]. Между тем это весьма примечательно для биографии человека, пользующегося репутацией крайнего масонофоба. Независимо от того, преподносится мосонофобия Ростопчина со знаком «плюс» или со знаком «минус», в литературе неизменно подчеркивается его почти «врожденная» органическая неприязнь к масонству. Однако известно, что будущий автор «Записки о мартинистах», разоблачавший их тайные замыслы и заговорщическую деятельность[43], сам когда-то участвовал в застольных чествованиях Л.-К. де Сен-Мартена[44].

Берлин в 80-е гг. XVIII столетия являлся крупным масонским центром Европы. Через действовавшую здесь розенкрейцерскую ложу «Royal York» осуществлялась связь с масонскими ложами в России и руководство над ними[45]. В дневнике В.Н. Зиновьева (лично общавшегося с Виллермозом, Милане и Сен-Мартеном – знаковыми фигурами европейского масонства XVIII столетия), друга и родственника С.Р. Воронцова и знакомого Ростопчина, содержится упоминание о его произведении в мастера ложи «Royal York» во время пребывания в Берлине в 1784 г. Известно, что В.Н. Зиновьев был принят в ложу через посредничество секретаря русского дипломатического корпуса П.С. Мальцева[46]. Среди

чтобы присутствовать на собрании масонской ложи. Примечательно, что фраза *à la ville de Paris* в тексте дневника выделена курсивом. Таким же образом она выделяется и в других местах «берлинского» дневника. Думается, Ростопчин придерживался масонской конспирации, поскольку за один день съездить из Берлина в Париж и вернуться назад было нереально.

[42] См.: Серков А.И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000; он же: Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001.

[43] Ростопчин Ф.В. Записка о мартинистах представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875. № 9. С. 80–81.

[44] Journal écrit à Berlin pendant les années 1786 et 1787. P. 10.

[45] Серков А.И. Российское масонство // Звезда. 2000. № 8. С. 185.

русских, с которыми общался в Берлине Ростопчин, также был некий господин «Maltzow»[47].

Скорее всего, «масонские симпатии» молодого Ростопчина не имели глубоких корней. Как в свое время заметил Е.С. Шумигорский, Ростопчин был человеком «не масонской складки и понятий»[48]. Сам Ростопчин впоследствии утверждал, что к началу павловского царствования он видел в масонстве не безобидное сообщество мечтателей, но враждебную религии и самодержавию тайную политическую силу, в чем смог убедить самого Павла I[49]. Можно предположить, что, вступая в ряды вольных каменщиков, Ростопчин преследовал, прежде всего, практические цели. Будучи молодым дворянином незнатного происхождения, но весьма амбициозным и честолюбивым, Ростопчин стремился заручиться поддержкой влиятельных покровителей. Известно, что вскоре после посвящения в вольные каменщики он отправился в Лондон[50], где был очень хорошо принят русским послом графом Семеном Романовичем Воронцовым – крупным и влиятельным масоном[51]. Первые шаги в своей блестящей государственной карьере Ростопчин сделал при его непосредственной поддержке и покровительстве. И хотя Ростопчин смог достаточно быстро занять

---

[46] Журнал путешествий В.Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. Сообщ. Н.П. Барышников. Примечания его и кн. А.Б. Лобанова-Ростовского // Русская старина. 1878. № 10. С. 213.

[47] Journal écrit à Berlin pendant les années 1786 et 1787. P. 11.

[48] Шумигорский Е.С. Император Павел I и масонство // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 2. М., 1915. С. 149.

[49] Ростопчин Ф.В. Записка о мартинистах представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне. С. 78.

[50] Отдельные эпизоды пребывания Ростопчина в Лондоне в 1787 году отражены в воспоминаниях Е.Ф. Комаровского, также пользовавшего покровительством графа С.Р. Воронцова. (См.: [Комаровский Е.Ф.] Записки графа Е.Ф. Комаровского. СПб., 1914).

[51] Известно, что С.Р. Воронцов был лично знаком с Л.-К. де Сен-Мартеном, которого он принимал у себя дома в Лондоне (см.: Журнал путешествий В.Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. Сообщ. Н.П. Барышников. Примечания его и кн. А.Б. Лобанова-Ростовского // Русская старина. 1878. № 11. С. 596).

по отношению к своему покровителю независимую позицию, позволяя себе самостоятельность суждений и оценок, на первых порах С.Р. Воронцов являлся для него безусловным авторитетом. Несмотря на разницу в возрасте и порой значительные расхождения во взглядах, Ростопчин поддерживал теплые дружеские отношения с С.Р. Воронцовым. Об этом свидетельствует их живая и увлекательная переписка на протяжении долгих десятилетий. А в царствование Павла I, когда Ростопчин находился у вершин государственной власти, С.Р. Воронцов вынужден был сам прибегать к заступничеству своего молодого друга[52].

Военная служба, на которой Ростопчин числился с 1775 г. (он был записан в лейб-гвардии Преображенский полк[53]), не принесла ему высоких чинов и наград, хотя он и стремился заслужить их. Свое участие сразу в двух военных кампаниях в период с 1788 по 1791 г. (в войнах со Швецией (1788–1790 гг.) и Турцией (1788–1791 гг.)) Ростопчин оценил как весьма неудачное. «...Целые три года неудач, гонений и неприятностей отвратили меня от поприща, избранного мною с пламенным порывом и на котором я чаял найти верные случаи отличиться и удостоиться почестей, которые раздавались так щедро...»[54] – писал он в конце 1791 г. С.Р. Воронцову. Стремление «удостоиться почестей» неверно было бы приписывать только лишь чрезвычайному честолюбию Ростопчина. Пристрастие к наградам и знакам отличия было вообще свойственно дворянству екатерининской эпохи. Императрица, как известно, сама поддерживала и всячески развивала подобное «гражданское честолюбие» (Н.М. Карамзин[55]), раздавая щедрые подарки и награды своим высокопоставленным подданным.

В ходе русско-шведской войны Ростопчин лишился своего единственного родного брата. По свидетельству Л.А. Ростопчиной, Петр

---

[52] См.: Тихонравов Н.С. Граф Ф.В. Ростопчин и литература в 1812 году. [Примечания]. С. 54.

[53] ГА ВО. Ф. 29. Оп. 138. Ед. хр. 69. Л. 13 об.

[54] Вести из России в Англию [Письма гр. Ф.В. Ростопчина к гр. С.Р. Воронцову.] // Русский архив. 1876. № 1. С. 83.

[55] Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Н.М. Карамзин. М., 2001. С. 99.

Васильевич Ростопчин геройски погиб в неравном бою со шведами. Командуя галерой, окруженной «тремя неприятельскими кораблями», он «взорвал себя на воздух»[56]. Гибель младшего брата произвела сильное впечатление на Ростопчина[57]. По прошествии многих лет в повести «Ох, французы!» он воссоздал яркий образ молодого дворянина-патриота, возглавлявшего оборону города от Пугачева. Смертельно раненый в неравном бою, он был казнен самозванцем, которому отказался присягнуть на верность. «Конец – минута, позор – вечность», – провозгласил майор Кремнев и был «изрублен» «в мелкие части» разъяренной толпой[58]. По замыслу же Ростопчина, майор Кремнев являлся родным братом главного героя повести – Луки Андреевича Кремнева, наделенного, как отмечалось выше, автобиографическими чертами.

Во время русско-турецкой войны, неся службу под началом А.В. Суворова, Ростопчин обратил на себя внимание великого полководца, который в знак расположения подарил молодому поручику свою походную палатку. Впоследствии между ними установились теплые доверительные отношения, основанные на общности взглядов и настроений. Позже, став главой военного департамента, в период Итальянского и Швейцарского походов Ростопчин поддерживал самую деятельную переписку с полководцем, выступая его защитником и ходатаем перед Павлом I. Суворов, в свою очередь, называл Ростопчина своим «покровителем» и «милостивым благодетелем»[59]. Известно, что Ростопчин, пользовавшийся особым доверием императора, находился возле опального Суворова в последние минуты его жизни. Тем

---

[56] ОПИ ГИМ Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 4.

[57] «Когда бы мой несчастный брат, обретший смерть в 18 лет на водах финских, имел свидетелем своей кончины Тельбурга, то бы и он соделался любви достойным соотчичам своим чувствами усердия и любви к отечеству, за кое жаждал сразиться. Но имя его, храбрость и добродетели забыты в суетливом свете. Один я, лишась в брате друга, равно буду любить, почитать и оплакивать его», – писал о своем погибшем брате Ростопчин (см.: Ростопчин Ф.В. Путешествие в Пруссию. С. 50).

[58] Ростопчин Ф.В. Ох, французы! С. 92.

[59] См.: Письмо А.В. Суворова к Д.И. Хвостову от 17 марта 1800 года // Суворов А.В. Письма. М., 1986. С. 390.

самым он засвидетельствовал свое искреннее почтение гениальному русскому полководцу.

По рекомендации С.Р. Воронцова в декабре 1791 г. А.А. Безбородко взял Ростопчина на Ясскую мирную конференцию, поручив ему составление журнала протоколов. После завершения конференции Ростопчин был отправлен в Петербург к императрице с сообщением о заключении мира. Этот «счастливый случай», как назвал это поручение сам Ростопчин[60], серьезным образом изменил его жизнь. За участие в подписании Ясского мирного договора (29 декабря 1791 г.) в феврале 1792 г. он был произведен в камер-юнкеры. Новое звание способствовало быстрому приближению Ростопчина к обоим российским дворам.

Быстрый и острый ум Ростопчина был оценен императрицей: в течение 1792–1793 гг. Ростопчин стал частым участником эрмитажных досугов Екатерины II. При этом неожиданно для самого себя Ростопчин сделался тогда же «любимцем великого князя»[61]. Причиной расположения к нему наследника престола стало искреннее усердие, с которым Ростопчин исполнял свои обязанности по дежурству при дворе великого князя. Однако оно же явилось причиной ссылки Ростопчина в имение отца в середине 1794 г. Скандальная история, главным героем которой сделался Ростопчин, разразилась из-за огласки письма, написанного им обер-камергеру И.И. Шувалову. В нем Ростопчин жаловался на своих товарищей, «из которых ни один не хотел исправлять своей должности»[62], то есть дежурить при дворе великого князя. При этом некоторых провинившихся Ростопчин «обозвал негодяями»[63] и нажил себе врагов. Задетые обличительным письмом камер-юнкеры потребовали от Ростопчина публичных извинений. После того, как Ростопчин отказался сделать их, его вызвали на дуэль. «Я ответил им всем, – писал он в письме к С.Р. Воронцову. – Двое только назначили мне встречу в городе, Голицын и Шувалов. Первый разделся, чтоб драться на шпагах, и не стал драться; другой хотел стреляться насмерть. И не принес пистолетов»[64].

---

[60] Вести из России в Англию [Письма гр. Ф.В. Ростопчина к гр. С.Р. Воронцову.] // Русский архив. 1876. № 1. С. 87.

[61] Там же. С. 91.

[62] Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 2. С. 207.

[63] Там же.

[64] Там же.

История, наделавшая много шума в столице[65], закончилась тем, что императрица приказала Ростопчину отправляться на год в имение отца в Орловскую губернию[66]. Ростопчин поплатился не только за свою прямоту и принципиальность, но, главным образом, за открытую преданность великому князю. Ф.Г. Головкин утверждал, что великий князь, узнав о ссылке Ростопчина, будучи «вне себя от гнева, спрятал его в Гатчине»[67]. И хотя этот факт противоречит действительности, сам по себе он весьма примечателен: в Ростопчине уже в те годы видели фаворита великого князя[68].

Наказание в виде вынужденного удаления от двора не вызвало особых сожалений у Ростопчина. С одной стороны, он утешался «мыслью, что стоял за свою честь»[69], а с другой – был рад предстоящей спокойной жизни в кругу своей семьи и книг[70]. Ссылка в Орловское имение, длившаяся около года, не только

---

[65] Подробности этого инцидента активно обсуждали не только в столице, но и за ее пределами. «Что за век нынче драчливый! – писал из Акатова села А.Б. Куракину Н.Н. Бантыш-Каменский. – Недавно в Пензе с губернатором сие произошло, но и из столицы подобное сему пишут. Трое камер-юнкеров, кн. Барятинский, Растопчин и кн. Голицын, поссорясь за дежурство <так в тексте. – *А.М.*>, вызвали друг друга на поединок. Сие вскоре обнаружилось, и оне наказаны...» (Письма Н.Н. Бантыша-Каменского к князю Александру Борисовичу Куракину. 1794–1795 гг. // Русский архив. 1876. № 12. С. 393).

[66] В своих воспоминаниях В.Н. Головина описала впечатление, которое произвела на некоторых представителей окружения Екатерины II ссылка Ростопчина. «Мы все были страшно огорчены и расстроены, – писала В.Н. Головина. – Государыня провела вечер внутри колоннады; она наблюдала наши вытянувшиеся лица и сказала графу Строганову, находившемуся около нее:

– Можно подумать, что Ростопчин умер» ([Головина В.Н.] Мемуары графини Головиной. М., 2000. С. 107).

[67] Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания. М., 2003. С. 127.

[68] Ф. Головкин даже называл Ростопчина «другом» Павла, который позволял себе учить и давать советы будущему императору (см.: Головкин Ф. Двор и царствование Павла I. С. 129).

[69] Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 2. С. 208.

[70] Там же.

не имела за собой печальных последствий, но, напротив, стала причиной быстрого карьерного роста Ростопчина. С того времени великий князь смотрел на Ростопчина уже как на человека, «пострадавшего из-за него»[71]. Вернувшись в августе 1795 г. в Петербург, Ростопчин был осыпан «знаками благоволения» великого князя[72]. По сути, это стало прелюдией его скорого взлета к вершинам государственной власти, осуществившегося с восшествием на престол Павла I.

1.2. Государственная деятельность и внешнеполитические проекты Ф.В. Ростопчина в царствование Павла I

На большую сцену российской политики Ростопчин вышел в правление Павла I. Обличенный доверием императора, он играл в это время одну из важнейших ролей в жизни Российской империи. Тогда же четко проявилась и его общественно-политическая позиция. Ростопчин стал известен явной приверженностью национальным интересам во внутренней и внешней политике России.

Все непродолжительное правление Павла I в сущности – бурная реакция на просветительскую культурно-политическую традицию екатерининского царствования. В данном случае положение о том, что на возникновение консерватизма вообще, и русского консерватизма, в частности, решающее воздействие оказала Французская революция 1789 г., требует некоторой корректировки. Революционные события во Франции, безусловно, оказали свое влияние на культурно-политическую атмосферу павловского царствования. Однако антифранцузский пафос, с которым осуществлялась смена «всех декораций» предшествующего царствования (когда, по словам А. Чарторижского, «быстрее, чем за один день» изменилось все: «костюмы, прически, наружность, манеры, занятия»[73]), был направлен не столько против «якобинства», сколько против атрибутов французского Просвещения, культивируемого Екатериной.

---

[71] [Головина В.Н.] Мемуары графини Головиной. С. 107.
[72] Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 2. С. 210.
[73] Чарторижский А. Мемуары. М., 1998. С. 95.

«Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I» – название записки Ростопчина о событии, сыгравшем в его жизни ключевую роль. С первых же часов правления Павла Ростопчин сделался его правой рукой, человеком, которому император доверял исполнение наиболее важных и ответственных дел. Еще до принесения присяги новому императору капитан в отставке Ростопчин был возведен в чин генерал-майора и назначен генерал-адъютантом его императорского величества, в обязанности которого входило заведование всей военной частью империи[74].

За несколько лет службы при Павле Ростопчин удостоился самых высоких наград и почетных званий. Он был награжден несколькими орденами св. Александра Невского, орденами св. Анны, орденом Андрея Первозванного, пожалован сначала в командоры ордена Иоанна Иерусалимского, а затем назначен Великим канцлером и кавалером Большого креста этого ордена[75]. При Павле Ростопчин был произведен сначала в действительные тайные советники, а затем (за «ревность и усердие его к службе», «неусыпные труды» и «беспредельную преданность» к особе императора) был возведен в графское достоинство (1799 г.)[76]. Кроме того, император пожаловал отца Ростопчина в действительные статские советники и наградил его орденом св. Анны 1-й степени, вместо княжеского достоинства, которое предложил сыну[77]. В октябре 1798 г. Ростопчин был назначен третьим присутствующим в Коллегии иностранных дел, а после смерти в 1799 г. канцлера А.А. Безбородки единолично управлял внешнеполитическим ведомством вплоть до своей отставки в феврале 1801 г. К тому же с мая 1799 г. Ростопчин возглавлял почтовое ведомство, а с марта 1800 г. являлся членом Императорского Совета. Наконец, в обязанности Ростопчина на протяжении всего павловского царствования входило ведение деловой переписки с главами государств и военачальниками.

Чтобы оценить реальную роль Ростопчина в государствен-

---

[74] Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I // Ростопчин Ф.В. Ох. Французы! М., 1992. С. 76.

[75] ГА ВО. Ф. 29. Оп. 138. Ед. хр. 69. Л. 14–15.

[76] Там же. Л. 14 об.–15.

[77] Русский биографический словарь: Романова – Рясовский. М., 1999. С. 248.

ных делах Российской империи в годы царствования Павла I и его вес в глазах императора, достаточно обратиться к «Журналу словесных распоряжений Павла I»[78], который велся Ростопчиным систематически с октября 1798 до февраля 1801 г. Стиль и характер монарших повелений свидетельствует о высокой степени доверия Павла I как лично Ростопчину, так и его деловым качествам. Ростопчин одновременно был в курсе малейших изменений настроений императора в сфере внешней политики и перипетий его личной жизни. Примечателен также своеобразный деловой стиль Павла I. Такие распоряжения императора как, например, ответить на официальную ноту Венского двора, что их требования есть ни что иное как «галиматья и бредни»[79], написать Гриму «чтоб не врал» и единственно писал «по делам»[80] или «депешу Министра Кошелева к нему отослать с примечанием, что он пишет вздор»[81] являются лишь некоторыми образцами того весьма эмоционального и энергичного стиля, отразившегося и на языковом облике сочинений Ростопчина.

Причинами фавора Ростопчина при Павле обычно считаются старые заслуги и бесконечная преданность непопулярному наследнику престола. Однако Павел видел в Ростопчине не только верного слугу, но и человека с задатками государственного деятеля, мыслящего в том же направлении, что и он сам. Как отмечали современники, Ростопчин был человеком деятельным, честолюбивым, обладавшим тонким, гибким, проницательным умом и «обворожительными манерами»[82]. Скупой на комплименты, князь А. Чарторижский считал его «единственным умным человеком» из бывшего окружения великого князя[83]. Даже граф Ф.Г. Головкин, известный своим космополитизмом, называл Ростопчина «непримиримым врагом иностранцев», хотя человеком и «весьма неглупым»[84].

---

[78] РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 694. Л. 1–333.

[79] Там же. Л. 324.

[80] Там же. Л. 328.

[81] Там же. Л. 4.

[82] Жоржель, аббат. Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование Павла I. М., б. г. С. 141.

[83] Чарторижский А. Мемуары. М., 1998. С. 118.

[84] Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания. С. 181.

На протяжении почти всего царствования Павла I Ростопчин пользовался огромной властью и имел реальную возможность оказывать влияние на принятие важнейших решений императора. С особой силой влияние Ростопчина сказалось на внешней политике Российской империи. Так, уже в ноябре 1799 г. английской посланник при русском дворе лорд Уитворт приписывал «роковую» перемену в мыслях и намерениях императора именно влиянию Ростопчина[85]. И именно со вступлением Ростопчина в должность первоприсутствующего в Коллегии иностранных дел (сентябрь 1799 г.), внимательные наблюдатели[86] связывали начало нового внешнеполитического курса России, в основу которого легла идея русско-французского союза. Политический вес Ростопчина на европейской арене невероятно возрос в эти годы. По словам А. Чарторижского, «вся честь нового союза и его первых успехов» приписывались тогда Ростопчину, которого ставили рядом с Питтом, как реального вершителя судеб Европы[87].

Идея русско-французского союза, приверженцем которой был Ростопчин, может быть понята правильно лишь как часть его целостной внешнеполитической концепции. Внимательно следившие за русской внешней политикой того времени граф де Брэ и лорд Уитворт давали по существу схожие характеристики политических взглядов первоприсутствующего Коллегии иностранных дел Российской империи. Так, по наблюдению де Брэ, исходной точкой политики Ростопчина в это время было то положение, в соответствии с которым «России нет никакой надобности вмешиваться в дела Европы и что ей достаточно одного – внушать своим соседям страх»[88]. И по замечанию Уитворта, Ростопчин придерживался тогда мысли, будто «Россия может с полной безопасностью изолироваться и созерцать падение дру-

---

[85] Шильдер Н.К. Россия в ее отношениях к Европе в царствование императора Александра I, 1806–1815 гг. // Русская старина. 1888. Т. 57. № 2. С. 275.

[86] Одним из таких «внимательных наблюдателей» был рыцарь Мальтийского ордена граф Франц-Габриэль де Брэ, находившийся в 1799–1800 гг. в Санкт-Петербурге в качестве депутата Мальтийского ордена. См.: Брэ Ф.-Г. де. Петербург в конце XVIII – начале XIX века // Русская старина. 1902. № 3. С. 571.

[87] Чарторижский А. Мемуары. М., 1998. С. 134.

[88] Брэ Ф.Г. де. Петербург в конце XVIII начале XIX века. С. 589.

гих правительств, не опасаясь себе подобной участи»[89].

Приведенные выше слова довольно точно отражают суть внешнеполитической концепции Ростопчина, основанной на идеях самодостаточности России и ее независимости от Европы. Можно утверждать, что за пятьдесят с лишним лет до Н.Я. Данилевского Ростопчин сформулировал положения той концепции внешней политики России, которая была теоретически подробно разработана в историософском трактате «Россия и Европа». Более того, Ростопчин, будучи главой внешнеполитического ведомства, имел уникальную возможность воплотить положения своей концепции в жизнь. (Весьма примечательно, что сам Н.Я. Данилевский в качестве эпиграфа к главе, посвященной внешней политике России, взял цитату из программной «Записки графа Ф.В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы павловского царствования»[90].)

Находясь в должности первоприсутствующего в Коллегии иностранных дел, Ростопчин создал известный в исторической литературе меморандум[91]. В нем провозглашался новый курс во

---

[89] См.: Письмо лорда Уитворта к графу С.Р. Воронцову от 17 ноября 1799 года // Шильдер Н.К. Россия в ее отношениях к Европе в царствование императора Александра I, 1806–1815 гг. С. 275.

[90] «Одна лишь выгода из сего (из войны 1799 года) произошла – та, что сею войною разорвались почти все союзы России с другими землями. Ваше Императорское Величество давно уже со мной согласны, что России с прочими державами не должно иметь других связей, кроме торговых. Переменяющиеся столь часто обстоятельства могут рождать и новые сношения, и новые связи, но все сие может быть случайно, временно...

Граф Ф.В. Ростопчин.

– Святая истина!

Император Павел» (Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 435).

[91] Записка графа Ф.В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы Павловского царствования // Русский архив. 1878. № 1; см. также: Картина Европы в начале XIX столетия и отношение к ней России. (Записка графа Ф.В. Ростопчина) // Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой Русской истории XVIII и XIX века. Изд. М. Михайловым. СПб., 1873. Публикация записки Ростопчина в «Сборнике исторических материалов...» осуществлена по списку с копии записки, сделанной в свое время Ростопчиным для великой княгини Екатерины Павловны. В «Русском архиве» был опубликован подлинник документа.

внешней политике, которому Российская империя следовала с момента высочайшей конфирмации документа (2 октября 1800 г.) до гибели императора. Суть нового внешнеполитического курса заключалась в установлении союзнических отношений с Францией в противовес традиционной ориентации России на Англию и Австрию. Фактически же Ростопчин стремился перевести внешнюю политику Российской империи из области общеевропейских приоритетов в область ее национальных интересов. Цель, которую преследовал своей запиской Ростопчин, заключалась в указании императору на некие «удобные способы» защиты России от «завистников ея славы и могущества»[92]. Ростопчин считал, что практически все европейские державы если не явно, то «скрытно» враждебны Российской империи. Природу европейской русофобии он рассматривал в буквальном смысле этого понятия. По его мнению, Россия с ее исключительным положением и «неистощимою силой», имеет объективные предпосылки быть «первой державой мира». А это вызывает «зависть и злобу» прочих держав, толкая их на враждебные против нее действия[93]. Поэтому России нужно «недремлющим оком иметь надзор над всеми движениями и связями государей сильных в Европе, дабы они сами собою или содействием подвластных держав не предприняли чего-нибудь предосудительного величию России»[94].

На появление идеи русско-французского союза повлияло два немаловажных обстоятельства: во-первых, обострение противоречий внутри второй коалиции и, во-вторых, перемена правления во Франции. В результате последней, в Петербурге на Бонапарта стали смотреть как на царя «без титла», по собственному выражению Ростопчина[95].

Ход военных событий раскрыл крайне непривлекательную для Российской империи сущность ее союзников. В то время как Павел I, возглавивший коалицию, преследовал исключительно общеевропейские цели, его союзники решали каждый

---

[92] Записка графа Ф.В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы Павловского царствования. С. 103.

[93] Там же. С. 106.

[94] Там же.

[95] ОПИ ГИМ. Ф. 363. Ед. хр. 4. Л. 252.

свои, «большей частью экспансионистские задачи»[96]. О резких противоречиях внутри коалиции, которая «по огромному разногласию интересов» «развалится скорее иных», писал Ростопчину А.В. Суворов еще в 1799 г.[97] Кстати, появлению записки Ростопчина предшествовала активная переписка с Суворовым, искавшим у главы военного департамента деятельную поддержку и сочувствие в своих столкновениях с «неверными союзниками»[98]. От письма к письму Суворов сообщал Ростопчину многочисленные случаи проявления союзниками русофобии. В переписке с С.Р. Воронцовым Ростопчин приводил пример демонстрации «подлости австрийцев», почерпнутый им из недавнего донесения Суворова. «Горе тому, кто положится на Венский двор! – с негодованием писал Ростопчин. – Фельдмаршал Суворов прислал бумаги, удостоверяющие, что этот безмозглый Мелас, не спросясь своего начальника, отослал во Францию французских пленных и дал им наставления, как пройти, чтобы не попасть в руки *русских разбойников* <курсив мой. – *А.М.*>. Таковы его собственные слова. Вот увидите, – продолжал Ростопчин, – что как только уйдут наши войска, этих негодных австрийцев поколотят в Италии, и весь великолепный поход выйдет лишь бесполезным пожертвованием на доброе дело»[99]. Вскоре Ростопчин зафиксировал в своей записке это предположение, но уже в виде свершившегося факта[100].

По мнению Ростопчина, единственным результатом бесполезной для России войны явилось то, что она порвала почти все свои союзнические отношения с другими странами. Этому Ростопчин придавал немалое значение, считая, что «России с прочими державами не должно иметь иных связей, кроме торговых», так как, следуя союзническим обязательствам, она почти всегда действовала в ущерб собственным интересам[101].

---

[96] Дегоев В.В. Внешняя политика Павла: патология или преемственность? // Россия и XXI в. 1999. № 6. С. 43.

[97] РГАДА. Ф. 345. Оп. 1. Д. 40. Л. 25 об.

[98] Там же. Л. 21 об.

[99] Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 5. С. 87.

[100] См.: Записка графа Ф.В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы Павловского царствования. С. 107.

[101] Там же.

Следует подчеркнуть, что мысль Ростопчина о неприемлемости для России союзнических отношений в их привычном понимании вовсе не противоречит его идее русско-французского союза. Он считал, что быстро меняющиеся обстоятельства в международных делах «могут рождать и новые сношения, и новые связи», которые, однако, должны иметь характер временный и случайный, исключающий какие-либо обязательства[102]. Собственно с этих же позиций Ростопчин рассматривал и союз с Францией. Он не рассчитывал на его долговечность и прочность. Этот союз был выгоден России в тот конкретный исторический момент, когда Европа находилась в положении, которым, по мнению Ростопчина, «можно было отлично воспользоваться для обуздания страшного самовластия Англии»[103]. С другой стороны, являясь решительным противником антифранцузской коалиции, Ростопчин понимал, что в случае ее успеха побежденная и раздробленная Франция не сможет в интересах России сдерживать другие европейские государства. Только сильная и независимая Франция, имея достаточный вес на мировой арене, способна служить уздою не только для Англии, но и еще для двух «завистниц» Российской империи, расположенных непосредственно у ее границ – Австрии и Пруссии[104]. Таким образом, еще на рубеже XVIII–XIX вв. Ростопчин обосновал один из главных тезисов консервативной концепции русской внешней политики: нарушение политического равновесия в Европе «с чьей бы то ни было стороны – выгодно и благотворно для России, тогда как его поддержание <на что в данном случае была направлена вторая коалиция. – *А.М.*> – вредно и даже гибельно для нее»[105].

В то же время трудно заподозрить Ростопчина в отсутствии у него реалистического взгляда на перспективы русско-французских отношений. Во-первых, он всегда не доверял французам, считая их «сумасбродной нацией»[106], а во-вторых, на французское правление в тот период смотрел как на «нечто преходящее», основанное на авторитете одного человека. «Умри этот

---

[102] Там же.

[103] Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 12. С. 427.

[104] Там же.

[105] См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 445.

[106] ОПИ ГИМ. Ф. 364. Ед. хр. 4. Л. 272.

великий проходимец, – писал Ростопчин, – и все может перевернуться вверх дном»[107]. По-видимому, Ростопчин тогда надеялся лишь на небольшую передышку в борьбе с Францией, на краткий взаимовыгодный период мирных отношений России с этой державой.

Еще в сентябре 1799 г. в разгар Итальянского похода Суворова, возмущенный вероломством «негодных австрийцев»[108], Ростопчин высказал мысль о том, что в интересах России в данных обстоятельствах была бы желательна перемена правления во Франции[109]. Это, по мнению Ростопчина, позволило бы на некоторое время освободиться от хлопот по поводу страны, поглощавшей до того «все внимание кабинетов»[110], с тем, чтобы в период затишья заняться реализацией собственно интересов России. На тот момент Ростопчин видел их в том, чтобы «поукротить гордыню Австрийского дома»[111], активно ведущего экспансионистскую политику за чужой счет, и пресечь поползновения Англии к мировому господству. Даже в переписке со своим другом – ярым англоманом графом С.Р. Воронцовым – Ростопчин не без раздражения указывал на недопустимое усиление английского могущества. Он полагал, что из войны Англия выйдет вдвое богаче прежнего, а это позволит ей с еще большим успехом «возжигать в Европе новые войны и платить деньгами за людей, которые будут гибнуть для ее выгод»[112]. Можно сказать, что идея русско-французского союза основывалась, прежде всего, на крайнем неприятии Ростопчина принципов английской политики, которые он, по его собственному высказыванию, «ненавидел»[113]. Таким образом, делая ставку на Францию в качестве временного союзника Российской империи, Ростопчин всего лишь выбирал из двух зол меньшее, которым в то время являлась наполеоновская Франция, не менее заинтересованная

---

[107] Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 12. С. 426.

[108] Там же. № 5. С. 87.

[109] В данном случае речь не шла только о восстановлении Бурбонов. По сути, Ростопчину в тот момент было не важно, кто взойдет на Французский престол: главное, чтобы правление было монархическим.

[110] Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 5. С. 87–88.

[111] Там же. С. 89.

[112] Там же. С. 86; Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 12. С. 427.

[113] Там же. С. 425.

во взаимовыгодном союзе двух великих держав. Пришедший к власти в результате ноябрьского переворота Наполеон Бонапарт так же хотел использовать Россию в борьбе с Англией, как в свою очередь Ростопчин – Францию. В своих обоснованиях идеи русско-французского союза оба ссылались на географическое положение России и Франции и отсутствие территориальных противоречий между ними[114].

Одним из наиболее впечатляющих моментов внешнеполитического меморандума Ростопчина является проект раздела владений Порты Оттоманской. Это был своеобразный план решения восточного вопроса без участия Англии, традиционно считавшей этот регион сферой своих интересов. Активным участником в реализации этого плана, его двигателем, предполагалось сделать Бонапарта, поскольку как ни для кого другого намеченный раздел был выгоден для Франции. Во-первых, это был вернейший способ унижения Великобритании, а во-вторых, возможность утвердить Францией все сделанные ею ранее завоевания[115].

Раздел Порты Оттоманской, являвшейся, по выражению Ростопчина, «безнадежным больным», предполагалось осуществить между Россией, Пруссией, Австрией и Францией. К Российской империи должны были отойти Румыния, Болгария и Молдавия. Австрия получала Боснию, Сербию и Валахию; Пруссия – земли северной Германии; Франция приобретала Египет[116].

---

[114] Там же. С. 426. В разговоре с русским генералом Спренгпортеном в конце 1800 г. (выполнявшим в Париже тайную миссию Павла I) Бонапарт высказал мысль о том, что «Россия и Франция, по самому географическому положению своему предназначены к тому, чтобы жить в тесной между собою связи и держать в узде всю остальную Европу» (см.: Милютин Д.А. История войны России с Франциею в царствование императора Павла I в 1799 году. СПб., 1853. Т. 5. С. 272–273).

[115] Записка графа Ф.В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы Павловского царствования. С. 109.

[116] Ростопчин полагал, что в интересах России будет, если Египет достанется Франции, а не Англии, именно потому, что обладание Египтом и Мальтой сосредоточит в руках Англии не только всю торговлю по Средиземному и Красному морям, но и позволит ей контролировать территорию Османской империи (см.: Письма Ф.В. Ростопчина к С.А. Колычеву // Сб. РИО. Т. 70. СПб., 1890. (Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. Под ред. профессора А. Трачевского). С. 33–35).

Грецию с прилежащими островами предполагалось объявить республикой под защитой всех четырех держав, «а по времени, – писал Ростопчин, – греки и сами подойдут под скипетр Российский». На это император заметил на полях записки: «А можно и подвести»[117]. Ростопчин считал, что «успех сего важного, но легкого к исполнению предприятия зависит от тайны и скорости»[118]. При этом особые надежды в проведении в жизнь столь грандиозной по замыслу акции он опять же возлагал на взаимовыгодное сотрудничество России и Франции. Ростопчин считал, что в случае реализации этого проекта, будущие поколения будут гордиться царствованием Павла I, соединившего «престолы Петра и Константина» – основателей двух величайших империй мира[119].

«Экспансионистские» устремления Ростопчина не ограничивались владениями Порты Оттоманской. В черновике малоизвестной записки[120], составленной им для Павла I в тот же период, начертан план приобретения Россией территории Восточной Пруссии[121]. Заручившись поддержкой Бонапарта, Ростопчин намеривался предложить прусскому королю в обмен на часть его земель до Вислы[122] («которая будет служить границей двух государств») курфюршество Ганноверское или герцогство Брауншвейг с княжеством Гильдесгейм и рудниками Гарца. Он считал,

---

[117] Записка графа Ф.В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы Павловского царствования. С. 109.

[118] Там же. С. 110.

[119] Там же.

[120] Note, présentée à l'Empereur Paul en 1800, après l'époque de la signature de la paix de Luneville // Шильдер Н.К. Александр I и его царствование: В 4 т. Т. I. СПб., 1897.

[121] Note, présentée à l'Empereur Paul en 1800... С. 286.

[122] Дословно эта фраза звучит так: «Договорившись с Бонапартом, прусскому королю нужно предложить следующий обмен: Император возьмет у него всю Западную Пруссию (tout la Prusse *occidentale*) и сверх того все земли до Вислы, которая будет служить границей двух государств. Взамен прусскому королю будет предоставлено право выбрать, либо курфюршество Ганноверское, либо герцогство Брауншвейг с княжеством Гильдесгейм и рудниками Гарца». (Note, présentée à l'Empereur Paul en 1800... С. 286.) Вероятно, здесь ошибка и, судя по контексту, речь идет о территории Восточной Пруссии.

что с этим предложением, поддержанным русскими и французскими войсками, Берлинский двор «без колебаний» вынужден будет согласиться[123]. Реализация этого смелого проекта сулила России, по мнению Ростопчина, возвышение на Балтийском побережье над Пруссией, Данией и Швецией вследствие обладания портами Данцига, Кенигсберга и Мемеля[124]. При этом, как и в случае с разделом Османской империи, в проекте приобретения новых Балтийских портов, особые надежды Ростопчин возлагал на взаимовыгодное сотрудничество России и Франции.

В конфирмованном 2 октября 1800 г. меморандуме Ростопчин давал конкретные рекомендации к воплощению своего плана в жизнь. Считая себя наиболее подходящей кандидатурой для тайной дипломатической миссии в Париже, Ростопчин готов был немедленно отправиться во Францию с полномочиями для заключения союза с Бонапартом. Для сохранения особой секретности этой миссии Ростопчин предлагал инсценировать свою отставку и отправиться в Европу инкогнито[125]. Данное предложение было единственным в записке Ростопчина, которое не встретило одобрения Павла I. В результате в Париж отправился профранцузски настроенный генерал Г.М. Спренгпортен. Официально его визит в Париж был вызван необходимостью препроводить на родину 6 тысяч русских военнопленных, которых безвозмездно в знак особого расположения к императору Павлу, передавал России Бонапарт. Однако перед отъездом во Францию Спренгпортен был снабжен тайной инструкцией, дававшей ему право «объявить французским министрам, с которыми ему пришлось бы вступить в переговоры» о дружеском расположении русского императора к Франции и ее правителю, а также о возможности союзнических отношений между двумя странами[126]. Но эта инструкция не содержала каких-либо конкретных предложений по реализации союзнического договора с Францией, а Спренгпортен не был наделен необходимыми для этого полномочиями.

---

[123] Там же.

[124] Там же.

[125] Записка графа Ф.В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы Павловского царствования. С. 109–110.

[126] Инструкция Спренгпортену от 28 сентября 1800 года // Сб. РИО. Т. 70. СПб., 1890. С. 11–12.

Уполномоченным для ведения мирных переговоров Павел I отправил в Париж последовательного сторонника «партии войны»[127] С.А. Колычева. Выбор кандидатуры в данном случае был сделан весьма неудачно. С.А. Колычев был открытым противником русско-французского союза и не мог способствовать успешному воплощению в жизнь внешнеполитического проекта Ростопчина. Показательны в этом отношении послания С.А. Колычева к главе внешнеполитического ведомства, в которых просматривались крайняя неуверенность и пессимизм. «Я очень сомневаюсь, – писал в феврале 1801 г. Колычев, – чтобы мы дождались чего-нибудь хорошего от Франции; повторяю, что она старается поссорить нас со всеми, поставить нас в затруднение, с намерением, может быть, вызвать смуту в Польше. Умоляю вас, граф, убрать меня отсюда как можно скорее: я все вижу в черном свете и оттого заболел; к тому же, в самом деле, я чувствую, что мое поручение свыше моих сил, и сомневаюсь в успехе»[128]. В марте месяце того же года, еще не зная об отставке Ростопчина, Колычев настоятельно просил его: «Сделайте милость, выведете меня как можно скорей отсюда, ибо через сие вы меня спасти можете; я чувствую, что я не вытерплю, ежели не получу от вас желаемого ответа...»[129]

И в России, и в Англии были могущественные противники русско-французского сближения. Наиболее видными и влиятельными из них являлись: лорд Уитворт, английский посланник при русском дворе (высланный из России в 1800 г.), русский посол в Англии граф С.Р. Воронцов, генерал-губернатор Санкт-Петербурга граф П.А. Пален и, наконец, вице-канцлер граф Н.П. Панин. Они представляли собой так называемую «английскую партию», главным результатом деятельности которой, стало убийство Павла I в марте 1801 г. Небезынтересно, что постоянный корреспондент Ростопчина С.Р. Воронцов являлся едва ли

---

[127] См.: Вербицкий Э.Д. К вопросу о ближневосточной политике России на рубеже XVIII–XIX веков (О проекте русско-французского союза и раздела Оттоманской империи Ф.В. Ростопчина) // Колониальная политика и национально-освободительное движение. Кишинев, 1965. С. 177.

[128] Сб. РИО. Т. 70. С. 43.

[129] Там же. С. 83–84.

не главным теоретиком англофильства и проводником английских интересов в России. Лорд Уитворт, к примеру, был абсолютно уверен тогда в том, что русский посол является единомышленником английского правительства[130].

Второе лицо в Коллегии иностранных дел граф Н.П. Панин одновременно с Ростопчиным составил собственную записку о внешней политике России[131], которая, однако, не была представлена царю. Как вице-канцлер он не пользовался правом лично докладывать Павлу I, а Ростопчин, ознакомившись с его запиской, не счел нужным довести ее содержание до императора. По словам А.С. Трачевского, записка Панина была построена «не столько на соображениях, сколько на чувствах и образцовой лести»[132]. Будучи англоманом и сторонником проавстрийской внешней политики, он настаивал на продолжении военных действий против Франции с целью спасения погибающей Австрии. Очевидно, что не в меньшей степени, чем для Австрии, подобные действия России были выгодны для Англии, хотя последняя в записке Панина даже не упоминается. Павел I в тот момент был подвержен крайним антианглийским настроениям и это, несомненно, имел в виду Панин при составлении своего меморандума.

Действительно, высказываясь в пользу продолжения войны с Францией, Панин обращался не к реальным интересам и выгодам России, а прибегал к откровенной лести императору, о которой упомянул А.С. Трачевский. «По-видимому, – писал в своей записке Панин, – самые существенные государственные интересы соединяются в этом случае с требованиями славы и достоинства нашего Августейшего Государя, чтобы склонить его к этому. Справедливые поводы к недовольству венским кабинетом не только не могут ослабить этих соображений, напротив, придают им еще больше силы. Я смело утверждаю это, и если бы мне было дозволено воззвать к личному чувству Его Императорского Величества, я не боялся бы изобличения во лжи, утверждая, что приближается

---

[130] Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 176.

[131] Записка графа Панина // Сб. РИО. Т. 70. С. 4–10.

[132] См.: Сб. РИО. Т. 70. С. XX.

момент, когда Он может наказать венский кабинет, и когда Он будет радоваться, что отомстил ему единственно достойным его великой души образом – спасая австрийскую монархию на краю пропасти»[133].

Являясь вице-канцлером, Панин пытался проводить свою линию во внешней политике Российской империи. Однако от Павла через Ростопчина он получил запрет на самостоятельную деятельность, будучи названным всего лишь «инструментом» в международных делах[134]. Именно активное вмешательство Панина во внешнюю политику России было главной причиной его частых стычек с Ростопчиным. Называя Панина «настоящим демоном интриги»[135] и не без оснований считая его своим главным врагом, Ростопчин внимательно следил за каждым шагом вице-канцлера. В ноябре 1800 г. Павлу была представлена копия одной из депеш, адресованных берлинскому кабинету, в которой содержались «разные подробности, невыгодно представляющие русское эмбарго на английские товары». Поскольку источником данной информации мог быть либо Панин, либо Ростопчин, то, с учетом англофильского настроя вице-канцлера подозрение пало на него[136]. Причиной немилости государя, в которую впал Панин в ноябре 1800 г., были именно эти перехваченные депеши прусского посланника. Во многом благодаря стараниям Ростопчина – политического противника Панина – история с депешами привела к отставке вице-канцлера с предписанием покинуть столицу. Впрочем, проступок Панина трудно назвать незначительным и безобидным. Из содержания перехваченных депеш следовало, что второе лицо в Коллегии иностранных дел Российской империи за спиной императора пытается проводить собственную политику, идущую вразрез с официальным внешнеполитическим курсом России. Известно также, что Панин как активный проводник английских интересов при русском дворе, будучи вице-канцлером, вел тайную переписку с высланным из России лордом Уитвортом. Написанные симпатическими чернилами,

---

[133] Записка графа Панина // Сб. РИО. Т. 70. С. 6.
[134] РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 694. Л. 325.
[135] Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 12. С. 422.
[136] Эйдельман Н.Я. Грань веков. С. 200.

письма Панина Уитворту пересылались через русского посланника в Копенгагене В.Г. Лизакевича[137].

В начале 1801 г. в руки Ростопчина, возглавлявшего почтовое ведомство, при перлюстрации корреспонденции попало одно подозрительное письмо. Судя по содержанию и по почерку, его автором мог быть опальный Панин, за перепиской и контактами которого по приказу императора была установлена слежка[138]. Во всяком случае в докладе Павлу I автором «крамольного» письма был назван бывший вице-канцлер. Панина ожидала очередная опала. На этот раз ему предстояло испить полную чашу гнева императора, но в Петербурге «неожиданно» объявился некий Приклонский – друг семьи Панина, заявивший, что он – настоящий автор подозрительного письма и тем самым изобличивший Ростопчина. Кутайсов и Пален, активно участвуя в интригах против Ростопчина, представили Павлу историю с письмом в виде чудовищной «проделки» доверенного ему лица. По словам А. Коцебу, «в благородном негодовании» император якобы закричал: «Ростопчин – чудовище! Он хочет сделать из меня орудие своей личной мести; ну, так я же постараюсь, чтоб она обрушилась на нем самом!»[139]. Вскоре после этого последовала отставка Ростопчина со всех постов с предписанием отправляться в подмосковное имение Вороново.

Причиной отставки Ростопчина в конце павловского царствования в историографии традиционно указывается неудачная интрига графа против Панина. Считается, что приближенными императора – Кутайсовым и Паленом – была раскрыта «злостная фальсификация»[140], и ее виновник понес справедливое наказание. Едва ли не главным источником при освещении истории опалы Ростопчина служит памфлет Августа Коцебу,

---

[137] См.: Станиславская А.М. Указ. соч. С. 177.

[138] Письма И.М. Муравьева-Апостола из Санкт-Петербурга в Лондон к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1876. № 1. С. 125. Эти письма И.М. Муравьева-Апостола к С.Р. Воронцову были написаны по поручению самого Н.П. Панина с целью его оправдания (см.: Сб. РИО. Т. 70. 1890. С. 660).

[139] См.: По поводу писем И.М. Муравьева-Апостола к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1876. № 3. С. 379.

[140] Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 111.

написанный им в 1802 г. в защиту Панина («Опровержение Секретных Мемуаров о России, Масона»)[141]. П.И. Бартенев, однозначно отмечавший антиростопчинский характер памфлета, ставил под сомнение достоверность сведений «автора бесчисленных комедий», отдававшего должное «берлинским симпатиям» графа Н.П. Панина»[142].

Опалу Ростопчина в конце павловского царствования следует рассматривать в непосредственной связи со зревшим при дворе заговором. Нельзя не согласиться с Ю.А. Сорокиным, назвавшим Ростопчина ключевой фигурой, препятствующей заговорщикам[143]. Не склонный к апологетике опального вельможи, Д.П. Рунич писал, что и Ростопчин, и Аракчеев, известные своей преданностью Павлу I, «могли подавить всякое предприятие, угрожавшее безопасности особы монарха; оба были недосягаемы для какого-либо подкупа». Для достижения своей цели заговорщики должны были убрать их со своего пути[144]. Отставка и опала Аракчеева последовала в конце 1799 г., Ростопчин был уволен в начале 1801 г.[145]. И то и другое было результатом деятельности определенной группы людей, стремившейся лишить императора надежной опоры.

20 февраля 1801 г. за три недели до гибели Павла I последовала официальная отставка Ростопчина со всех постов, а еще через несколько дней он покинул столицу, не добившись прощальной аудиенции у императора. «Внезапные немилости Павла

---

[141] См.: Сб. РИО. Т. 70. С. 660.

[142] По поводу писем И.М. Муравьева-Апостола к графу С.Р. Воронцову. С. 377. Вероятно, именно сочинение А. Коцебу А.А. Кизеветтер выдавал за те самые «неопровержимые документальные доказательства», на которых построена его версия причин падения Ростопчина (см.: Кизиветор А.А. Указ. соч. С. 110).

[143] Сорокин Ю.А. Граф Ф.В. Ростопчин о царствовании Павла I // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX – начало XX в.). Омск, 1994. С. 13.

[144] Убийство Императора Павла. (Неизданная страничка из записок Рунича) // Былое. 1906. № 6. С. 178–179.

[145] Старания «разрушить фавор Ростопчина и добиться его опалы» предпринимались, по словам В.Н. Головиной, в течение всего последнего года царствования Павла I (см.: [Головина В.Н.] Мемуары графини Головиной. С. 214).

давно перестали удивлять; но удаление вернейшего, одного из преданных ему, человека, который в продолжение всего царствования его ни на минуту не переставал пользоваться его доверенностью, опытным людям казалось худым предзнаменованием для самого царя; эта перемена, по мнению их, должна была повлечь за собою другие важнейшие перемены. И они не ошиблись...» – писал Ф.Ф. Вигель[146]. Мемуарист передал впечатление, которое произвело на общество известие об отставке многолетнего фаворита Павла I.

Накануне своей отставки Ростопчин писал: «Я не в силах более бороться против каверз и клеветы и оставаться в обществе негодяев, которым я неугоден и которые, видя мою неподкупность, подозревают, и – не без основания, что я противодействую их видам»[147]. Он, вероятно, догадывался о зревшем при дворе заговоре, его целях и организаторах. Так, в уже цитированном письме от 17 февраля 1801 г. Ростопчин упоминал о «великих интриганах» во главе с Паленом, которые «имеют в виду остаться в огромных барышах, устроив английские дела»[148].

Отправив Ростопчина в отставку, Павел лишился одного из наиболее влиятельных и лично преданных ему людей. После устранения Ростопчина организаторы заговора смогли быстро и беспрепятственно воплотить свой план в жизнь. Незадолго до своей гибели Павел отправил Ростопчину короткую записку: «Возвращайтесь немедленно; вы мне крайне необходимы. Павел». Ростопчин сразу же отправился в столицу, но по дороге узнал о смерти императора и вернулся назад в Вороново[149].

Искренне привязанный к Павлу I, после его гибели Ростопчин не смог воздержаться от откровенных и резких суждений как в отношении молодого императора, так и в отношении других участников заговора. После перерыва в некогда активной

---

[146] Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 73.

[147] Письмо гр. Ростопчина к неизвестному лицу от 17 февраля 1801 года // Русский архив. 1876. № 12. С. 422.

[148] Там же.

[149] Русский биографический словарь: Романова – Рясовский. С. 257. Похожую записку незадолго до своей гибели Павел отправил также опальному А.А. Аракчееву в его имение Грузино.

переписке с С.Р. Воронцовым[150] Ростопчин написал ему письмо[151], в котором резко награждал нелицеприятными характеристиками заговорщиков. Они касались и русского посла в Англии, активно участвовавшего в заговоре. Не считая нужным скрывать свое крайнее раздражение против Н.П. Панина – близкого друга и единомышленника С.Р. Воронцова – Ростопчин писал, что Панина «следовало бы повесить», ибо его поведение после отставки в ноябре 1800 г. заслужило «презрения честных людей и удивления негодяев»[152]. В этом же письме Ростопчин выражал свое огорчение в связи с гибелью Павла I, преданность которому он сохранял на протяжении всей своей жизни. «Душа моя полна к нему вечною признательностью, – писал он не любившему Павла С.Р. Воронцову, – и язык не поворачивается судить о нем. Похвала же моя его добрым качествам будет казаться пристрастием. История произнесет над ним слишком строгий суд; но я могу засвидетельствовать, что сей Государь, имея все средства к тому, чтобы царствовать со славою и быть обожаему, не пользовался никогда ни одною минутою благополучия и кончил также несчастливо, как и жил»[153]. Позже, вспоминая о своей четырехлетней службе при Павле I, Ростопчин писал, что в то время ему приходилось бороться не только против «зависти и бесчестья со стороны сотоварищей» (то есть не только против своих личных врагов), но и против ненависти каждого из них «к лицу покойного императора»[154].

Подводя итоги государственной деятельности Ростопчина при Павле I, следует отметить ее разносторонний и весьма продуктивный характер. Несомненной заслугой Ростопчина на дипломатическом поприще, помимо изменения внешнеполитического курса, явилось фактическое присоединение к России Грузии. Несмотря на то, что Грузия официально вошла в состав Российской

---

[150] Переписка с С.Р. Воронцовым прервалась перед отставкой Ростопчина.

[151] Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 12. С. 422–429.

[152] Там же. С. 422.

[153] Там же. С. 429.

[154] Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову... С. 25.

империи только осенью 1801 г., то есть уже после отставки Ростопчина, основная работа по подготовке этого мероприятия была проведена в период с конца 1800 по начало 1801 г. Ростопчин полагал, что присоединение Грузии принесет России значительные выгоды: во-первых, благодаря своей непосредственной близости к Турции этот регион может стать важным стратегическим рубежом Российской империи, во-вторых, помимо политической выгоды, присоединение Грузии открывало для России новые перспективы в торговле с Индией по Каспийскому морю, порты которого должны были перейти во владение Российской империи[155]. На рубеже XVIII–XIX вв. Ростопчин, по-видимому, еще не осознавал тех проблем, которые может принести России это, как казалось тогда, исключительно выгодное приобретение.

Еще одной сферой приложения энергии и способностей Ростопчина стало руководство почтовым ведомством. За время его службы почтовые доходы «вследствие прекращения злоупотреблений и краж» увеличились в два раза. Кроме того, Ростопчин добился отмены проекта Пестеля (бывшего московского, а впоследствии петербургского почт-директора), который под предлогом увеличения почтовых доходов собирался запретить неофициальную перевозку писем. Губернаторы, коменданты и другие представители городской администрации имели право осматривать и обыскивать всех проезжающих в поисках у них писем[156]. Это создало массу неудобств не только рядовым корреспондентам, но также полицейским и почтовым служащим.

Будучи начальником военного департамента, Ростопчин выполнил основную работу по редактированию военного устава, основанном на переводе прусского первоисточника. В результате внесенных изменений, в русской армии значительно ослаблялось значение фельдмаршала и, напротив, усиливалась роль инспекторов. Инспектор, назначаемый императором из числа генералов, согласно новому уставу, должен был отчитываться непосредственно перед монархом[157]. Кроме того, Ростопчин

---

[155] Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 12. С. 428.

[156] Там же.

[157] Русский биографический словарь: Романова – Рясовский. М., 1999. С. 246. Скорее всего Ростопчин выступил здесь простым исполнителем воли императора. Военный устав по прусскому образцу был

добился того, чтобы Лифляндия, Эстляндия, Финляндия и Польские губернии поставляли рекрутов наравне с остальными частями Российской империи[158].

В качестве одного из уполномоченных в 1798 и 1799 г. Ростопчин принимал участие в переговорах и заключении союзных договоров с Неаполем, Великобританией, Португалией и Баварией, оформивших вторую антифранцузскую коалицию[159]. Как и в случае с редактированием военного устава, Ростопчин здесь выступал высокопоставленным чиновником, а не политиком. О реальной же роли Ростопчина можно судить по изменению внешнеполитического курса России в конце павловского царствования. Будучи главой Коллегии иностранных дел, Ростопчин явился создателем политического меморандума, теоретически обосновывавшим новый внешнеполитический курс России. В основе записки Ростопчина лежала идея приоритета интересов России на мировой арене над так называемыми общеевропейскими интересами, а также признание известной самодостаточности и независимости России от Европы.

За небольшой период службы Ростопчина при Павле I было сделано немало. В один из «жарких» периодов военной кампании 1799 г. Ростопчин писал: «Дела и доктора завладели мною, и в 34 года я совсем старик. Но как подумаешь, сколько храбрых людей гибнут в сражениях за Государя и Отечество! И мне погибнуть от изнеможения на службе тому и другому»[160]. Эта патетическая фраза, способная у многих вызвать ироничную улыбку, отражала действительное отношение ее автора к государственной службе. Идея служения Отечеству воплощалась для Ростопчина в тот период в государственной деятельности, которой он отдавал все свои силы и время.

введен Павлом для гатчинских войск еще до своего восшествия на престол. Главными сподвижниками Павла в то время стали Г.Г. Кушелев и А.А. Аракчеев. Ростопчин впоследствии произвел лишь окончательную редакцию этого устава перед его изданием в конце ноября 1796 г.

[158] Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 12. С. 428.

[159] Дипломатический словарь: В 3 т. Т. 2: К–Р. М., 1985. С. 472

[160] Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 5. С. 91.

ГЛАВА II
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ВЗГЛЯДЫ Ф.В. РОСТОПЧИНА В 1801–1812 гг.

2.1. В оппозиции: Ф.В. Ростопчин и общественно-политическая жизнь Российской империи 1801–1806 гг.

После отставки со всех постов в конце павловского царствования Ростопчин на долгие годы был удален от государственной службы. Причиной этого были его далеко не простые взаимоотношения с новым императором. Известно, что, еще будучи великим князем, Александр не особенно жаловал Ростопчина[1], но, взойдя на престол, он не потерпел возле себя человека, открыто обвинявшего его в смерти отца[2]. Главное же, бывший сподвижник Павла I совершенно не «вписывался» в либеральное окружение Александра I, состоявшего из людей, образ мыслей которых шел вразрез со взглядами и политическими принципами самого Ростопчина.

Вовлеченность Ростопчина в культурно-политическую жизнь павловской Гатчины, которую в свое время он сознательно

---

[1] За год до смерти Павла I Ростопчин делился в письме к С.Р. Воронцову своей уверенностью в том, что императрица и наследник «терпеть его не могут» (см.: Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 12. С. 417).

[2] Известно, что в начале 1806 г. в письме к своей родственнице княгине Голицыной Ростопчин назвал Аустерлицкое поражение русских войск «Божьим наказанием» за убийство Павла I. Эти слова Ростопчина дошли до императора (см.: Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 215).

предпочел двору Екатерины II, обусловила его оппозиционность духу александровского царствования. В эти годы во взглядах Ростопчина на настоящее и будущее России преобладал крайний пессимизм. Не востребованный на государственном поприще и не оказывающий реальное влияние на политическую жизнь страны, Ростопчин, тем не менее, не мог равнодушно смотреть на все «несчастья» и «беды» России. «Господи помилуй! – писал он в начале 1806 г. – Как я ни люблю свое Отечество и как ни разрываюся, смотря на многое, но теперь очень холодно смотрю на то, что бесило; ибо вижу, что, кроме Бога, никто помочь не может. Все рушится, все падает и задавит лишь Россию. Флота нет. В мирное время, год назад, 4-х миллионов доходов не доставало; в армии генералов и офицеров нет, и в солдатах духу много нерусского. Соли в трех губерниях нет, губернаторов мужики бьют, все крадет. До того дошло, что прокуроров определяют немцев, кои русского языка не знают, а Государь печется об общем благе, и мухе, верно, зла не сделал!»[3] Последнее высказывание представляет собой горькую иронию над либеральным идеализмом Александра I.

Если для либерала на первом месте стоит идея личного благополучия, которое возможно через достижение общественного блага[4], то для консерватора таковым идеалом выступает некая «правда» или «истина», утрата которой нарушает гармонию традиционного уклада жизни общества. «Конечно, Государь желает добра, – писал еще раньше Ростопчин, – намерения его самые благие, и до сих пор он никого не сделал несчастным; но миллионы людей страдают, потому что правда стала товаром, которого всякий может купить смотря по своему достатку...»[5]

---

[3] Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову (1803–1806) // Девятнадцатый век. Кн. II. М., 1872. С. 110.

[4] Эта мысль, к примеру, присутствует в представленной Александру I записке графа А.Р. Воронцова – известного своим либерализмом и западничеством. Речь идет о так называемой «Записке гр. А.Р. Воронцова о России в начале нынешнего века, представленная Александру Павловичу» (см.: Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.-Л., 1957. С. 70–75).

[5] Ростопчинские письма 1793–1814 гг. // Русский архив. 1887. № 2. С. 176.

Главное предназначение власти Ростопчин видел в том, чтобы «вводить порядок, управлять, удерживать зло»[6]. В условиях современной ему России «зло» в виде произвола и беспорядка не только не искоренялось, но, напротив, шло, по его мнению, «на удобрение чиновников, отечество обдирающих»[7].

Особое беспокойство вызывало у Ростопчина отсутствие «русского взгляда» и «русской мысли» у александровских вельмож, которые извлекают из занимаемого ими положения свою личную выгоду, не заботясь «ни о чести Императора, ни о благоденствии России»[8]. Глупости можно делать до 30 лет, считал Ростопчин, а за 50 – людям, от которых зависит ход и направление государственных дел в Российской империи, «непростительно смотреть чужими глазами и чувствовать не русским сердцем»[9]. Подвергая резкой критике преобразования Александра I, к самому императору Ростопчин относился со снисходительной иронией как к далекому от практических нужд государства молодому идеалисту-мечтателю. Ростопчин воспринимал императора Александра как и многие современники через «метафору ангела», ставшую лейтмотивом александровского сценария власти[10]. В то время как обладатель «ангельской» натуры заботился «об общем благе»[11], Россия, по убеждению Ростопчина, вопреки желанию и воле монарха, быстрыми шагами приближалась к своей гибели.

К появлению в 1803 г. Указа о вольных хлебопашцах Ростопчин отнесся более чем скептически, полагая, что из этой затеи «ничего не выйдет»[12]. «Откуда взяли, – писал он, – что крестьянин, в состоянии бывший заплатить за себя деньги и купить участок земли, будет прилежать к землепашеству? Разве

---

[6] Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову... С. 43.

[7] Там же.

[8] Там же. С. 92.

[9] Там же. С. 32.

[10] Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. I. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 260–261.

[11] Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову... С. 110.

[12] Там же. С. 4.

там никто не знает, что все богатые мужики для того лишь выходить стараются из первобытного их состояния, чтоб поступить в купцы? Во всех казенных деревнях большая часть работников ходят по батракам в господских поместьях. И какая деревня может за себя заплатить должную цену? А порознь кто станет продавать уделы из дачи?»[13] Следует заметить, что аргументация Ростопчина имела рациональное зерно. Как показала практика, и помещики, и крестьяне не так уж и часто пользовались возможностью, предоставленной им данным указом. Известно, что за все время действия данного указа свободу получили всего несколько тысяч крестьян[14].

Внешняя политика первых лет александровского царствования внушала Ростопчину едва ли не больший пессимизм, чем все неурядицы и прогрессивные новации во внутриполитической жизни Российской империи. В период образования третьей коалиции Ростопчин в очередной раз высказал идею невмешательства Российской империи в европейские дела. Он считал, что в англо-французском конфликте Россия должна демонстративно занять нейтральную позицию, поскольку только абсолютная уверенность Англии и Франции в «совершенном нейтралитете» Российской империи может способствовать окончанию войны между этими державами. «Происшествие во Франции, титул императорский по указу Бонапарте, смерть герцога Англена и предубеждения Воронцовых, все сие заведет нас скоро в войну, из коей нам, кроме вреда, быть ничего не может»[15]. Ростопчин не без оснований считал, что военное вмешательство России в этот конфликт, куда ее энергично втягивала Англия, приведет к крупной европейской войне, в которой России, как и прежде, предстоит сражаться за чуждые ей интересы[16].

---

[13] Там же. С. 6.

[14] См.: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 232; Бокова В.М. Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. Общественная мысль. М., 2003. С. 65–66.

[15] Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову... С. 51.

[16] Там же. С. 87.

Не понимая «с кем, где и за что» воевать в предстоящей войне[17], Ростопчин выступал за сохранение мирных отношений с Францией. «Зачем набиваться на драку, когда мы убегаем от войны; вступаться за немцев, когда их глава молчит и удит рыбу, и прогневляться за смерть французского фехтмейстера, когда согласились на Амьенский мир, на коем половина Италии покорена французам, и Сардинский король облечен в котомку. Но все царства имели свои периоды; видно, время нашей славы прошло, и настал курс унижения»[18], – размышлял Ростопчин осенью 1804 г. Существенным доводом против войны с французами являлась непредсказуемость Бонапарта – этого, как выражался Ростопчин, «желтого мужичка» с множеством неожиданных затей[19]. Знаменательно то, что в мирных отношениях России с Францией Ростопчин видел эффективный механизм сдерживания как Франции, так и Англии. Он полагал при этом, что России не стоит особенно опасаться усиления французского могущества, поскольку в случае необходимости она всегда сможет обратить Францию «в первобытное ее положение», а Англию – никогда, ведя войну в Европе[20].

В первые годы александровского царствования в приватной переписке Ростопчин неоднократно возвращался к идее раздела владений Порты Оттоманской при непосредственном содействии Бонапарта. Он по-прежнему считал, что «раздел Турции вещь самая легкая»[21] и в то же время способная избавить Европу от крупной войны[22]. К подобного рода идеям, высказанным Ростопчиным накануне военного столкновения с Францией (1805–1807 гг.), относится и проект Индийского похода, не осуществленный в свое время Павлом I. Этот проект (имевший, между прочим, французское происхождение) пользовался поддержкой Ростопчина, уверенного, что его реализация вслед за разделом Порты Оттоманской способна нанести сокрушительный удар по могуществу Британской империи[23].

---

[17] Там же. С. 31.
[18] Там же. С. 62.
[19] Там же. С. 87.
[20] Там же. С. 62.
[21] Там же. С.62.
[22] Там же. С. 87.
[23] Там же. С. 62.

Более полувека спустя русский мыслитель Н.Я. Данилевский отмечал, что последствия Индийского похода, «предпринятого даже с малыми силами и даже неудачного, были бы самые гибельные для английского могущества». По его словам, Россия может использовать в качестве эффективного оружия в войне с Англией одну лишь угрозу вторжения в Индию[24]. Не видел ничего фантастического в замысле Индийского похода и советский историк С.Б. Окунь, также полагавший, что этот поход мог нанести удар по «наиболее уязвимому и чувствительному месту английского могущества»[25].

Несмотря на свой «профранцузский» настрой Ростопчин в действительности не был безоглядным сторонником Франции и всего французского. Напротив, неприязнь к французам в той или иной степени сопровождала его практически всю жизнь. В молодые годы, не разделявший общего сочувственного интереса к французским эмигрантам[26], Ростопчин замечал, что последние способны вызвать лишь чувство, возбуждаемое «трогательным театральным представлением: ибо эта нация, существует только в виде комедии и для комедии» (1792 г.)[27]. Позднее, в письме

---

[24] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 449–450.

[25] Окунь С.Б. Очерки истории СССР. Конец XVIII – первая четверть XIX века. Л., 1956. С. 107.

[26] К примеру, будущий консерватор-националист С.Н. Глинка в юные и молодые годы был страстным франкофилом. Вспоминая о времени своего учения в Сухопутном шляхетском корпусе, он писал, что, полюбив страстно французский язык, он даже «затеял уверять, будто бы родился во Франции, а не в России» (см.: Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 83–84). Его окончательный поворот в сторону русского национализма произошел позже, в значительной степени под влиянием общего патриотического подъема в ходе бесславной войны с Наполеоном (1805–1807 гг.). Искренне восхищался Францией и Н.М. Карамзин, называвший ее «прекраснейшим в свете государством». Будучи восторженным поклонником Парижа, он признавался, что имя этой знаменитой европейской столицы узнал почти одновременно со своим собственным именем (см.: Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Сочинения: В 2 т. Т. I. Автобиография. Письма русского путешественника. Повести. Л., 1983. С. 299; 302).

[27] Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 1. С. 97.

к А.В. Суворову (1800 г.), Ростопчин высказался о французах еще резче, называя их «сумасбродной нацией»[28]. Французскую революцию – одно из крупнейших в мировой истории событий – он весьма уничижительно называл «бунтом в доме умалишенных»[29], а Наполеона (поклонником которого, по словам А.А. Кизеветтера[30], он являлся) даже в пору радужных перспектив русско-французского сотрудничества (1800–1801 гг.) именовал не иначе как «великим проходимцем»[31]. И уж совсем в духе Силы Андреевича Богатырева – героя своего знаменитого памфлета – Ростопчин отзывался о так называемой французской любезности, благодаря которой русские женщины перестают быть «добрыми матерями и порядочными женами» и становятся «достойными смеха»[32] (1793 г.).

С началом александровского царствования критика культурного и политического космополитизма соотечественников со стороны Ростопчина стала откровеннее и резче. Русское общество подвергалось строгому суду бывшего сподвижника Павла I за падение нравов, распущенность, вольнодумство, ставшие, по его мнению, результатом общей либерализации общественной и политической жизни России с началом правления Александра I. Желание Ростопчина взять из кунсткамеры «хоть на недельку» «дубину Петра Великого», чтобы «выбить дурь из дураков и дур»[33], в действительности пробудилось задолго до появления его знаменитых «Мыслей вслух на Красном крыльце». Яркий образ «дубины Петра Великого», способной водворить в «русских головах» порядок, нередко возникал в переписке Ростопчина еще в первые годы александровского царствования. «Бедная земля, сирый народ! Иногда жаль и стыдно, что русский! А ей Богу дубину Петра Великого рано в кунсткамеру отнесли; лучше бы, наделав с нея множество других, поставить во всех

---

[28] ОПИ ГИМ. Ф. 364. Ед. хр. 4. Л. 272.

[29] Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 12. С. 425.

[30] Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 83.

[31] Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 12. С. 425.

[32] Там же. № 1. С. 109.

[33] Ростопчин Ф.В. Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 149.

присутственных местах вместо зерцал», – писал Ростопчин в 1803 г.[34] «Дубина Петра Великого» выступала у него метафорой власти, способной навести во всех сферах жизни Российской империи должный порядок. Как и всякий консерватор, Ростопчин был апологетом принципа сильной государственной власти и, как в будущем показал опыт, ради реализации этого принципа на практике он не пренебрегал в своей деятельности порой жесткими и крутыми мерами.

Ростопчин считал, что причиной бедственного состояния русского общества, в котором «изобилуют плохие головы и плохие сердца, и нет души русской», является не только лишенная национальной основы система воспитания подрастающего поколения, но и господство идей, навеянных либерализмом александровского царствования[35]. С большим беспокойством Ростопчин отмечал, что русская молодежь по своему нравственному состоянию и образу мыслей стала «хуже французской»[36]. Его пугало настроение молодого поколения Петербурга, многих представителей которого «Робеспьер или Дантон охотно взяли бы себе в приемыши»[37]. Эта нелицеприятная характеристика, данная молодым русским людям, свидетельствует о наличии у Ростопчина в этот период крайне пессимистического взгляда на настоящее и будущее России.

Нравы русского общества были постоянной темой сатиры Ростопчина. В письмах к П.Д. Цицианову он позволял себе колкие и иронические замечания о тех или иных событиях и об известных всем лицах. «Публика веселится и так крепко, что и на первой неделе поста никому не пришло в голову спросить у себя, зачем измучились. Карусели завелись, и дамы дали на бале у Архарова князю Щербатову шарф с надписью: «справедливость и мы». Лучше бы написать: «ложь и чванство». Сие доказывает, что нравы исправляются и пока рыцари пьют меркурий, дамы приготавляют для них шпанские

---

[34] Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову... С. 31.

[35] Ростопчинские письма 1793–1814 гг. // Русский архив. 1887. № 2. С. 176.

[36] Там же.

[37] Там же. С. 170.

мухи. Vive la nation!»[38] – писал Ростопчин П.Д. Цицианову[39].

Единственную попытку личного обращения к императору с целью указать монарху на опасные явления жизни русского общества и государства Ростопчин предпринял в декабре 1806 г. В письме, адресованном Александру I, он умолял его очистить Россию от «заразы»: выслать за границу «сонмище ухищренных злодеев» – проживавших в России иностранцев (главным образом, французов) – за их «пагубное» влияние на умы и души русских подданных[40]. В том же письме он просил Александра подумать о таких вредных и опасных явлениях русской жизни, как вольное «расположение умов», деятельность масонов, брожение в простом народе, готовом в любой момент взбунтоваться[41]. Александр I крайне скептически отнесся к предостережениям отставного вельможи[42].

Еще в первые годы правления императора Александра Ростопчин позволял себе говорить о наличии в России широкой оппозиции справа. Он полагал, что существующим порядком «за исключением негодяев и некоторых так называемых философов все недовольны»[43]. Пессимизм самого Ростопчина (которым в 1801–1806 гг. он делился лишь с самыми близкими людьми) вскоре вылился в активную общественно-политическую деятельность, магистральным направлением которой стало литературное творчество, снискавшее ему громкую известность националиста и консерватора.

---

[38] Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову... С. 45.

[39] Там же.

[40] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу // Русский архив. 1892. Кн. II. С. 420.

[41] Там же. С. 419–420.

[42] См.: Рескрипт Александра I графу Ростопчину по поводу письма его о слухах и беспорядках в провинции // Русская старина. 1902. № 9. С. 634.

[43] Ростопчинские письма 1793–1814 гг. // Русский архив. 1887. № 2. С. 170.

2.2. Литературная и общественно-политическая деятельность Ф.В. Ростопчина в 1806–1810 гг.

Первая половина александровского царствования прошла для Ростопчина в активной общественно-политической, литературной и хозяйственной деятельности. На волне увлечения русских помещиков новомодным английским методом земледелия в своем подмосковном имении Вороново он создал образцовое хозяйство, оснащенное новейшей техников и управляемое иностранными специалистами. Он проводил опыты с удобрениями, изготовлял собственные сельскохозяйственные машины, организовал в своем имении школу для обучения собственных и соседских крестьян английскому методу земледелия. Пропагандируя новаторские методы ведения хозяйства среди соседей, Ростопчин стремился к их широкому распространению в округе. На этой почве у него даже состоялось заочное знакомство с Н.И. Новиковым[44]. Однако на возможность повсеместного распространения в России английского земледелия Ростопчин смотрел скептически, полагая, что затраты на удобрение почвы, покупку инвентаря и семян заметно снижают эффективность данного метода, а при отсутствии рынка сбыта подобное хозяйство становится убыточным. «Доколе у нас не прибавится втрое жителей в хлеборобных губерниях, дотоле заведения английского обрабатывания земель не будут нужны»[45], – заключил он в итоге. Выводы, сделанные на основании собственного сельскохозяйственного эксперимента и отраженные в переписке с друзьями, были изложены Ростопчиным в первом опубликованном сочинении «Плуг и Соха» (1806 г.)[46].

Эта небольшая книжка, увидевшая свет в 1806 г., положила начало активной литературной деятельности Ростопчина. Весьма примечателен эпиграф на титульном листе брошюры: «Отцы наши не глупей нас были»[47]. Уже в этом сочинении

---

[44] См.: Письмо графа Ф.В. Ростопчина к Н.И. Новикову от 21 марта 1804 г. // Русский библиофил. 1913. № 4. С. 25.

[45] Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову... С. 14–15.

[46] [Ростопчин Ф.В.] Плуг и Соха. М., 1806.

[47] [Ростопчин Ф.В.] Плуг и Соха. С. 1.

нашла отражение идея, которая ясней и откровенней будет звучать затем в его комедиях и памфлетах, в том числе, знаменитых «Мыслях вслух на Красном крыльце».

Теперь «английский фермер столько же начинает быть нужен многим русским дворянам, как французский эмигрант»[48], – заключал Ростопчин, находивший причину популярности в России английского земледелия в склонности русских к подражанию иностранцам. Но одновременно Ростопчин подчеркивал, что, являясь русским и «сердцем и душою», он превозносит достоинства русской сохи перед английским плугом не из-за слепого пренебрежения ко всему иностранному, как это делают некоторые, руководствующиеся «предрассудками», а по рациональным соображениям[49]. Защищая соху, он указывал на нерентабельность в условиях современной ему России применения более совершенных методов английского земледелия. Использование новых технологий, по его подсчетам, значительно повысит себестоимость производимой продукции, при отсутствии же рынка сбыта производитель неминуемо будет нести убытки[50]. «У нас часто самое важное заведение, стоящее больших денег, обязано своим бытием прихоти, скуке или любопытству какого-нибудь богача, знатного барина, или мота. Естьли бы в существующих уже теперь в России Английских фермах те, кому они принадлежат, хотели вычислить поверней все издержки на заведение, содержание людей, скота, строений, орудий, жалованья иностранным, и прежние доходы: тогда бы, пожертвуя самолюбием истине, признались, что едва получают два процента за сию модную перемену Сохи на Плуг», – писал Ростопчин[51]. По словам же М.А. Дмитриева, критику английского земледелия не стоит приписывать «невежеству и немыслимому обскурантизму» Ростопчина. Напротив, нужно принимать в соображение, «во-первых, тогдашнее несовершенное знание дела между теми, которые хотели вводить тогда иностранное хозяйство, не рационально, а по одному подражанию; во-вторых, надобно взвесить и нынешнее рациональное хозяйство и потом определить

---

[48] Там же. С. 5.
[49] Там же. С. 5–6.
[50] Там же. С. 25–45.
[51] Там же. С. 28–29.

беспристрастно – рационально ли применяется оно к нашей почве, к нашему короткому лету, к нашей обширности полей, к нашему плохому сбыту полевых произведений, к нашим растояниям провоза, а, наконец, и к нашему мужику?» «В свое время граф был прав совершенно...»[52], – отмечал мемуарист.

Эта брошюра Ростопчина хотя и обратила на себя внимание читателей, тем не менее, не снискала ему той известности, которую он приобрел позднее благодаря памфлету «Мысли вслух на Красном крыльце»[53]. Изначально свое небольшое сочинение (написанное под впечатлением от сражения под Прейсиш-Эйлау) он не стремился опубликовать. Однако чтение памфлета в обществе друзей и знакомых способствовало его распространению в списках. Один из них попал в руки А.С. Шишкова, который и опубликовал памфлет без ведома автора в Петербурге в марте 1807 г. Чтобы смягчить резкий тон «Мыслей вслух...», первый издатель внес в текст памфлета некоторые изменения. Но, как отметил в свое время А.Д. Галахов, «без этой эпиграмматической жесткости» сочинение Ростопчина потеряло свою особенность[54]. Ростопчин был «крайне неблагодарен» Шишкову и за то, что в один ряд с П.И. Багратионом и другими великими русскими полководцами он поставил Л.Л. Беннигсена[55] – активного участника заговора против Павла I. Верность памяти своего благодетеля Ростопчин хранил до конца жизни. Недовольный исправлениями А.С. Шишкова, Ростопчин вскоре сам издал в Москве памфлет редким для того времени семитысячным тиражом.

В отличие от других образцов патриотической литературы той поры, ростопчинский памфлет был посвящен не столько обличению русских, подверженных галломании, сколько резкой критике самих французов. В условиях войны с французами

---

[52] Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти // Дмитриев М.А. Московские элегии: Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1985. С. 293.

[53] Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева. М., 1807.

[54] Галахов А.Д. Русская патриотическая литература // Филологические записки. 1867. Вып. 1. С. 15.

[55] Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 261.

Ростопчин желал таким образом развенчать миф о непобедимости врага и воодушевить соотечественников на борьбу с ним. Этот метод борьбы с духом пораженчества Ростопчин использовал затем во время войны 1812 г. в знаменитых «Дружеских посланиях...» к жителям Москвы. Этой же тактики он придерживался и во время Итальянского похода Суворова, считая, что главным залогом успеха русских войск в Италии является «презрение нашего солдата к французам»: «Да они хуже поляков, а с турками и ровнять не можно, давай их сюда!»[56]

«Господи помилуй! Да будет ли этому конец? Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французу: „Сгинь ты, дьявольское наваждение! Ступай в ад или восвояси, все равно, – только не будь на Руси"», – на столь высокой эмоциональной ноте начинается монолог старого патриота, крайне возмущенного ролью, которую стали играть французы в России. В слепом преклонении русских перед французами он видел непонятное для него национальное самоуничижение соотечественников, которые отказались от своей великой миссии и героического прошлого. «Уж ли Бог Русь на то создал, чтоб она кормила, поила и богатила всю дрянь заморскую, а ей, кормилице, и спасибо никто не скажет?» – недоумевал Богатырев, для которого сам по себе француз достоин бульшего осуждения и презрения, чем его русский поклонник. До выхода в свет «Мыслей вслух на Красном крыльце» Ростопчин не демонстрировал столь широко и откровенно свою галлофобию.

«Да что за народ эти французы! Копейки не стоит! Смотреть не на что, говорить не о чем. Врет чепуху; ни стыда, ни совести нет, <...> труслив как заяц, шаловлив как кошка, хоть немного дай волю, тотчас и напроказит», – заявлял Сила Андреевич[57]. Причину революции, потрясшей до основания не только Францию, но и всю Европу он также видел в национальном характере французов, низведенных им до уровня дикарей и людоедов. Досталось от него и Бонапарту, новому «Александру Македонскому», который «весь мир захотел покорить, а сам «мужичишка в рекруты не годится: ни кожи, ни рожи, ни виденья; раз ударить, так след простынет и дух вон;

---

[56] Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 5. С. 77.

[57] Мысли вслух на Красном крыльце... С. 150.

а он-таки лезет на русских»[58]. Зато в России: «Государь милосердный, дворянство великодушное, купечество богатое, народ трудолюбивый», а от воинства русского победоносного враг бежит «как голодный волк, только озирается и зубами пощелкивает»[59]. В заключение, преисполненный духом патриотизма и национальной гордости, ефремовский дворянин Сила Андреевич Богатырев восклицал: «Ура, русские! Вы одни молодцы. Победа пред вами, Бог с вами, Россия за вами»[60]. В этой громкой националистической риторике и заключалась суть ростопчинского памфлета, в то время как осуждение пагубности для России французского влияния через воспитание, язык и моду уходило на второй план.

Впрочем, и эта сторона сочинения Ростопчина не лишена своей остроты ввиду особой злободневности проблемы. Устами Силы Андреевича, олицетворявшего идеал русского дворянина-патриота, Ростопчин обличал французское влияние на русское общество, видя в этом реальную угрозу национальной безопасности. «Чему детей нынче учат! – сокрушался Богатырев, – выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Тот умен и хорош, которого француз за своего брата примет. Как же им любить свою землю, когда они и русский язык плохо знают? Как им стоять за Веру, за Царя и за Отечество, когда они закону Божьему не учены и когда русских считают за медведей?»[61] Резкий тон памфлета являлся ответом Ростопчина на крайнее франкофильство русской аристократии в сложных условиях войны с французами.

Воздействие, которое оказало на русское общество сочинение Ростопчина, было огромным. О популярности памфлета свидетельствуют многочисленные подражатели[62], сочинения

---

[58] Там же. С. 151.

[59] Там же. С. 152.

[60] Там же.

[61] Там же. С. 149.

[62] См., например, Мысли про себя // Русский вестник. 1808. № 3. С. 250–266; Мысли не вслух у деревянного дворца Петра Великого // Ростопчин Ф.В. Сочинения. СПб., 1853. С. 321–335. Подробный обзор сочинений, возникших под влиянием ростопчинского памфлета, дан в работе Г.Д. Овчинникова: «Мысли вслух на Красном крыльце» Ф.В. Ростопчина в литературно-общественном контексте 1806–1813 годов // Истоки, традиции, контекст в литературе. Владимир, 1992. С. 35–38.

которых однако не обладали той силой и оригинальностью, которыми отличались «Мысли вслух на Красном крыльце». Кроме того, С.Н. Глинку успех ростопчинского памфлета побудил начать издание патриотического журнала «Русский вестник», направленного на «возбуждение народного духа» и призывавшего к «новой и неизбежной борьбе»[63]. В эпоху Тильзита и во время Отечественной войны «Русский вестник» сыграл значительную роль в популяризации и распространении идей русского национализма и консерватизма.

«Мысли вслух на Красном крыльце» в свое время оказали влияние и на идейных оппонентов своего автора. Так, анонимный издатель «Московского вестника», выходившего в течение всего одного, 1809 г.[64], по-своему воспринял идеи Ростопчина. Призывая на страницах своего журнала увековечить память Дмитрия Донского, Минина, Пожарского и Суворова[65] (идея фикс Ростопчина), он одновременно выступал против так называемых «самозванцев от патриотизма», главным представителем которых, судя по всему, был именно автор «Мыслей вслух на Красном крыльце». «Есть злоязычники, которые называют себя добрыми, любезными, нежными патриотами и не имеют в себе ни одного из тех достоинств. <...> Большая часть сих самопроизвольных заступников отечественного нашли всю пользу свою или находят в том, чтоб бранить иностранное, проклинать чужих учителей или ученых <...>. А более всего (Боже сохрани!) говорить иностранными языками. Это для них нож к горлу. Лучшая система добродетели их основывается на том, чтоб учиться от какого-нибудь Ульяна Березкина и Трифона Веникова, не спрашивая того, как они учены и чему учены...»[66], – писал издатель «Московского вестника» в одном из номеров своего журнала. Упоминание в тексте имен Ульяна Березкина и Трифона Веникова акцентировало внимание читателя на известных героях ростопчинских памфлетов – Устине Ульяновиче Веникове и Силе Андреевиче Богатыреве.

---

[63] Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 259.

[64] Не следует путать это издание с «Московским вестником», издаваемым М.П. Погодиным в 1827–1830 гг.

[65] См.: Гордон Л. «Московский вестник» 1809 года // Русская литература. 1962. № 3. С. 42.

[66] Цит. по: Гордон Л. «Московский вестник» 1809 года. С. 43.

В целом реакция публики на появление в печати «Мыслей вслух на Красном крыльце» не была однозначной, хотя равнодушным этот памфлет едва ли кого-то оставил. И если в высших кругах русского общества порой слышались критические замечания в адрес Ростопчина, сочинение которого считали слишком резким и неприличным, то в средних слоях – прежде всего, в среде провинциального дворянства и купечества – «Мысли вслух...» читались с нескрываемым одобрением и сочувствием.

Так, вскоре после издания в Петербурге ростопчинского памфлета граф Н.Н. Головин писал из далеко не патриархальной столицы о том, что «Сила Андреевич стал отрадой Английского клуба» и его «Мысли вслух...» «по всем углам комнат» читаются там с явным сочувствием[67]. По словам Н.Н. Головина, в средних слоях русского общества суждения ефремовского дворянина встретили повсеместное одобрение[68]. Как отмечал в связи с этим другой современник, М.А. Дмитриев, популярность ростопчинской брошюры во всей России в то время была столь велика, что «редко кто не знал ее наизусть или не повторял из нее целые тирады»[69]. В другом месте он давал еще более лестную оценку сочинению Ростопчина, назвав его «маленьким совершенством в своем роде». «Сколько не писали против нашей галломании и Шишков, и С.Н. Глинка (с 1808 года), это небольшое произведение гр. Ростопчина одно было сильнее и толстых книг первого, и журнала последнего! – А русский язык во всей простоте безыскусственной разговорной народной речи доходит в этой книжке до неподражаемого, оригинального совершенства!»[70] – писал М.А. Дмитриев.

Имя и колоритный образ героя ростопчинского памфлета на долгие годы вошли в сознание соотечественников – современников и их потомков. Своеобразным отголоском былого успеха

---

[67] Correspondance du comte Golovine avec mon père [le comte Théodore Rastaptchine] // Matériaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Théodore Rastaptchine rassemblés par son fils. Tiré a douze exemplaires. Bruxelles, 1864. P. 431.

[68] Ibid.

[69] Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 96.

[70] Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 294.

и популярности «Мыслей вслух...» явился анонимный памфлет «Новые мысли вслух на Красном крыльце Льва Силыча Богатырева...»[71] (1828 г.), написанный по случаю победы под Варною уже после смерти самого Ростопчина.

Для того времени ростопчинский Сила Андреевич Богатырев стал эмблемой народности и патриархальности. Явные намеки на «Мысли вслух...» и его героя, а порой и открытые ссылки на памфлет появились и в художественной литературе. Так, герои романа М.Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» не только озвучивали характерные для Ростопчина идеи, но и почти дословно повторяли отрывки из его памфлетов и афиш[72]. Примечательно, что тематически и стилистически ростопчинские «Мысли вслух...» оказались в романе Загоскина в одном ряду с более поздними образцами националистической риторики Ростопчина.

После выхода в свет «Мыслей вслух на Красном крыльце» за Ростопчиным закрепилась репутация непримиримого галлофоба. Неизменный в течение ряда лет сторонник русско-французского сближения Ростопчин, как казалось многим, довольно резко изменил свои взгляды, перейдя в стан «французоненавистников». А.А. Кизеветтер объяснял столь неожиданное перевоплощение Ростопчина из страстного франкофила в галлофоба «дворянским страхом» перед все нарастающей опасностью крестьянского бунта, который якобы мог охватить всю Россию со вступлением в нее наполеоновской армии. По мысли Кизеветтера, русские дворяне, радеющие за сохранение своих сословных привилегий, боялись «не военного гения Наполеона, не возможных поражений русских войск на ратном поле; боялись магической силы одного призывного слова, которое могло раздаться из уст французов: то было слово – воля»[73]. Таким образом, галлофобия и восхваление национальных добродетелей

---

[71] Новые мысли вслух на Красном крыльце Льва Силыча Богатырева, о победах славного Российскаго войска над персами и турками в нынешнюю войну. М., 1828.

[72] См.: Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году. М., 1980. С. 80–82; 129.

[73] Кизеветтер А.А. 1812 г. Ф.В. Ростопчин // Кизеветтер А.А. Исторические отклики. М., 1915. С. 147.

являлись всего лишь способом отстаивания «незыблемости дворянских привилегий от притязаний черни»[74]. Тенденциозность подобного объяснения истоков националистической риторики Ростопчина очевидна. С этих же позиций и А.А. Кизеветтером, и А. Мартином настойчиво проводилась мысль о некоем «культурном космополитизме»[75] или франкофильстве Ростопчина, чтобы подчеркнуть наносной, исключительно внешний характер его национализма с явно выраженной классовой подоплекой. Следует заметить, что стремление жестко привязать консервативную идеологию к крепостничеству вообще свойственно либеральной (впрочем, и марксистской) историографии.

Причину резкой перемены в отношении Ростопчина к Франции стоит искать не в его узко-сословных и корыстных интересах, а в неизменном русофильстве, которое в различных исторических ситуациях толкало его на те или иные меры. Так, идея русско-французского союза, сторонником которой Ростопчин являлся практически до 1806 г., предполагала реализацию национальных интересов России в сфере внешней политики. Однако начало войны с Францией (1805–1807 гг.) в корне изменило позицию Ростопчина. Война, начатая ради достижения «общего блага» и «спокойствия в Европе», приобрела вскоре народный характер, ознаменовавшийся всплеском патриотизма во всех сословиях Российской империи. К примеру, в обращении Синода, читавшемся в то время во всех церквях, говорилось: «Наполеон Бонапарте дерзает угрожать России вторжением в ея пределы и потрясением православной церкви...»[76] В официальном освещении событий речь шла об опасности, непосредственно грозившей России. В этих условиях Ростопчин не мог оставаться при своих, хотя бы формальных, но «профранцузских» взглядах.

---

[74] Там же.

[75] Мартин А. «Воспоминание» и «пророчество»: возникновение консервативной идеологии в России в эпоху наполеоновских войн и «Священного союза» // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998. С. 95.

[76] Цит. по: Шильдер Н.К. Россия в ее отношениях к Европе в царствование императора Александра I, 1806–1815 гг. // Русская старина. 1888. Т. 57. № 2. С. 284.

В 1807–1808 гг. помимо «Мыслей вслух на Красном крыльце» Ростопчин опубликовал несколько так называемых «писем» Силы Андреевича Богатырева и Устина Ульяновича Веникова[77], а также комедию «Вести, или Убитый живой»[78], в которых получили свое дальнейшее развитие «мысли» русского патриота. Написанная незадолго до этого повесть «Ох, французы!»[79], также была идейно близка публицистическим сочинениям Ростопчина тех лет. В этих сочинениях Ростопчин развивал идеи, в целом характерные для патриотической литературы александровской эпохи. Наиболее интересно предпринятое им сравнение национального характера русских и французов, не лишенное и элементов самокритики: Ростопчин открыто негодовал по поводу безоглядного преклонения русских перед Европой и, в частности, Францией, считая это своего рода национальной чертой. «Чего лучше быть русским?»[80] – откровенно недоумевал в связи с этим его Сила Андреевич.

Наиболее выгодным ракурсом в сравнении русских с французами являлось противопоставление русского «непобедимого войска» армии противника. Образ пленного француза – побежденного врага – обрастал в рассказе Силы Андреевича ироничными и уничижительными характеристиками: «Насмешили проклятые, оборваны, как нищие; видно, у них комиссариату нет, и что за мелочь! что за худерба! Любым в курилку играй. Ну, уж настоящий народ заморский. <...> А нахальство все есть.

---

[77] См.: Ростопчин Ф.В. Письмо Силы Андреевича Богатырева к одному приятелю в Москве // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 153–155; он же: Письмо Устина Веникова к издателю «Русского вестника» от 22 декабря 1807 года из села Зипунова // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 155–157; он же: Письмо Устина Ульяновича Веникова к Силе Андреевичу Богатыреву // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 206–207; он же: Ответ Силы Андреевича Богатырева Устину Ульяновичу Веникову // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 207–209.

[78] Ростопчин Ф.В. Вести, или Убитый живой. Комедия в одном действии // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992.

[79] Ростопчин Ф.В. Ох, французы! Наборная повесть из былей порусски писанная // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 84–148.

[80] Мысли вслух на Красном крыльце... С. 149.

Один увидел меня в мундире, говорит: «Бон жур, капитен!» Уж я так ему спустил, не захотел рук марать. Бог и Каина живого оставил на свете. А милиционные наши так и валяются со смеху. Один крикнул французу на ухо: «Ура!», а он и оземь, только ножками подрягивает. Хорош воин! Да их шапками замечут», – заключал старый вояка[81]. Как считал Богатырев, для России такое воинство может представить опасность лишь в том случае, если пленных французов начнут разбирать по русским домам в учителя. Отступая от своих традиций, слепо подражая иностранцам, русские перестают быть русскими, превращаясь, по словам Богаырева, «в ничто»[82], в то время как «это бриллиант между камнями, лев между зверями, орел между птицами»[83].

Несомненно, националистическая риторика и пропагандистский тон «Мыслей вслух...» были присущи и другим сочинениям Ростопчина этого периода. Можно говорить о том, что в печати в эти годы Ростопчин заявил о себе, прежде всего, как националист, а уже потом консерватор, для которого приоритетными являлись не проблемы сохранения существующей иерархии русского общества и традиций межсословных отношений, а идея национального единства. По мнению Ростопчина, в России помимо «истинно русских», сохранивших нравственный облик своих славных предков, есть также русские «по необходимости» или, как он их еще называл, «вольноопределяющиеся в иностранные»[84]. Задача их «обращения к истокам» и стояла тогда для Ростопчина на первом месте.

Стиль публицистических сочинений Ростопчина, отличающихся афористичностью изложения и образностью живого русского языка, испытал на себе влияние А.В. Суворова, с которым в течение нескольких лет Ростопчин вел оживленную переписку. Находясь на вершине своей литературной славы, Ростопчин поделился с редактором «Русского вестника» об источнике своего

---

[81] Письмо Силы Андреевича Богатырева к одному приятелю в Москве. С. 154.

[82] Ростопчин Ф.В. Вести, или Убитый живой. Комедия в одном действии. С. 202.

[83] Там же. С. 164–165.

[84] Письмо Устина Веникова к издателю «Русского вестника» от 22 декабря 1807 года из села Зипунова. С. 155.

вдохновения: «Пора духу русскому приосаниться. Шепот – дело сплетниц. А я спешу вам сказать, что наш молодец Суворов приосанил мое перо, и оно из жизни его вырвало кое-что такое, что мысль и слово его ставит на одной черте с его геройством. Этот чудак-герой как будто и из могилы своей выкликает душу, разумеется, душу русскую»[85]. «Мысли вслух...» Ростопчина отчасти берут свое начало в многочисленных «русских письмах» А.В. Суворова и его «Науке побеждать»[86], первое издание которой (1806 г.) совпало с началом литературных выступлений самого Ростопчина[87]. Знание древнерусской и церковной литературы, а также любовь Суворова к русским пословицам и поговоркам нашли свое отражение в его неофициальной переписке и «Разговоре с солдатами их языком» (вторая часть «Науки побеждать»). В рецепции же Ростопчина все это приобрело своеобразный характер: на стиль его сочинений повлияли и его личность, и культурно-политическая специфика эпохи, в которой они создавались.

И все же влияние Суворова на Ростопчина выходило за пределы литературы: оно затрагивало отчасти и идейную сферу. Его письма эпохи Итальянского и Швейцарского походов несли в себе высокий заряд патриотизма, демонстрируя образцы неподражаемого геройства русских. Вероятно, под их воздействием Ростопчин решил запечатлеть и донести до общественности образы русских героев – простых русских солдат, отличившихся в военную кампанию 1799 г. «Есть же гравюры, изображающие смерть Вольфа, Ассаза и пр. Отчего не награвировать черты Русского геройства?»[88] – предполагал он. Сделанными

---

[85] Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 263.

[86] Суворов А.В. Наука побеждать. Разговор с солдатами их языком // Суворов А.В. Письма. М., 1986. С. 397–398.

[87] Овчинников Г.Д. «Мысли вслух на красном крыльце» Ф.В. Ростопчина в литературно-общественном контексте 1806–1813 годов. С. 37.

[88] Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 5. С. 90. Описывая в своей повести «Ох, французы!» подвиг простого русского мужика, Ростопчин восклицал: «...Каков вологодский мужик? Взглянул, увидел опасность, забыл себя, спас человека, встряхнулся и пошел!.. Вот д'Ассас! Вот Жилет! Вот работа для живописца, для стихотворца; вот пища для сердца и души...» (см.: Ростопчин Ф.В. Ох, французы! Наборная повесть из былей по-русски писанная. С. 95).

на собственные деньги «русскими гравюрами» Ростопчин «одарял» впоследствии всех своих знакомых[89]. Тем самым Ростопчин желал противопоставить известным образцам французской доблести не менее наглядные примеры русского геройства. «Еще вот новая беда: те, кои мало знают или вовсе не знают знаменитых своих соотчичей, а наизусть вытвердили анекдоты французской монархии от Фарамонда до Людовика XVI, те, верно, все помнят историю сержанта Жилета и капитана д'Ассаса для того, что они французы, что учители про них твердили и что их портреты везде», – писал в повести «Ох, французы!» Ростопчин. «Жилетов и я, помню, видел в Зимогорье и в Кременчуге в трактирах. Цена им, я думаю, 10 копеек, да и дело бездельное. Жилет, инвалидный сержант, шел подле лесу, кричат разбой, он на шум – видит двух воров, девку, привязанную к дереву. Жилет одного вора ранил, другой ушел, девку отвязал, отвел домой, историю огласили, портрет списали, награвировали, собрали денег, в театре надели лавровый венок, вместо Жилета просто, стали звать – храбрый Жилет. А д'Ассас, в Семилетнюю войну, пошел ночью дозором по лесу, шел впереди. Его остановили прусские гренадеры и сказали: «Молчи, или смерть!» Д'Ассас вскрикнул: «Ко мне, овернские! Вот неприятели!» (à moi d'Auvergne! voilà les ennemis!), и д'Ассаса награвировали, но он дурог и в трактирах его нет, а находится в домах, где жалуют эстампы. К стыду общему, у нас, может быть, есть и не один такой, который, смотря на д'Ассаса и на Жилета, воспламеняется духом, завидует французам и не в первый раз жалеет, что и сам не француз. Закричи: «À moi mes a mis!»[90] – он рад в окно выпрыгнуть. Зареви: «наших бьют!» – он спросит: «чьих?»[91]

Показательно, что именно к личности Суворова, являвшего собой наглядный пример величия и славы русского человека, Ростопчин обратился в начале своей активной литературной и общественно-политической деятельности. В 1808 г. он опубликовал в «Русском вестнике» свои воспоминания о Суворове

---

[89] Жихарев С.П. Записки современника. М.-Л., 1955. С. 184.

[90] Ко мне, друзья! (фр.)

[91] Ростопчин Ф.В. Ох, французы! Наборная повесть из былей по-русски писанная. С. 93.

и несколько писем[92], в которых наиболее рельефно выступила незаурядная натура «чудака-героя»[93]. Взаимопонимание Ростопчина и Суворова строилось во многом на тождественности их представлений об истинном патриотизме как защите России и русского имени не только на полях сражений, но и в сфере международной политики. «Я русский, вы русские...»[94], – обращался к Ростопчину Суворов, находивший в своем молодом корреспонденте не только моральную, но и деятельную поддержку в столкновениях с враждебно настроенными союзниками.

С 1807 г. (с началом активной публицистической деятельности) в различных кругах русского общества Ростопчин стал известен как консерватор и националист. Москва, в которой он проводил значительную часть времени, была тогда местом вызревания мощной оппозиции не только либеральному курсу императора во внутренней политике, но и его тильзитским обязательствам. Благодаря непререкаемому авторитету в древней столице, Ростопчин стал главным выразителем мнений «недовольных».

2.3. Политический союз Ф.В. Ростопчина и великой княгини Екатерины Павловны

С 1810 г. Ростопчин стал частым посетителем одного из идейных центров русской консервативной оппозиции того времени – тверского салона великой княгини Екатерины Павловны. Обладавшая «решительным характером» и «умом необыкновенным»[95], великая княгиня, по словам В.Н. Бочкарева, была в императорской семье настоящим «оплотом национализма и консерватизма»[96]. Последовательная противница тильзитского курса и реформаторства М.М. Сперанского, Екатерина Павловна сплотила вокруг себя

---

[92] См.: [Ростопчин Ф.В.] О Суворове. Письмо к издателю от 28 генваря, 1808; с. Вороново // Русский Вестник. 1808. № 3. С. 241–249.

[93] [Ростопчин Ф.В.] О Суворове. С. 244.

[94] Там же. С. 246.

[95] Корф М.А. Деятели и участники в падении Сперанского // Русская старина. 1902. Т. 109. № 3. С. 473.

[96] Бочкарев В.Н. Консерваторы и националисты в начале XIX в. // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М., 1911. Т. II. С. 214.

круг единомышленников, в котором видное место занял один из лидеров московской оппозиции – граф Ростопчин.

Блестящий салон великой княгини, основанный в Твери (ее муж, герцог Георгий Ольденбургский, был генерал-губернатором Тверской, Новгородской и Ярославской губерний), собирал таких представителей русских консервативных кругов, как великий князь Константин Павлович, И.И. Дмитриев, Ф.В. Ростопчин, Н.М. Карамзин. В силу своего положения, склада ума и незаурядной энергии тон в салоне задавала его хозяйка. Нелюбовь великой княгини к Наполеону и Сперанскому – двум людям, деятельность и планы которых вызывали естественную тревогу за будущее России, разделяли в то время практически все видные представители консервативной оппозиции. (По-видимому, даже великий князь Константин Павлович в своем отношении к Наполеону не расходился столь резким образом с другими консерваторами, как принято об этом думать. Он, по словам графа Мориоля, Наполеона «не любил, но уважал за его выдающиеся качества»[97].) Дух бескомпромиссной борьбы с врагом внутренним, олицетворением которого был Сперанский, и внешним – Наполеоном – безраздельно царил в салоне великой княгини Екатерины Павловны.

Наряду с Ростопчиным частым гостем в Твери был Н.М. Карамзин. С Ростопчиным его объединяли не только общие идеи, давняя дружба и родство, но и то обстоятельство, что оба являлись авторитетными представителями московской оппозиции, играя заметную роль в формировании общественного мнения древней столицы. Именно через Ростопчина произошло сближение Н.М. Карамзина с великой княгиней Екатериной Павловной[98]. Их знакомство состоялось в конце 1809 г., во время посещения великой княгиней Москвы вместе с мужем – герцогом Ольденбургским, и братом – Александром I. Именно тогда Карамзин впервые получил приглашение в Тверь. Собственно, с этого и началась его дружба и сотрудничество с великой княгиней, результатом которой явилось создание известной «Записки о древней и новой России».

---

[97] Великий князь Константин Павлович и его двор. (1810–1833) // Русская старина. 1902. Т. 111. № 8. С. 306.

[98] Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 40.

По информации Жозефа де Местра, целью императора во время посещения Москвы было намерение «поговорить с некоторыми персонами, коих он не хотел вызывать» в Петербург. При этом сардинский посланник упомянул имя графа Ростопчина[99], в дом которого он был вхож (жена Ростопчина была одной из новообращенных русских католичек)[100]. Действительно, вскоре после визита Александра I в Москву Ростопчин получил поручение провести ревизию московских богоугодных заведений. Вероятно, не последнюю роль в этом сыграла великая княгиня Екатерина Павловна, расположенная к Ростопчину. Именно она способствовала если не сближению, то видимому улучшению в отношениях Александра I с бывшим фаворитом своего отца.

Относившийся к государственной службе с предельной ответственностью, Ростопчин был по-настоящему рад этому незначительному, в сравнении с его обязанностями при Павле, поручению. В короткий срок он представил Александру I обстоятельный отчет о состоянии богоугодных заведений Москвы[101]. За проведенную ревизию в феврале 1810 г. он был назначен обер-камергером с правом не приезжать в Петербург[102]. Однако это назначение было чисто формальным, так как в действительности эту должность исполнял старший обер-камергер А.Л. Нарышкин[103]. Таким образом, Ростопчин не был допущен к участию в государственных делах.

Составленный Ростопчиным отчет и приложенное к нему письмо на имя Александра I[104] представляют интерес как отражение взглядов консерватора на вопросы социальной и экономической политики. В этих документах помимо характеристики состояния, в котором находятся богоугодные заведения Москвы, Ростопчин очертил круг существующих в этой области проблем и дал ряд рекомен-

---

[99] Местр Ж. де. Петербургские письма // Звезда. 1994. № 10. С. 153.

[100] См.: Степанов М. [А.Н. Шебунин] Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. М., 1937. Т. 29–30. С. 598.

[101] Замечания гр. Ростопчина о Московских богоугодных заведениях (1810) // Русский архив. 1881. Кн. III. С. 215–216.

[102] Там же. С. 216.

[103] Дубровин Н. Москва и граф Ростопчин в 1812 году // Военный сборник. 1863. № 7. С. 103.

[104] См.: Письмо Ф.В. Ростопчина к императору Александру I от 12 апреля 1810 года // Русский архив. 1881. Кн. III. С. 216–218.

даций к их устранению. К примеру, в «смирительном доме», кроме суконной фабрики, он предлагал устроить кузницы и столярню. Таким образом, к моменту освобождения человек мог приобрести профессию, способную его впоследствии прокормить[105]. Заключенных острога, которые из-за отсутствия работы ведут неподвижный образ жизни (негативно сказывающийся на состоянии их здоровья), Ростопчин рекомендовал «заставить пилить доски и прясть для фабрик шерсть». В таком случае не только заключенные могли сохранить свое здоровье, но и казна, по подсчетам Ростопчина, получала бы от 20 до 30 тысяч ежегодного дохода[106]. Наконец, беглых солдат и рекрутов, составляющих более половины всех содержащихся в остроге, предлагалось сразу же, не дожидаясь справок с места их службы, определять в ближайший полк, чтобы не пополнять ими ряды «развращенных» острожной жизнью[107].

Отправляя отчет, Ростопчин просил у Александра I разрешение на то, чтобы лично извещать министров о явных нарушениях закона «упущении пользы государственной», то есть быть, по его выражению, «шпорою» государевой «для судей и судов»[108]. В связи с этим, следует заметить, что для Ростопчина принципы справедливости и порядка были базовыми в его понимании назначения власти. Это сближало его с Павлом I, преданность к которому он выражал не только образом действий, но и словами.

Близость Ростопчина к покойному императору во многом повлияла на расположение к нему великой княгини Екатерины Павловны. В письмах к ней Ростопчин не уставал напоминать о своей верности памяти ее отца[109]. Так, в марте 1810 г.

---

[105] Там же. С. 219.

[106] Там же. С. 219–220.

[107] Там же. С. 219.

[108] Там же. С. 218.

[109] К сожалению, практически вся переписка великой княгини Екатерины Павловны с Ростопчиным погибла во время пожара в середине XIX столетия (см.: Два письма великой княгини Екатерины Павловны по поводу народного ополчения в 1812 году. (Сообщ. Н. Лыжин) // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, изданный Николаем Калачовым. СПб., 1861. Кн. 2. С. 1). «Отодвигая» на двадцать лет назад начало павловского царствования, Ростопчин обходил стороной причины столь краткого правления этого монарха.

он писал великой княгине: «...Преданность моя к особе и к памяти Родителя дает надежду, что проницательный взор подобной ему умом и сердцем Дочери обратится некогда на того, кто до сих пор движим единственно был честью и верностью»[110]. В другом письме к Екатерине Павловне Ростопчин еще откровеннее выражал свое отношение к Павлу I и к его царствованию: «Верьте сим двум неоспоримым истинам, что император Павел, взойдя двадцать прежде лет на Российский престол, превзошел бы делами Петра Великого и что Ростопчин, не имея дарований Меншикова, Шафирова и Остермана, более их был предан, верен и признателен своему благодетелю»[111].

Высокая оценка, которую давал Ростопчин правлению Павла I, была крайне редка для того времени. К реабилитации этого российского самодержца общественная мысль и наука серьезно подошли лишь во второй половине XIX в. В начале же XIX столетия общественное мнение было расположено не в пользу этого монарха. К примеру, Карамзин в упомянутой «Записке о древней и новой России» называл Павла I тираном наравне с Иваном Грозным, а его царствование «вредным»[112].

Атмосфера критики современного правительственного курса, господствовавшая в тверском салоне, способствовала выдвижению на первый план образцов правления прошлого. И если для Карамзина таким образцом выступало царствование Екатерины II – «счастливейшее для гражданина Российского»[113], то для Ростопчина им была эпоха Павла I. Он считал, что Павлу просто не хватило времени на свершение дел, способных возвеличить Россию, а его имя прославить в веках.

Вероятно, выступая в роли апологета Павла I, Ростопчин отдавал дань не столько личной признательности своему благодетелю (хотя и это было, несомненно), сколько его образу мыслей

---

[110] Письма графа Ф.В. Ростопчина к великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1869. С. 759.

[111] Письмо графа Ф.В. Ростопчина к великой княгине Екатерине Павловне от 14 апреля 1810 года // Русский архив. 1886. № 2. С. 374.

[112] Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Н.М. Карамзин. М., 2001. С. 102.

[113] Там же. С. 101.

и действий. Впоследствии это проявилось в деятельности Ростопчина на посту московского главнокомандующего.

Память о бывшем фаворе Ростопчина у Павла I располагала к нему не только великую княгиню Екатерину Павловну, но и ее брата – великого князя Константина Павловича, также частого посетителя тверского салона. Судя по переписке, характер взаимоотношений Ростопчина и великого князя был далеко не формальным. Об этом красноречиво свидетельствует одно письмо Ростопчина, в котором он просил великого князя принять пару лошадей со своего конного завода. «От Калмыкскаго дворянина, – писал Ростопчин, – с большим ключом, что прежде сего был думный дьяк в посольском приказе. Федьки Растопчина. Челобитье о своей нужде. Ведомо тебе буди, что я сирота за верную мою службу и многие походы на поляк в Вильну, на немцов в Ригу, на чухну в Гатчино и на корелов в Петергоф, пожалован был родителем твоим землишкой в вотчину и в поместье, где завел я конский заводишко, на коем, не в гнев тебе буди, от жеребцов с кобылами пошел приплод – и мне в руку. Я нижайше отпев молебен Флору и Лавру, не щадя животов своих, сколько умишка стало, выбрал парочку лошадок и отправил их к тебе <...>. О себе повинен нижайше донесть, – продолжал Ростопчин, – что я неподвижно с Фомина понедельника лежу на спине, и которые пользуют лекаря из немцов и из Фряжской земли и пособия нет, замучили, собаки <...>. Вместо Федьки Растопчина, за неуменьем его грамоты, разыскнова приказа подъячий Терешка Тюря руку приложил»[114]. Помимо самого факта напоминания о былом расположении Павла I, это письмо примечательно еще и тем, что является, пожалуй, единственным известным примером стилизации речи «под старину» в эпистолярном жанре Ростопчина.

Тема противостояния Франции наряду с критикой М.М. Сперанского и действующего московского генерал-губернатора была ведущей в беседах членов тверского кружка. Особое внимание Ростопчин уделял фигуре фельдмаршала И.В. Гудовича – престарелого генерал-губернатора Москвы. Отстаивая идею сильной

---

[114] Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807 по 1829 год). Н. Дубровин. СПб., 1883. С. 24–25.

власти, Ростопчин открыто заявлял о «беспорядках и распущенности в управлении», как результате «ограниченного ума», старости и слабости московского генерал-губернатора[115]. Ростопчин считал, что престарелый наместник Москвы находится под дурным влиянием своего окружения, состоящим из корыстолюбцев и «бесстыдных плутов»[116]. Причем среди главных «мерзавцев», «спеленавших графа Гудовича»[117], Ростопчин выделял московского почт-директора Ф.П. Ключарева[118], бывшего, по его словам, «самым отъявленным из негодяев, который когда-либо существовал»[119].

Имя Ф.П. Ключарева пользовалось большой известностью в масонских кругах александровской эпохи. Посвященный в начале XIX столетия в одну из высших розенкрейцерских степеней[120], масонский поэт и мыслитель Ф.П. Ключарев занимал видное место в иерархии русского масонства. Этот крупный и деятельный представитель масонства, находившийся на важном государственном посту, сделался неизменной мишенью критики Ростопчина. Как бывший начальник почтового ведомства, Ростопчин усматривал в должности главы московского почтамта широкие возможности для деятельности в интересах процветания ордена. Однако несмотря на всю свою «неблагонадежность» Ключарев был совершенно неуязвим из-за своих влиятельных покровителей – И.В. Гудовича и М.М. Сперанского. Последовавшая в скором времени отставка того и другого создала условия для смены московского почт-директора. В августе 1812 г. он был отстранен от деятельности в московском почтамте

---

[115] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу // Русский архив. 1892. Кн. II. С. 424.

[116] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 244.

[117] Письма Ростопчина к великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1869. Стб. 761.

[118] Там же. Стб. 762.

[119] Записка о мартинистах представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875. № 9. С. 80.

[120] Серков А.И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 53.

и выслан под надзором полиции в Воронежскую губернию. О покровительстве московскому почт-директору со стороны всесильного тогда Сперанского писал в своих «Записках» и Д.П. Рунич – крупный масон и человек лично близкий Ключареву. Осведомленный Рунич подчеркивал, что Ростопчин смог удалить из Москвы Ключарева только после того, как тот лишился покровительства опального Сперанского[121]. (По словам того же Рунича, Сперанский с Ключаревым «был очень хорош»[122], то есть находился с ним в близких дружеских отношениях.)

В апреле 1810 г. в письме к великой княгине Екатерине Павловне Ростопчин сообщал о своем намерении составить для нее историю «мартинистов» в России. Важность проблемы Ростопчин объяснял тем, что масоны «ныне <т. е. при Александре I. – *А.М.*> явно господствуют и безопасно достигают до своей цели»[123]. В том, что их цели отнюдь не безобидны, автор записки был уверен. Он считал, что тайное общество (каковым являлось сообщество «мартинистов»[124]), в принципе не может не представлять опасность для существующего порядка, поскольку «безупречному человеку» скрывать нечего и он «открыто пользуется правом не бояться нечего ни за деяния, ни за слова свои, а тем менее за свои мысли...»[125] В записке Ростопчина отразился характерный для консерватора взгляд на масонство как на революционную «секту», деятельность которой направлена на подрыв основ государства.

Разбирая в свое время бумаги в рабочем кабинете Екатерины II, Ростопчин обнаружил в нем «некоторые важные» документы по делу о «мартинистах», часть которых ему удалось скопировать[126]. В бумагах Екатерины II были обнаружены, в частности, поименные списки русских масонов, письмо мюнхенских иллюминатов к Н.И. Новикову, допросы главных членов

---

[121] См.: Рунич Д.П. Записки // Русская старина. 1901. Т. 105. №. 3. С. 599.

[122] Там же.

[123] Письмо графа Ф.В. Ростопчина к великой княгине Екатерине Павловне от 14 апреля 1810 года // Русский архив. 1876. № 3. С. 374.

[124] «Мартинистами» Ростопчин называл всех масонов.

[125] Записка о мартинистах... С. 81.

[126] Там же. С. 77.

общества, а также показания лиц, якобы участвовавших в заговоре с целью убийства императрицы[127]. Кстати, сами масоны, по заключению А. Зорина, не отрицали наличие подобного заговора, но стремились подчеркнуть собственную невиновность, указывая «в качестве заговорщиков на неведомых иллюминатов»[128]. По воспоминаниям же одного из современников, А.М. Тургенева, в то время «в обществе и даже в народе была молва, что якобинцы и франмасоны, соединясь, умыслили отравить государыню ядом...» Причем, как подчеркивал автор воспоминаний, эта «молва не в одном Петербурге существовала, она распространилась по всей России и в самых отдаленнейших местах от столицы, в беседах, на торгах, словом во всех собраниях передавали ее друг другу и не шепотом, – вслух, с присовокуплением выражений, свойственных образованию и степени понятия того круга людей, который рассуждал о злоумышлении якобинцев и масонов»[129].

Упоминание в записке о замыслах масонов посягнуть на жизнь Екатерины II подчеркивало опасность, которую представляют тайные общества для института монархии в целом. В разоблачениях русских масонов Ростопчин делал акцент на социально-политическом аспекте их деятельности. «Мартинисты», в его интерпретации – это не столько тайное мистическое общество с определенным ритуалом и культом, сколько законспирированная политическая партия с жесткой дисциплиной и четкой иерархией, преследующая вполне прагматические цели. Ростопчин видел в масонстве хорошо организованную политическую силу – «потаенного врага» правительств и государей[130], для достижения своих целей прикрывающуюся туманной религиозностью и гуманистическими лозунгами. Сообщество масонов – это «несколько ловких обманщиков и тысячи простодушных жертв»[131]. Подобный взгляд на масонов и их деятельность

---

[127] Там же.

[128] См.: Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004. С. 207–208.

[129] Записки Александра Михайловича Тургенева // Русская старина. 1887. № 1. С. 88.

[130] Там же. С. 81.

[131] Там же. С. 77.

в значительной степени объясняет те меры, которые предпринимал в их отношении Ростопчин в пору генерал-губернаторства в Москве.

Начало своего противодействия замыслам «мартинистов» Ростопчин относил к эпохе Павла I. Именно тогда, после изложения им в личной беседе с императором истории о заговоре против Екатерины II, «мартинистам» был нанесен «смертельный удар»[132]. Этот разговор, по словам Ростопчина, «произвел сильное брожение в уме Павла, крайне дорожившего своею самодержавною властью и склонного видеть во всяких мелочах зародыши революции»[133]. В историографии роль Ростопчина в опале московских мартинистов при Павле I практически не подвергается сомнению. По мнению В. Сахарова, против вольных каменщиков Павел был «умело» настроен «лукавым и мстительным вельможей-временщиком» Ростопчиным[134]. «Главным обвинителем и врагом «новиковцев» перед лицом императора Павла I» называет Ростопчина и Е.А. Вишленкова[135].

Трудно сказать, насколько Ростопчин в действительности повлиял на перемену в отношении императора к масонству, но факт остается фактом: Павел I, некогда тесно связанный с масонскими кругами, после восшествия на престол отдалил от себя многих видных масонов. В результате к 1798 г. практически все бывшие розенкрейцеры вновь оказались в опале[136], а в 1799 г. по масонству был нанесен решительный удар в виде запрета деятельности масонских лож в России[137]. Масоны, возлагавшие на воцарение Павла I грандиозные надежды, были жестоко разочарованы. В одной анонимной масонской песне 1799 г. отразился бытовавший в то время в масонских кругах взгляд на царствование Павла I, как на правление «деспота» и «изверга», чьи беззакония должны быть пресечены[138]. Как известно, в организации

---

[132] Там же. С. 78.

[133] Там же.

[134] Сахаров В. Русское масонство в портретах. М., 2004. С. 167.

[135] Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. 130.

[136] Серков А.И. История русского масонства XIX века. С. 44.

[137] Сахаров В. Русское масонство в портретах. С. 168–169.

[138] Там же. С. 173–174.

и осуществлении заговора против Павла I существенную роль сыграли члены масонских лож. Тем не менее, в записке Ростопчина этот сюжет отсутствует. Сочинение, предназначенное не только для великой княгини, но и для ее царствующего брата, едва ли могло касаться табуированной темы заговора против его отца.

Быстрое и беспрепятственное возвышение масонов в александровское царствование Ростопчин связывал с усилением Сперанского, которому они «более или менее преданы», и, который «пользуется их услугами для направления дел», держа их в зависимости от себя[139]. Это замечание в то время было весьма актуальным, учитывая характер отношений к Сперанскому со стороны членов «русской партии».

Приписываемая Сперанскому связь с московскими мартинистами, на самом деле не являлась исключительно плодом мифотворчества Ростопчина. Известно, что наставником Сперанского на поприще масонского просвещения был один из лидеров московских розенкрейцеров – И.В. Лопухин[140]. Как и О.А. Поздеев, не только руководивший духовной жизнью министра народного просвещения А.К. Разумовского, но и активно вмешивавшийся в его служебную деятельность[141], И.В. Лопухин также имел разностороннее влияние на своего подопечного. (После опалы Сперанского И.В. Лопухин пытался действовать через Д.П. Рунича, делавшего быструю служебную карьеру[142].)

Отмечая в записке связь Сперанского с масонством, Ростопчин подчеркивал роль, которую стремились играть члены тайных обществ в сфере внутренней политики России. Впрочем, тайная деятельность масонов, как считал автор записки, не ограничивалась лишь сферой внутренней политики: «Наполеон, который все направляет к достижению своих целей, покровительствует им <масонам. – *А.М.*> и когда-нибудь найдет сильную опору в этом обществе, столь же достойном презрения, сколь

---

[139] Там же. С. 80.

[140] См.: Фаджионатто Р. Александр Николаевич Голицын // Против течения: Исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 258.

[141] Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. II. С. 46.

[142] Серков А.И. История русского масонства XIX века. С. 117.

опасном»[143]. Это утверждение было как нельзя кстати в то время, когда Россия готовилась к решительной схватке с Наполеоном.

Окончательный вывод Ростопчина звучал весьма угрожающе. Он открыто заявлял, что масоны «поставили себе целью произвести революцию, чтоб играть в ней видную роль, подобно негодяям, которые погубили Францию...»[144] Видя в масонах представителей тайной политической партии, Ростопчин разоблачал их внешне идеалистический образ: «Если они христиане, то почему проповедывают новые учения, почему заменяют исполненные простоты и красноречия книги Св. Писания мистическими сочинениями, которые всякий толкует на свой лад и которые, вместо того чтоб просвещать, только вводят в заблуждения? Если они имеют благотворительную цель, то к чему таинственность? Скромность может скрывать дела благотворения, но добродетельный человек никогда не наденет личины лицемерия. Если они проникнуты смирением, то почему выставляют напоказ жалкие подаяния, хлопочут о выгодных местах, об отличиях и т. п.? Если они верные подданные, то какая им надобность навлекать на себя подозрения и возбуждать недоверие правительства, ходить понурив голову, говорить шепотом, отрекаться с досадою от принадлежности к секте и стыдиться соучастия в ней, тогда как безупречный человек открыто пользуется правом не бояться ничего ни за деяния, ни за слова свои, а тем менее за свои мысли?»[145]

Через великую княгиню Екатерину Павловну содержание записки Ростопчина стало известно императору. О том, что «Записка о мартинистах...» произвела на Александр I впечатление и, видимо, немалое, свидетельствует его письмо к сестре от 18 декабря 1811 г. В нем он настоятельно просил великую княгиню никогда по почте не отправлять письма, «если есть что-либо важное» в них. Император подчеркивал: «...Особенно ни одного слова о мартинистах»[146]. Скорее всего, упоминание в записке

---

[143] Записка о мартинистах... С. 81.

[144] Там же.

[145] Там же.

[146] Цит. по: Семевский В.И. Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М., 1912. Т. IV. С. 231.

почт-директора Ф.П. Ключарева, который, по словам Ростопчина, вскрывает письма[147], не осталось без внимания Александра I.

«Записка о мартинистах» так же, как и «Записка о древней и новой России» Карамзина, с которой Александра I опять же познакомила его сестра, выражали взгляд консерваторов на современное состояние России. В этих сочинениях делался акцент на уязвимом положении, в котором оказалось русское самодержавие – основа национальной государственности. Если Ростопчин предостерегал от возможной революции, как результата масонского заговора, то Карамзин видел главную опасность для самодержавия, прежде всего, в реформаторстве царского любимца – Сперанского.

Борьба против всесильного государственного секретаря занимала приоритетное место в деятельности «русской партии». Именно великую княгиню Екатерину Павловну М.А. Корф считал главной виновницей опалы Сперанского[148]. По его мнению, к борьбе с государственным секретарем ее подвигло необыкновенное властолюбие и честолюбие[149]. Без оговорок трудно согласиться с этим мнением биографа и апологета Сперанского. Едва ли простое соперничество за влияние на царя и уязвленное самолюбие способны были развить столь бурную деятельность, втянувшую в свою орбиту множество известных и влиятельных лиц того времени. (Следует напомнить, что положение великой княгини в тот период отличалось прочностью, и не было никаких оснований к его ухудшению.) Надо полагать, что не личные интересы, а идейные убеждения великой княгини стали главными двигателями кампании против Сперанского.

История подготовки сокрушительного падения одного из крупнейших государственных деятелей Российской империи до сих пор содержит в себе немало спорных и не вполне ясных моментов. Одним из них является роль Ростопчина в интриге против Сперанского. В глазах общественности он был едва ли не главным деятелем низвержения Сперанского[150]. Так, через день после падения всесильного статс-секретаря И.П. Оденталь писал из Петербурга о том, что в столичных кругах Ростопчину

---

[147] Записка о мартинистах... С. 80.

[148] Корф М.А. Деятели и участники... С. 473.

[149] Там же. С. 473–474.

[150] Там же. С. 475.

приписывают «большое влияние» на эту «чрезвычайную перемену»[151]. Д.П. Рунич, в свою очередь, отводил Ростопчину в этом деле такую же роль как графу Г.М. Армфельдту и министру полиции А.Д. Балашову. Во главе же самого заговора он ставил «вдовствующую императрицу со своей дочерью, герцогиней Ольденбургской»[152]. Являвшийся деятельным участником интриги против Сперанского, Я.И. де-Санглен называл Ростопчина одним из главных «двигателей» организованного против государственного секретаря заговора[153]. Во главе заговора против Сперанского поставил Ростопчина и современный исследователь русского масонства А.И. Серков. При этом среди его сподвижников он назвал А.Д. Балашова, А.Н. Голицына, Ж. де Местра и великую княгиню Екатерину Павловну[154].

Однако сам Ростопчин в «Записках о 1812 годе» говорил о себе как об одном «из наиболее изумленных» известием о высылке Сперанского и приписывал ее главным образом «наговорам гг. Балашова и Армфельда»[155]. Учитывая время и цель создания воспоминаний[156], следует с осторожностью относиться к целому ряду фактов и оценок, содержащихся в них. Не в последнюю очередь это касается вопроса о кампании против Сперанского. Несомненно то, что «заслуги» Ростопчина в этом деле и его информированность были значительнее, нежели он хотел их впоследствии представить.

А.А. Кизеветтер, отрицавший активное и непосредственное участие Ростопчина в деле низвержения Сперанского, отмечал, что общественная молва приписала Ростопчину такую роль лишь по соображениям вероятия, а не «по несомненным фактическим данным»[157]. Действительно, Ростопчина не пользовавшегося

---

[151] Письма И.П. Оденталя к А.Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах // Русская старина. 1912. Т. 150. № 5. С. 417.

[152] Рунич Д.П. Записки // Русская старина. 1901. Т. 105. № 2. С. 356.

[153] Ссылка Сперанского 1812 году (из бумаг академика А.Ф. Бычкова) // Русская старина. 1902. Т. 110. № 4. С. 28.

[154] Серков А.И. История русского масонства XIX века. С. 89.

[155] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 246.

[156] Ростопчин писал свои воспоминания на склоне жизни с целью реабилитировать свое имя в глазах русского общества и правительства.

[157] Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 88.

в то время ни возможностями, которые были у находящихся в государственном аппарате Г.М. Армфельдта и А.Д. Балашова, ни, тем более, положением и влиянием, как у великой княгини Екатерины Павловны, едва ли можно ставить в один ряд с деятельными участниками низвержения Сперанского. Роль Ростопчина в этой кампании, вероятно, не выходила за рамки подготовки общественного мнения.

Как писал Я.И. де-Санглен, «Сперанский был тогда предметом ненависти почти всех; а в народе, или толпе слыл он даже изменником»[158]. Москва, в силу своего консерватизма, с особой неприязнью относилась к государственной деятельности Сперанского. По воспоминаниям же А.Д. Бестужева-Рюмина, после того, как в Москве узнали об «измене» Сперанского и Магницкого, а также о том, что их везут в ссылку, по городу стали ходить слухи, что «лишь только они в Москву въедут, то будут истерзаны народом»[159]. А.Я. Булгаков, человек близкий к Ростопчину, писал в марте 1812 г. в связи с «открытым» в Петербурге заговором следующее: «Как не сделать примерного наказания – Сперанского не повесить?!»[160] Слухи о заговоре и предательстве Сперанского были распространены не только «в народе, или толпе», но и в среде высшей аристократии, где подробности «измены» Магницкого и Сперанского обсуждались на достаточно серьезном уровне[161]. Ростопчин, публично критикуя

---

[158] Цит. по: Ссылка Сперанского в 1812 году. (Из бумаг академика А.Ф. Бычкова). С. 29.

[159] Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году // ЧОИДР. 1859. Кн. II. Ч. V. С. 72.

[160] Выдержки из записок Александра Яковлевича Булгакова // Русский Архив. 1867. № 11. С. 1368.

[161] К примеру, Н.М. Лонгинов по поводу отставки М.М. Сперанского и М.Л. Магницкого писал графу С.Р. Воронцову следующее: «До сих пор неизвестно заверно, в чем состояла вина сих ссылочных <Сперанского и Магницкого. – *А.М.*>; но вообще вероятнее почитается следующее обстоятельство. Когда война была решена и план оной окончательно принят, все меры распоряжены и доклад военного министра утвержден, вдруг бумаги сии пропали из портфеля военного министра, который обыкновенно хранился у полковника Воейкова, флигель-адъютанта и управлявшего канцеляриею военного министра. <...>

дела и планы Сперанского, не только отвечал настроениям широких слоев Российской империи, но и сам принимал активное участие в формировании оппозиционно настроенного общественного мнения.

(Нужно отметить, что обвинения в связях Сперанского с масонством были широко распространены в то время и имели под собой весьма прочное основание, несмотря на личные заверения Сперанского в том, что с масонами он «никогда и никаких связей» не имел[162]. Здесь имеются в виду планы Сперанского по реформированию русского духовенства и масонства[163]. С этой целью в 1809 г. он был посвящен Ф.П. Ключаревым и И.В. Лопухиным в мастера стула специально созданной масонской ложи «Полярная звезда»[164].)

Если всеобщее недовольство и предвоенные оппозиционные настроения Ростопчин (как и другие консерваторы) рассматривал в виде реакции на ломку традиционных основ государства и общества, то Сперанский, напротив, объяснял их несоответствием между умонастроением более либерального и прогрессивного общества и слишком умеренного, «консервативного»

По возвращении, Воейков говорит, что он отдал их списать статск. сов. Болховскому, который был секретарем комиссии составления военного уложения; от сего перешли к Магницкому и Сперанскому; так что с трудом отыскали сии бумаги, кои почитались величайшей тайною известною только Его Величеству, Барклаю и Воейкову. <...> Для чего могли быть нужны Сперанскому и Магницкому сии военные распоряжения, была вещь подозрительная и, по опечатании их бумаг, особливо последняго, подозрения сии оказались основательными. В тоже время оказалось, что Сперанский вел переписку в шифрах, кои требовал по произволению от действ. ст. сов. Бека, в Иностранной Коллегии, мимо гр. Румянцева и чрез посредство экспедитора канцелярии последнего Жерве». (см.: Письма Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1912. № 4. С. 536–537).

[162] См.: Шильдер Н.К. Александр I и его царствование. СПб., 1905. Т. III. С. 526.

[163] См.: М.М. Сперанский (по Гауеншильду) // Русская старина. 1902. Т. 110. № 5. С. 254–255.

[164] Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 767; 1089. Правда уже в 1811 г. высочайшим указом эта ложа была закрыта.

правительства. Так, причину господствующего в стране недовольства Сперанский был не склонен связывать с англо-русским разрывом и подписанием Тильзитского мира. «Неужели дороговизне сахару и кофе можно приписать начало сих неудовольствий? — писал он во «Введении к уложению государственных законов». — Уменьшилась ли от этого роскошь? Обеднел ли в самом деле народ? Где же жестокие несчастья, кои его в самом деле постигли? Все вещи остались в прежнем почти положении, а между тем дух народный страждет в беспокойствии»[165]. По его мнению, все это явилось результатом изменения общественного умонастроения и вызвано ничем иным, как «глухим, но сильным желанием другого вещей порядка». Он заключал, что существующая в России система правления «несвойственна уже более состоянию общественного духа»[166], подчеркивая тем самым необходимость коренных государственных преобразований с целью избежания назревшей революции[167]. Очевидно, что охарактеризованное Сперанским состояние «общественного духа» не было свойственно тогда большинству русского общества. Желание «другого вещей порядка», как это ни парадоксально, скорее, отражало позицию аристократического меньшинства, представленную в конституционных проектах русских либералов-западников[168].

Своеобразным явлением общественно-политической жизни России в эпоху Тильзита стало возникновение и широкое распространение в публике так называемых «подметных писем». Это был голос оппозиции, выражавший и одновременно формировавший общественное мнение. Специфика «подметных писем» состояла в их неоднозначности: формально это были «серьезные» письма, с подписью какого-либо русского сановника и адресованные непосредственно императору. Собственно так они воспринимались и интерпретировались не только многими авторами

---

[165] Цит. по: Окунь С.Б. Указ. соч. С. 175.

[166] Там же.

[167] Там же.

[168] Ярким примером подобного рода проектов, возникших в начале александровского царствования, была «Записка гр. А.Р. Воронцова о России в начале нынешнего века, представленная Александру Павловичу».

в XIX в., но и некоторыми современными исследователями, в том числе М.В. Горностаевым[169]. Критический подход к этому документу позволяет заметить, что подобное «письмо» в действительности представляло собой острый политический памфлет. Причем это был памфлет анонимный, непосредственным адресатом которого выступала публика. О популярности и активной циркуляции в обществе «подметных писем» свидетельствуют их многочисленные списки, зачастую весьма искаженные от многократного переписывания. Между тем «письма», формально адресованные императору, в конечном счете и предназначались правительственным «верхам» как свидетельство о характере и требованиях оппозиции. Не исключено также и то, что «письма», часто подписанные именем графа Ростопчина и остававшиеся для всех «здравомыслящих» людей анонимными, в действительности и принадлежали перу своего «формального» автора.

Попытка обратить внимание Александра I на «бедственное состояние» России, предпринятая Ростопчиным в декабре 1806 г., не имела успеха. В ответном письме-рескрипте император выразил свое крайнее раздражение и нежелание прислушиваться к мнению фаворита своего отца. В отличие от обычного письма-обращения к императору «подметные письма» действовали сначала на публику, подготавливая общественное мнение, а через нее – на власть. Вопрос об авторстве этих «писем» в научной литературе до сих пор остается открытым. Если в широких слоях русского общества начала XIX в. действительно верили, что их автором был Ростопчин, то, скажем, император в этом сомневался и считал необходимым расследовать это дело и найти настоящего сочинителя «подобных бумаг». Отправляя 13-го мая 1812 г. записку, присланную ему в Вильно С.К. Вязьмитиновым, Александр I писал по этому поводу графу Н.И. Салтыкову следующее: «Равномерно прилагаю здесь записку <...>, со вложением в оную письма довольно дерзкого. Нужно добраться подробно, кто сочинитель подобных бумаг. Сие письмо уже дошло до меня и другим путем, как равно и другое, здесь приложенное от имени сенатора Теплова. Оно не новое и несколько

---

[169] См., к примеру: Горностаев М.В. Государственная и общественная деятельность Ф.В. Ростопчина в 1796–1825 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 73.

лет уже ходило под подписью Маркова. Желательно весьма обратить на сии предметы должное внимание»[170].

Появление первого из двух распространенных в свое время «писем о бедственном положении России», авторство которого приписывалось, в частности, и Ростопчину, относится к 1807 г. Этим годом датирован французский оригинал «письма» под заглавием – «Projet de représentation à l'Empereur» («Проект представления императору»). Его полный текст в русском переводе в свое время был опубликован великим князем Николаем Михайловичем[171]. В архивном фонде Ростопчиных хранятся два русских списка этого «письма», причем один из них сделан рукой самого Ростопчина[172]. Анализ содержания этого «письма» позволяет провести параллели с мыслями Ростопчина, высказанными им в 1806 г., когда он буквально «заклинал» Александра I подумать «о прошедшем и о настоящем» и явиться в Москву, чтобы «возжечь в сердцах своих подданных любовь, совсем почти погасшую от несчастных происшествий»[173].

Представленная в «письме» 1807 г. «картина всеобщего расстройства» государства не менее печальна: она изображает не только волнение и негодование во всех сословиях русского народа,

---

[170] Цит. по: Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1898. № 12. С. 509.

[171] Копия с копии письма Н.М. Карамзина (?) Императору Александру Павловичу по поводу заключения союза с Наполеоном после свидания на Немане б. г. [1807 г.] // Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. I. СПб., 1912. С. 576–580.

[172] ОПИ ГИМ. Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 23–26; там же: Л. 30–35. Отдельные списки этого «письма» помимо Ростопчина приписывались Г.Р. Державину, И.Н. Теплову (см.: РГАДА. Ф. 345. Ед. хр. 44. Л. 1–9.), Н.М. Карамзину (см.: Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. I. СПб., 1912. С. 576.), Н.С. Мордвинову, А. Чарторижскому (см.: Предтеченский А.В. Указ. соч. С. 224–225.), М.Ф. Орлову (см.: Парсамов В.С. Жозеф де Местр и Михаил Орлов (К истокам политической биографии декабриста) // Отечественная история. 2001. № 1. С. 33–36.) и др.

[173] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу // Русский архив. 1892. Кн. II. С. 420.

но и брожение окраин империи – недовольство готовых на измену инородцев. Польские крестьяне, а также крестьяне немецких провинций, евреи и крымские татары – все, не скрывая своих сепаратистских настроений, готовы в любой момент на бунт и измену[174]. При этом все сферы государственной жизни Российской империи расстроены чрезвычайно, всюду царят произвол и беспорядок: финансы истощены, армия плохо вооружена и лишена авторитетного начальства, флота за исключением одной эскадры Синявина нет[175].

Действительно, крайне пессимистический взгляд на внутреннее и внешнее положение Российской империи был присущ Ростопчину на протяжении практически всей первой половины александровского царствования. Так, об «унынии всей России» Ростопчин писал в 1804 г. следующее: «Измена немцов, неизвестность о прошедшем, сомнение о будущем, а еще больше рекруты, дурной год и пагубная зима, все преисполнило и дворянство и народ явною печалию»[176]. Трудно не заметить сходства с отмеченными уже «негодованием и отчаянием» всех сословий Российской империи[177], о которых сообщал императору анонимный автор «письма».

«Ежели внутреннее положение России возбуждает справедливое опасение, – продолжал он, – не менее того и внешние отношения ее не представляют ничего утешительного. У ней нет более союзников...»[178] На отсутствие союзников накануне неизбежной войны с Наполеоном сетовал и Ростопчин в письме к некоему «графу Николаю Михайловичу», написанном в марте 1810 г.: «Государь столь благорасположенный к благоденствию своего народа, может скоро увидеть себя в весьма затруднительнейшем положении и без союзников»[179].

Свою позицию по отношению к Тильзитскому миру автор «письма» демонстрировал открыто: это постыдный мир, ставший

---

[174] Там же. Л. 31.

[175] Там же. Л. 31–31 об.

[176] Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову (1803–1806) // Девятнадцатый век. Кн. II. М., 1872. С. 106.

[177] ОПИ ГИМ. Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 31.

[178] Там же. Л. 31 об.

[179] ОПИ ГИМ. Ф. 381. Ед. хр. 36. Л. 122.

результатом «слабости, невежества и измены». «Блистательный век славы, когда Русские давали всем законы хотя уже прошел, – писал он, – но сыны России скорее решились бы пожертвовать последнею каплею крови, нежели столь постыдным образом преклонить выю под иго того, кто имел только то преимущество, что воспользовался слабостию, невежеством и изменою»[180]. О закате «русской звезды» на международной арене неоднократно писал Ростопчин еще в начале царствования Александра I. «...Все царства имели свои периоды; видно, время нашей славы прошло, и настал курс унижения»[181], – заключал он в 1804 г. накануне бесславной войны с Наполеоном.

Спасение России автор «письма» видел в обращении Александра I к опыту его славных предков, которые крепко держали власть в своих руках, строго блюдя государственные интересы[182]. Как в 1806 г. Ростопчин призывал Александра I исцелить Россию от заразы, выслав за границу иностранцев – это «сонмище ухищренных злодеев»[183], также и в той же стилистической форме анонимный автор послания к императору писал: «Отдалите от себя толпу иностранцев, которые подобно хищным вранам питаются ранами государства»[184]. Вместо этого императору предлагалось всецело положиться на «истинных русских» и проникнуться национальным духом своих подданных. Только в этом случае у Александра есть шанс быть приписанным потомками «к числу Великих государей»[185].

По словам А.В. Предтеченского, это «письмо» было одним «из самых резких и откровенных документов, которые когда-либо были

---

[180] ОПИ ГИМ. Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 30.

[181] Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову... С. 62.

[182] ОПИ ГИМ. Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 32.

[183] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу. С. 420.

[184] ОПИ ГИМ. Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 32.

[185] Там же. При этом автор «письма» возлагал особую миссию на русское дворянство – на «истинные подпоры государства». Эту же роль русским дворянам отводил и Ростопчин в своем послании к Александру I в 1806 г. (см.: Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу. С. 419).

в России обращены к монарху»[186]. Это сочинение выражало характерный для Ростопчина взгляд на внутреннюю и внешнюю политику Российской империи в начале александровского царствования. Свой крайний пессимизм в оценке деятельности молодого императора Ростопчин не скрывал ни в частной переписке, ни в своем послании к императору от 17 декабря 1806 г. Эти же настроения присутствуют и в рассматриваемом выше «письме» к Александру I, ставшем благодаря остроте и злободневности заметной вехой в идейной борьбе той эпохи. И хотя нельзя с полной уверенностью утверждать, что автором «письма» был Ростопчин, но и исключать эту возможность не следует. (Единственное, что может вызывать сомнение в принадлежности текста Ростопчину, – это положительная оценка деятельности Негласного комитета, которую высказывал автор «письма». Известно же, что в переписке с друзьями Ростопчин иронизировал над молодым окружением императора, хотя одновременно признавал благородство некоторых из них[187].)

В марте 1812 г. (до и после ссылки Сперанского) в Петербурге еще одно «письмо» к императору получило широкое распространение. Многочисленные копии этого сочинения, сохранившиеся в различных российских архивах, свидетельствуют о массовом хождении этого документа в 1812 г.[188] На этот раз «письмо» носило определенно публицистический характер и имело подпись – «граф Ростопчин и москвитяне» или просто «граф Ростопчин из Москвы»[189]. (Примечательно, что и Ростопчин также выступал от лица Москвы в своем письме к Александру I от 17 декабря 1806 г.[190]) Это был своеобразный донос на Сперанского.

---

[186] Предтеченский А.В. Указ. соч. С. 224.

[187] В.П. Кочубей пусть и «недовольно Россию знает, чтоб быть внутренним министром, но сердце и душу имеет благородную, следственно полезен и Государю и государству», – отмечал Ростопчин (см.: Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову... С. 43).

[188] См., к примеру: ОПИ ГИМ.Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 25 об.–26 об.; ГА РФ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–2 об.; ОР РГБ. Ф. 231. К. 25. Ед. хр. 32. Л. 1–4. Опубликовано: Письмо гр. Ростопчина к императору Александру I с доносом на Сперанского // Русская старина. 1905. № 5. С. 412–414.

[189] ОР РГБ. Ф. 231. К. 25. Ед. хр. 32. Л. 4.

[190] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу. С. 420.

Помимо традиционной для подобных «писем» критики либерального правления, приведшего к упадку государства, это сочинение было непосредственно направлено против фигуры статс-секретаря. Он обвинялся в государственной измене, в том, что «злато и бриллианты, чрез французского посланника к нему доставленные, ослепили ему глаза и удалили от верности к отечеству»[191]. Уже после ссылки Сперанского столичной полицией было отобрано десять экземпляров этого «письма», главным образом, у мелких служащих. Выяснилось, что их распространителем был надворный советник Ф.В. Каржавин. Поскольку он «не мог быть допрошен», так как «оказался умершим скоропостижно еще 28-го марта»[192], следствие зашло в тупик. Примечательно то, что некоторые экземпляры «письма» были датированы 5-м апреля 1812 г.[193], то есть появились уже после смерти своего предполагаемого автора. За неимением других версий, в научной литературе именно Ф.В. Каржавина принято считать наиболее вероятным сочинителем «подметных писем»[194]. По крайней мере, М.А. Корф полагал, что автором «письма», являвшегося «верхом невежества, <...>, нелепости и безграмотства», не мог быть Ростопчин, отличавшийся умом и образованностью[195]. Думается, в еще меньшей степени, чем Ростопчину, авторство «письма» принадлежало Федору Васильевичу Каржавину, взгляды которого были полной противоположностью национально-консервативному содержанию «письма». Вольнодумец и космополит Ф.В. Каржавин, хотя и нечуждый литературных занятий, едва ли мог стать автором антилиберального памфлета[196].

Как произведение публицистики это «письмо» отражало широко бытовавший тогда в обществе взгляд на личность и деятельность государственного секретаря. Об измене Сперанского, как

---

[191] Письмо гр. Ростопчина к императору Александру I с доносом на Сперанского. С. 414.

[192] Корф М.А. Деятели и участники... С. 482.

[193] ГА РФ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 14. Л. 2 об.

[194] См., к примеру: Зорин А. «Кормя двуглавого орла...» С. 211.

[195] Корф М.А. Деятели и участники... С. 483.

[196] О Ф.В. Каржавине, например, см.: Светлов Л.Б. Писатель-вольнодумец Ф.В. Каржавин // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1964. Т. 23. Вып. 6. С. 517–529.

о вполне очевидной истине, говорили в ту пору не только в мелкочиновничьей среде, но и в высших слоях русского общества. К примеру, А.С. Шишков был абсолютно уверен в том, что Сперанский продал Наполеону Россию за польскую корону[197]. О преданности государственного секретаря французам писал и А.Я. Булгаков[198]. По свидетельству С.Н. Глинки, сам Ростопчин видел тогда в Сперанском врага России равного Наполеону[199]. (Издатель «Русского вестника» ссылался на слова Ростопчина, прозвучавшие во время их беседы.)

Вопреки выводам М.А. Корфа о том, что донос на Сперанского носил печать невежества и «незнания политических обстоятельств»[200], анализ текста позволяет говорить о значительной степени осведомленности автора – о знании им политических реалий того времени и перипетий тайной кампании по низвержению статс-секретаря. «Государь, внемли гласу справедливости, который происходит от единаго усердия к отечеству и особе твоей; – говорилось в «письме», – позволь приблизиться мне к столице, прервать действие, злоумышленное хищными зверями, тебя окружающими. Я знаю все подробно, даже где храниться переписка Наполеона с обнаженными участниками; или избери орудием к сему Александра Балашова, который хотя и участвовал в оном деле, но принуждено, для узнания истины, и первый открыл сие ужасное дело, письмом в Москву от 20-го февраля»[201]. Следует заметить, что А.Д. Балашов действительно был активным и непосредственным участником кампании против Сперанского: он поддерживал тесную связь с тверским салоном великой княгини и, в частности, с Ростопчиным. С самого начала 1812 г. между министром полиции и Ростопчиным, являвшимся в то время частным лицом, велась активная и весьма доверительная переписка, касавшаяся вопросов современной политики[202].

---

[197] См.: Зорин А. «Кормя двуглавого орла...» С. 212.

[198] Выдержки из записок Александра Яковлевича Булгакова. Стб. 1368.

[199] Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 304; 306.

[200] Корф М.А. Деятели и участники... С. 483.

[201] Там же.

[202] См.: Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб, 1882.

Доводы М.А. Корфа, отрицавшие авторство Ростопчина[203], далеко не бесспорны. Сам стиль «письма», бывшего по своей сути памфлетом, не предполагал серьезной, не тенденциозной критики деяний Сперанского, а также проявления исключительного знания «политических обстоятельств» (на отсутствие чего ссылался Корф)[204]. Разумеется, это сочинение отражало бытовавшие в общественном сознании той эпохи мифы, сложившиеся вокруг личности и деяний Сперанского. Но эти мифы были порождены, скорее, не мелкочиновничьей средой, как принято считать, а происходили из более влиятельных кругов. Так, в заключительной части «письма» автор предупреждает императора о возможности государственного переворота. Он прямо заявляет, что если его послание «останется недействительным», тогда «сыны отечества необходимым себе поставят двинуться в столицу и настоятельно требовать как открытия сего злодейства <то есть измены Сперанского. – *А.М.*>, так и перемены правления»[205]. Как известно, разговоры о возможном дворцовом перевороте появились в оппозиционных кругах вскоре после подписания Тильзитского мира. При этом наиболее вероятным «наследником» непопулярного императора считалась его сестра – Екатерина Павловна. Еще в сентябре 1807 г. шведский посол в Петербурге граф Стединг писал своему королю: «Недовольство императором усиливается, и разговоры, которые слышны повсюду, ужасны <...>. В частных и даже публичных собраниях часто говорят о перемене царствования <...>. Говорят о том, что вся мужская линия царствующего дома должна быть отстранена, а так как императрица-мать и императрица Елизавета не обладают соответствующими данными, то на престол хотят возвести великую княжну Екатерину...»[206] Чуть позже, в марте 1809 г. в своем донесении Наполеону А. де Коленкур сообщал уже о непосредственной деятельности Екатерины Павловны, направленной на сплочение вокруг себя оппозиционных сил.

---

[203] Корф М.А. Деятели и участники... С. 483.

[204] Там же.

[205] Письмо гр. Ростопчина к императору Александру I с доносом на Сперанского. С. 414.

[206] Цит. по: Предтеченский А.В. Указ. соч. С. 220.

«Я хотел бы ошибаться, – писал А. де Коленкур, – но ее отношения с генералами и чиновниками, ее характер и намеки за последние четыре месяца – все это обнаруживает в ней одну из тех смелых женщин, которые издалека подготавливают крупные события»[207]. Едва ли лишенный политического веса и влияния писатель Ф.В. Каржавин, невзирая на свое «вольнодумство»[208], мог угрожать императору государственным переворотом.

Однозначно приписывать авторство этого памфлета Ростопчину, безусловно, нельзя, равно как и отрицать его. В данном случае примечателен сам факт: это сочинение приписывалось не какому-то другому лицу, а именно графу Ростопчину. Во-первых, он свидетельствует о том, что приверженность Ростопчина консерватизму пользовалась широкой известностью не только в Москве, но и, как оказалось, в Петербурге. А во-вторых, этот факт лишний раз подтверждает, что в глазах русского общества Ростопчин являлся негласным лидером Москвы, авторитет которого не только не снизился в сравнении со временем появления «Мыслей вслух на Красном крыльце», но даже вырос. (О том, что доверенность к Ростопчину со стороны «московского народа час от часу усиливалась» отмечал, к примеру, С.Н. Глинка[209].)

Причина, по которой в обществе стали считать Ростопчина чуть ли не главным виновником падения Сперанского, проецируется на два события: его неожиданный приезд в Петербург в марте 1812 г., а также встреча с императором, состоявшаяся за несколько дней до ссылки государственного секретаря. Делясь столичными новостями и слухами с А.Я. Булгаковым, И.П. Оденталь писал на следующий день после ссылки Сперанского и Магницкого: «О гр. Федоре Васильевиче идут здесь разные выгодные для него слухи <...>. Ему приписывают о сю пору большое влияние на чрезвычайную перемену, которая последовала в течение вчерашних суток»[210]. По словам же самого Ростопчина,

---

[207] Там же. С. 221.

[208] Зорин А. «Кормя двуглавого орла...» С. 210.

[209] Цит. по: Попов А.Н. Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. № 7. С. 246.

[210] Сто лет назад. Письма И.П. Оденталя к А.Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах // Русская старина. 1912. Т. 150. № 5. С. 417.

он приехал накануне войны в столицу единственно с тем, чтобы просить у Александра дозволения состоять при его особе в столь тяжелое для России время, а также записать семнадцатилетнего сына в армию, не желая «лишать его счастья служить, защищать свое отечество и гордиться этим весь остаток дней своих»[211]. Император не только удовлетворил просьбу Ростопчина состоять при своей особе, но и предложил ему место генерал-губернатора Москвы. Как утверждал Ростопчин, это предложение явилось для него полной неожиданностью[212].

Едва ли это было действительно так. Известно, что кандидатуру Ростопчина на пост московского генерал-губернатора предложила Александру I его любимая сестра – великая княгиня Екатерина Павловна, прибывшая тогда же со своим мужем в Петербург. Вероятно, визит Ростопчина в Петербург в марте 1812 г., имевший далеко идущие политические последствия, заранее был хорошо спланирован. Так, о своем намерении посетить столицу и встретиться с императором Ростопчин сообщал А.Д. Балашову в январе 1812 г.[213] Незадолго до этого он передал через министра полиции Александру I свою записку – опровержение на книгу В.Б. Стройновского «Об условиях помещиков с крестьянами»[214], которую император обещал вернуть при личной встрече с автором записки[215]. Очевидно, связь между присылкой Александру I замечаний на книгу В.Б. Стройновского, собственным приездом в столицу и неожиданной для многих отставкой Сперанского была самая непосредственная. Русское общество смотрело на В.Б. Стройновского как на пособника ненавистного многим статс-секретаря, при помощи которого был издан русский перевод книги «о рабстве в России».

---

[211] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 244.

[212] Там же. С. 246.

[213] Письмо А.Д. Балашева графу Ф.В. Ростопчину от 28 января 1812 года // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 1–2.

[214] О условиях помещиков с крестьянами. Сочинение графа Валериана Стршемень Стройновского. Перевод с польского В. Анастасевича. Вильна, 1809.

[215] Письмо А.Д. Балашева графу Ф.В. Ростопчину от 28 января 1812 года. С. 2.

Негодование консерваторов на книгу Стройновского, в которой предлагалось личное безземельное освобождение крестьян, выразилось в появлении целого ряда опровержений и замечаний, хотя и не изданных в свое время, но адресованных «кому-нибудь из сильных мира сего или самому государю»[216]. Ростопчин послал свои замечания не только императору – его записка с опровержением «революционных» идей польского дворянина ходила в многочисленных списках и пользовалась известностью и популярностью в консервативных кругах обеих столиц.

Как известно, существует два разных варианта записки Ростопчина[217]. Скорее всего, «Замечания...» были адресованы непосредственно Александру I, а «Возражения...», с их большей публицистичностью и обращенностью к идее антирусского заговора, – обществу. Современники упоминали в переписке как о «Замечаниях...», так и о «Возражениях...» Ростопчина на книгу Стройновского. К примеру, если в письме А.Д. Балашова к Ростопчину от 28 января 1812 г. речь идет именно о *«замечаниях»*, переданных императору[218], то И.П. Оденталь упоминал в марте 1812 г. уже о *«возражениях»* Ростопчина на книгу Стройновского. («Как мастерски отделал гр. Ростопчин Стройновского! – писал он из Петербурга А.Я. Булгакову. – Для меня теперь *возражение* сие <курсив мой. – *А.М.*> переписывается»[219].) Кроме того, «Возражения...» появились уже после того, как в конце 1811 – в первых числах 1812 г. императору был передан экземпляр записки Ростопчина. Текст «Возражения...» Ростопчин

---

[216] Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. I. СПб., 1888. С. 300.

[217] ОПИ ГИМ. Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 32 об.–35. Опубликовано: Возражения графа Ростопчина на книгу, сочиненную графом Стройновским, О условиях помещиков с крестьянами // ЧОИДР. 1859. Кн. III. Отд. V. С. 37–45; ОПИ ГИМ. Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 99–107. Опубликовано: Замечания графа Ф.В. Ростопчина на книгу г-на Стройновского // ЧОИДР. 1860. Кн. II. Отд. V. С. 203–217.

[218] Письмо А.Д. Балашева графу Ф.В. Ростопчину от 28 января 1812 года // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников... С. 1.

[219] Письмо И.П. Оденталя А.Я. Булгакову от 26 марта 1812 года // ОР РГБ. Ф. 41. К. 114. Ед. хр. 30. Л. 8.

написал, вероятно, непосредственно перед своим историческим приездом в Петербург в марте 1812 г. Об этом свидетельствует список этой записки из ОПИ ГИМ, сделанный рукой Ростопчина и датированный 12 февраля 1812 г.[220]

Полемизируя со Стройновским, автор «Возражений...» стремился обратить внимание русского общества на «истинные» цели и задачи польского дворянина. По мнению Ростопчина, пером Стройновского водила не любовь к роду человеческому и не желание пользы России, а как раз обратное – чувство зависти, присущее иностранцам «при воззрении их на славу и величество» Российской империи. По мнению автора записки, «внедрить» в России «неустройства» и, тем самым, расшатать все ее социальное здание и стремятся ее враги. Именно русофобия польского дворянина лежит в основе его мнимой заботы о русских крестьянах, находящихся в более выгодном положении, нежели его освобожденные соотечественники[221]. «Вот истинные побуждения, заставляющие вас так усердно пещись о нас! Вот источник, откуда проистекают жалости и сострадание Ваше к крестьянам нашим, которые в рабстве их сто раз блаженнее освобожденных Ваших соотчий, утучняющих теперь трудами своими опустошаемые ими же поля Испании противу воли и пользы своих, а в угоду благотворителя Вашего <речь идет, вероятно, о Наполеоне. – *А.М.*>, коим небо достойно Вас наградило. Вот сокровенная сердец Ваших тайна, но уже проникнутая. Вы не сознаетесь в ней, и сознаться не можете; ибо Вы, Граф, знаете, кем она и в том и в другом случае должна вознаграждаться»[222], – писал Ростопчин. В итоге Стройновский представал перед публикой непосредственным участником антирусского заговора, одним из приспешников Наполеона.

---

[220] ОПИ ГИМ Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 35.

[221] Там же. Л. 34 об.–35.

[222] Там же. Следует обратить внимание на одно из расхождений цитируемого текста с опубликованным. В последнем предложении («...ибо Вы, Граф, знаете, кем она и в том и в другом случае должна вознаграждаться») в опубликованном варианте вместо многозначительного *«кем»* стоит менее содержательное *«чем»* (см.: Возражения графа Ростопчина на книгу, сочиненную графом Стройновским, О условиях помещиков с крестьянами // ЧОИДР. 1859. Кн. III. Отд. V. С. 45).

В представленной Александру I записке Ростопчин подчеркивал, что Стройновский, взявшийся критиковать русскую действительность, на самом деле плохо знаком с реальным положением крестьян. Польский дворянин обращает внимание лишь на дурную сторону их быта и не замечает «счастья, коим они пользуются, быв совершенно обеспечены на счет голоду, нищеты и нужды»[223]. Зато вольность или свобода, которых добивается для крестьян Стройновский, по мнению Ростопчина, представляют «лестное, но неестественное для человека состояние, ибо жизнь наша есть беспрестанная зависимость от всего. <...> Отношения и связи общества соделывают каждого человека зависящим от других, и для удовлетворения наших желаний, нужд и прихотей, мы всегда прибегаем к другим». Ростопчин считал, что вольность как таковая опасна для государства, поскольку сначала приведет к самовольству, затем – к непослушанию и, в конечном счете, к восстанию против власти[224].

Таким образом, в представлениях Ростопчина проблема отмены крепостного права носила не столько экономический или социальный характер, сколько политический. Освобождение крепостных Ростопчин связывал с серьезными политическими потрясениями, видя в нем зачаток революции. Это представление, в целом свойственное консерваторам, основывалось прежде всего на признании несовершенства человеческой натуры. В «Записке о древней и новой России...» Карамзин писал, что «для твердости бытия Государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным»[225]. Карамзин тем самым остерегал императора от поспешного освобождения крестьян. Жозеф де Местр, которого трудно заподозрить в личной и корыстной заинтересованности русского помещика, также был противником отмены крепостного права в современной ему России. Он полагал, что освобождение крестьян в тот момент закончится бунтом, учитывая природную «подвижность, горячность

---

[223] ОПИ ГИМ Ф. 222. Ед. хр. 1. Л. 100.

[224] Там же.

[225] Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 121.

и предприимчивость» русских, не сдерживаемых, по его мнению, нравственными законами[226].

Реакция Александра I на «Замечания...» Ростопчина осталась неизвестной. Трудно сказать и о впечатлении, которое произвела на императора еще одна записка Ростопчина, появившаяся через несколько дней после ссылки Сперанского[227]. Небольшая записка, состоящая из 5-ти пунктов, представляет собой опровержение основных положений законодательной деятельности Сперанского. Ростопчин предлагал ослабить налоговое бремя с отдельных категорий российских подданных. Например, он настаивал на отмене сбора денег с 3-й гильдии купцов и торгующих крестьян. Кроме того, им предлагалось отменить установленный для чиновников экзамен и положение, в соответствии с которым дворяне, вступая в военную службу, должны выслужить не менее 12-ти лет для получения обер-офицерского чина при отставке[228]. Сам факт появления записки, а также ее категоричный тон свидетельствуют о заметно возросшем политическом авторитете Ростопчина после его приезда в столицу. При этом возникновение записки относится к моменту, предшествовавшему назначению Ростопчина московским военным губернатором, состоявшемся в последних числах марта 1812 г.

Думается, что выбор кандидатуры на место, приобретшее с началом войны особое значение, был не случайным. В пользу Ростопчина говорил не только его непререкаемый авторитет в древней столице и исповедуемый им консерватизм, но и целый ряд личных качеств, необходимых на столь ответственном посту в чрезвычайное для России время. Ростопчин обладал административными и организаторскими способностями, незаурядным умом и твердым характером и, по меткому замечанию князя П.А. Вяземского, имел «много родственного с народом»[229]. Последнее качество оказалось весьма ценным в условиях войны 1812 г. с присущим ей народным характером.

---

[226] Местр Ж. де. Петербургские письма // Звезда. 1994. № 12. С. 147.

[227] Записка гр. Ростопчина императору от 20 марта 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников... С. 2.

[228] Там же.

[229] Вяземский П.А. Характеристические заметки и воспоминания о гр. Ростопчине // Русский архив. 1877. № 5. С. 70.

По словам Ростопчина, Александру пришлось долго уговаривать его занять этот пост. Государь, как писал впоследствии Ростопчин, наговорил ему «кучу комплиментов, прибегнул к ласкательству, как-то делают все люди, когда они нуждаются в ком-нибудь или желают чего-либо»[230]. Трудно сказать, было ли так на самом деле (Ростопчин отказывался от должности московского генерал-губернатора, а Александр при этом настойчиво уговаривал его)? На склоне лет у Ростопчина были серьезные причины в целях самозащиты прибегать к авторитету императора, «приказавшего» ему в 1812 г. занять этот ответственный пост.

В любом случае сам Ростопчин к власти не «рвался», поскольку слишком хорошо осознавал всю тяжесть и ответственность, ложившиеся на его плечи с занятием этого места. Впоследствии он писал о своем генерал-губернаторстве в Москве следующее: «Два года я мучился в ней <в Москве. – *А.М.*> как в аду, и если бы не тогдашние грозные события, ни за что на свете не принял бы этого места, которое есть почетная должность, подобающая старику»[231]. Таким образом, власть воспринималась Ростопчиным как род патриотического служения (что вообще характерно для консервативного мировоззрения).

Итак, время с 1801 по 1812 г. (до начала Отечественной войны) явилось периодом наиболее активной общественно-политической деятельности Ростопчина. Уже с самого начала правления Александра I Ростопчин проявляет себя убежденным консерватором и националистом. Если до 1806 г. Ростопчин позволял себе критику космополитизма, масонства, процессов вестернизации и либерализации общественной и государственной жизни Российской империи в кругу своих друзей, то в последующий период он открыто заявил о себе как об авторитетном представителе консервативной оппозиции. С 1807 г. началась его активная публицистическая деятельность, имевшая ярко выраженный патриотический и националистический характер. В результате, накануне войны с Наполеоном Ростопчин пользовался известностью и большим авторитетом не только в Москве, но и в России в целом.

---

[230] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 247.

[231] См.: Письмо Ф.В. Ростопчина к графу С.Р. Воронцову от 28 апреля 1814 года // Русский архив. 1887. № 2. С. 184.

ГЛАВА III
ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА МОСКВЫ В 1812 г.

3.1. Механизмы власти московского генерал-губернатора

Указом Сенату от 24 мая 1812 г. действительный тайный советник и обер-камергер императорского двора граф Федор Васильевич Ростопчин был переименован в генералы от инфантерии и назначен военным губернатором в Москву. Ростопчин сменил на этом посту престарелого фельдмаршала И.В. Гудовича, ушедшего в отставку, как трактовалось в императорском рескрипте: «по собственному желанию из-за слабости здоровья»[1]. Незадолго до назначения Ростопчина А.С. Шишков стал государственным секретарем (9 апреля 1812 г.) вместо сосланного в Нижний Новгород Сперанского. Так, в преддверии войны с французами на наиболее ответственных государственных постах оказались люди, известные своим национализмом и консерватизмом и снискавшие себе репутацию крайних «французоненавистников».

Известие о назначении Ростопчина в канун войны генерал-губернатором Москвы было встречено обществом весьма благосклонно, что подтверждают дошедшие до нас свидетельства современников. Так, после официального объявления И.П. Оденталь писал из Петербурга о том, что жители Москвы должны принести «благодарение Богу, что Государь дал им в

[1] См.: [Объявление московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина жителям Москвы] // Московские ведомости. 1812. № 47. 12 июня. С. 1281.

графе Федоре Васильевиче столь редкого начальника»[2]. М.А. Волкова, для которой Ростопчин, по ее собственным словам, никогда «не был героем», вскоре признала, что «у него в тысячу раз более ума и деятельности», чем у бывшего генерал-губернатора фельдмаршала И.В. Гудовича[3]. По мнению же Ф.Ф. Вигеля, Александр I «был вдохновлен свыше, когда в преемники гр. Гудовичу выбрал гр. Ростопчина»[4]. С ним соглашался и С.Н. Глинка: «...Глас Божий слышен был и в голосе народном, когда в 1812 г. граф Ростопчин был назначен главнокомандующим в Москву. С мыслью нового начальника породнилась мысль целой Москвы, а на Москву смотрела вся Россия»[5]. В целом в дворянской и купеческой среде, где Ростопчин снискал известность публикацией «Мыслей вслух на Красном крыльце», преобладали положительные, а порой и восторженные отзывы о его назначении на этот пост[6]. Первые же шаги нового московского генерал-губернатора усилили его популярность и укрепили власть.

Кампания по созданию образа популярного и авторитетного начальника Москвы началась еще до официального вступления Ростопчина в должность. Незадолго до своего повышения Ростопчин просил Александра I о нескольких «незначительных» услугах, которые, тем не менее, должны принести заметный результат. Дело в том, что Ростопчин просил при назначении в Москву определить ему жалование «очень большое», чтобы на первой же почте отправить министру полиции письмо с отказом от него «на все время войны». Этим поступком Ростопчин же-

---

[2] Письма И.П. Оденталя к А.Я. Булгакову // Русская старина. 1912. Т. 150. № 6. С. 608.

[3] Письма М.А. Волковой к В.И. Ланской // Русский архив. 1872. Стб. 2377.

[4] Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 198.

[5] Цит. по: Попов А.Н. Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. № 7. С. 275.

[6] Негативный отзыв А.Д. Бестужева-Рюмина об этой кадровой перемене был скорее исключением: «Лишь только я узнал о сей перемене начальства, – писал он, – сердце у меня облилось кровью, как будто я ожидал чего-то очень неприятного» (см.: Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году // ЧОИДР. 1859. Кн. II. Ч. V. С. 69–70).

лал подать полезный в тех условиях пример бескорыстного служения царю и Отечеству. Тогда же Ростопчин испросил для себя звание главнокомандующего и эполеты с шифром Его Императорского Величества, как он объяснял: «для вящего уважения»[7]. Вероятно, он стремился усилить свой авторитет не только в глазах подчиненных и всего московского населения, но и в правительственных «верхах».

«Страстный по своей впечатлительной натуре и деспот в душе, Ростопчин сжал первопрестольную столицу в своих крепких руках и распоряжался в ней самовластно; это был диктатор, которому обстоятельства придавали силу»[8], – писал о службе Ростопчина Н.Н. Булич. Следует заметить, что исследователь русской литературы необычайно точно отразил характер власти московского военного губернатора. Вступив накануне войны в эту должность и получив тем самым диктаторские полномочия, Ростопчин приобрел уникальную возможность реализовать на практике идею государственной власти в ее национально-консервативном варианте. Важно отметить, что Ростопчин в своих сочинениях никогда не предпринимал сколько-нибудь развернутого теоретического обоснования этой идеи. Его представления о механизме государственной власти можно отчасти реконструировать, опираясь на факты его личного опыта, зафиксированные в воспоминаниях[9] и письмах соответствующего периода[10], а также в мемуарах и эпистолярном наследии современников. Однако в экстраординарной обстановке войны (при необходимости быстро принимать решения) меры московского

---

[7] Просьбы графа Ростопчина // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 4.

[8] Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1912. Т. 1–2. С. 385. Условия военного времени и особый статус Москвы сделали власть Ростопчина почти неограниченной.

[9] См.: Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992.

[10] См.: Переписка императора Александра Павловича с гр. Ф.В. Ростопчиным 1812–1814 гг. // Русская старина. 1893. № 1. С. 173–209; Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу // Русский архив. 1892. Кн. II. С. 419–565.

генерал-губернатора были не столько выражением продуманной программы действий, сколько использованием приемов и механизмов Павла I.

Известно, что Павел в свое правление стремился реализовать идею сильной, авторитетной и максимально сосредоточенной в руках монарха государственной власти. С этой идеей была тесно связана абсолютизация принципа порядка и дисциплины, выражением которого явилось установление военно-полицейского режима в империи. Немедленность и публичность наказания, ставшие при Павле нормой, выступали действенным механизмом поддержания заведенного в государстве порядка. Павел придавал значение демонстрации не только сильной, но и справедливой власти, одним из символов которой был знаменитый желтый ящик у ворот Зимнего дворца, служивший тому, чтобы «глас слабого, угнетенного был услышан»[11] и каждый, невзирая на чин и положение, мог обратиться лично к императору со своей просьбой. «Этим путем, – писал Н.А. Саблуков, – обнаруживались многие вопиющие несправедливости, и в таковых случаях Павел был непреклонен. Никакие личные или сословные соображения не могли спасти виновного от наказания»[12]. Стремление уравнять перед лицом власти все сословия и выступить в роли строгого, но справедливого отца своих подданных подчеркивало патерналистский стиль правления Павла I. Эта черта павловского царствования благодаря своему антидворянскому подтексту оценивалась некоторыми современниками в качестве реальной угрозы самодержавию. Подчеркивая националистический оттенок в политике этого императора, Я.И. де-Санглен писал, в частности, о том, что Павел, «отправляя в первом гневе в одной и той же кибитке генерала, купца, унтер-офицера и фельдъегеря научил нас и народ *слишком рано* <курсив мой. – *А.М.*>, что различие сословий ничтожно. Это был чистый подкоп, ибо без этого различия самодержавие удержаться не может. Он нам дан был или слишком рано, или слишком поздно. Если бы он наследовал престол после Ивана Васильевича Грозного,

---

[11] Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб, 1907. С 168.

[12] Записки Н.А Саблукова // Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. С. 29.

мы благословили бы его царствование. Но он явился после Екатерины, после века снисходительности, милосердия, счастья, и получил титул тирана»[13]. Надо полагать, что под этим «слишком рано, или слишком поздно» скрывается не какой-то отрезок времени, а определенная социально-политическая ситуация. Демонстративное игнорирование сословных различий и явное благоволение к простонародью имело вполне националистический подтекст. Современникам – людям рубежа XVIII–XIX вв. – это казалось преждевременным и опасным для основ самодержавия. Показательно, что с подобных же позиций критиковали впоследствии и Ростопчина за его, влечение к «черни» (П.А. Вяземский)[14] и демократическую риторику афиш, якобы таящую в себе опасность для существующего строя[15].

Итак, в должность московского генерал-губернатора Ростопчин вступил в первые дни июня 1812 г., причем это событие должно было произвести исключительно сильное и благоприятное впечатление на жителей Москвы: в этот день новый генерал-губернатор «приказал отслужить молебны перед всеми иконами, которые считаются чудотворными и пользуются большим уважением у народа»[16]. В письме к Александру I Ростопчин упоминал о двукратном (по-видимому, демонстративном) посещении часовни Иверской Божьей Матери[17]. Примечательно, что Павел I во время коронационного въезда в Москву также посетил часовню Иверской Божьей Матери. Как заметил по этому поводу Р.С. Уортман, это предприятие стало «важным новшеством» и явилось «первой демонстрацией набожности в императорском въезде»[18].

---

[13] См.: Записки Якова Ивановича де-Санглена // Русская старина. 1882. № 12. С. 496–497.

[14] См.: Вяземский П.А. Характеристические заметки и воспоминания о гр. Ростопчине // Русский архив. 1877. № 5. С. 72.

[15] Там же.

[16] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 253.

[17] См.: Переписка императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным. 1812–1814 гг. // Русская старина. 1893. Т. 77. № 1. С. 178.

[18] Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. I: От Петра Великого до смерти Николая I. С. 235.

Первоочередные мероприятия Ростопчина в новой должности имели целью демонстрацию сильной, решительной и, одновременно, справедливой власти. «Два утра были для меня достаточны, чтобы пустить пыль в глаза и убедить большинство московских обывателей в том, что я неутомим и что меня видят повсюду, – вспоминал Ростопчин. – Мне удалось внушить такое мнение о моей деятельности тем, что я в одно и тоже утро появлялся в самых отдаленных кварталах и оставлял там следы моей справедливости и моей строгости»[19]. Жители Москвы оценили эти качества нового генерал-губернатора. К примеру, М.А. Волкова сообщала в письме к В.И. Ланской о том, что новым генерал-губернатором «до сих пор очень довольны» в Москве, поскольку «он очень деятелен» и «справедлив»[20].

В свое время Павел I также удивил подданных проявлением незаурядной активности. «Не успел государь нескольких дней поцарствовать, – писал А.Т. Болотов, – как вся страна поражена была удивлением, и из ней писано было всюду и всюду, что новый наш монарх толико был трудолюбив и бдителен над соблюдением и установлением во всем порядка, что все не могли тому довольно надивиться, а особливо тому, что он всякий день, когда не по два, так по одному разу, несмотря на всю суровость погоды, разъезжал по городу и по всем местам, и не в пышности и великолепии государственном, а просто когда верхом и, не смотря на всю стужу, в одном сюртуке, а когда в небольших санях. Зрелище сие было поистине необыкновенное и потому наиболее для всех поразительное, но вкупе и такое, которое производило великие последствия»[21]. Об этих выездах Павла I В.И. Штейнгель писал, что «посещения были часты и внезапны. Заботливость гласная, разительная»[22]. Этот метод правления был призван воплотить в жизнь принцип справедливости и порядка. По мнению А.Н. Пыпина, у Павла было «несколько

---

[19] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 253.

[20] Письма М.А. Волковой к В.И. Ланской. Стб. 2381.

[21] Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла Петровича. (Из Записок А.Т. Болотова.) // Русский архив. 1864. 2-е изд. Стб. 674–675.

[22] Записки барона В.И. Штейнгеля // Общественные движения в России в первую половину XIX века. Т. I. СПб., 1905. С. 372.

фантастическое представление о достоинстве его власти: он понимал ее как нечто в роде власти Гарун-аль-Рашида, хотел все знать, все видеть, водворять добродетель и преследовать порок...»[23] Подобные предприятия Павла I (наряду со строгим и публичным наказанием за злоупотребление или нарушение установленного порядка) выступали одним из излюбленных им механизмов управления государством. Этот же прием использовал и Ростопчин, став генерал-губернатором Москвы. Описывая свой первый день в новой должности, Ростопчин упоминал, в частности, о следующих проявлениях своей «строгости» и «справедливости»: «Я приказал посадить под арест офицера, приставленного к раздаче пищи в военном госпитале, за то, что не нашел его в кухне в час завтрака. Я восстановил права одного крестьянина, которому вместо 30 ф. соли отпустили только 25; я отправил в тюрьму чиновника, заведовавшего постройкой моста на судах; я входил повсюду, говорил со всяким; я узнал много такого, чем потом пользовался»[24]. В письме к Александру I он сообщал также о наказании пятьюдесятью палочными ударами одного унтер-офицера, «который был приставлен при продаже соли и заставил ждать нескольких крестьян». Важно заметить, что наказание было приведено в исполнение немедленно в присутствии генерал-губернатора[25].

Ростопчин с самого начала своего генерал-губернаторства «выказал» большую деятельность. Для Москвы это было новостью: его предшественники имели преклонный возраст[26]. По утрам, переодетый в гражданское платье, Ростопчин, по его собственным уверениям, «загонял две пары лошадей», чтобы успеть побывать в разных концах города, а в 8 часов утра появиться у себя в мундире, «готовым приняться за работу»[27]. Как видно, Ростопчин воспроизводил характерный стиль поведения Павла I. Известно, что император обычно вставал в 5 утра,

---

[23] Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. Изд. 4-е. СПб., 1908. С. 52.

[24] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 253.

[25] См.: Переписка императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным. 1812–1814 гг. С. 178.

[26] См.: Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 253.

[27] Там же. С 253–254.

а с 6-ти часов его можно было застать за работой. В правление Павла I в похожем режиме работали и государственные учреждения. По свидетельству Ф.П. Лубяновского, «в канцеляриях, в департаментах, в коллегиях, везде на столах свечи горели с 5 часов утра»[28]. Образ жизни, который навязывал в свое время подданным Павел I, не мог импонировать дворянству и, прежде всего, столичной аристократии. Однако в 1812 г. чувство патриотизма диктовало благосклонное отношение к далеко не аристократическому поведению Ростопчина даже высшим слоям московского общества.

Эффективным механизмом власти Ростопчин считал демонстрацию своей открытости. Впоследствии он писал, что достиг популярности в Москве именно благодаря своей доступности каждому московскому обывателю. Он сделал в «Московских ведомостях» объявление о том, что ежедневно с 11 часов до полудня принимает всех желающих, а тот, кто намерен сообщить ему «нечто важное», может являться к нему в любое время[29]. Желтый ящик у ворот Зимнего дворца, появившийся вскоре после восшествия на престол Павла I, был той же демонстрацией

---

[28] Лубяновский Ф.П. Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. 1777–1834. М., 1872. С. 93–94. Сам Ростопчин следующим образом описывал свой распорядок дня при Павле I: «...У меня много дела, потому что на моих руках вся воинская часть. Я должен рассылать все приказы государя и получаю все рапорты для представления и прочтения ему. Зная по опыту, как мало можно иметь доверия к секретарям, я делаю все сам, а секретари только переписывают и содержат в порядке книги. Я изменил образ жизни: обедаю всегда дома, ухожу в 4 часа и возвращаюсь в 9. Разобрав бумаги к следующему дню, в 10 часов ложусь спать. Встаю в 5 1\2 часов, а в 6 1\4 я уже у государя, при котором остаюсь почти до часу по полудни, занимаюсь рассылкой приказов и чтением всего поступающего по военной части» (см.: Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. №. 5. С. 91).

[29] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 253. См. также: Переписка императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным. 1812–1814 гг. С. 178. Это объявление впервые появилось в «Московских ведомостях» сразу после вступления Ростопчина в должность московского генерал-губернатора. Затем оно неоднократно перепечатывалось в следующих номерах газеты (см., к примеру: Московские ведомости. №№ 45–47).

доступности. «Народ был счастлив <...>. Вельможи знали, что всякому возможно было писать государю и что государь читал каждое письмо <...>. Страх внушал им человеколюбие»[30], – писал по поводу личных обращений к императору А. Коцебу. Кстати, резолюции и ответы на поданные указанным путем прошения публиковались в столичных ведомостях, где их могли прочитать не только те, к кому они имели непосредственное отношение, но и все прочие. Этим достигалась публичность власти. В подобных случаях Ростопчин прибегал не только к «Московским ведомостям», но и к более действенному орудию – знаменитым афишам, выходившим большим тиражом и имевшим свободное и повсеместное распространение в округе. Точно так же, как и Павел I, Ростопчин обращался в афишах не только к абстрактному московскому обывателю, но и к вполне конкретным лицам в связи с конкретными событиями. Так, в одной из афиш московский главнокомандующий делал выговор некоторым москвичам за недавние беспорядки в городе. «Вы знаете, что я знаю все, что в Москве делается; а что было вчера – не хорошо, и побранить есть за что: два немца пришли деньги менять, а народ их катать; один чуть ли не умер. Вздумали, что будто шпионы; а для этого допросить должно: это мое дело»[31].

К своей «доступности всякому московскому обывателю» Ростопчин апеллировал, когда взялся за искоренение произвола, царившего в рядах московской полиции. «Я объявил полицейским офицерам, которых было 300 человек, что я ничего им не спущу даром и что они не должны надеяться скрыть от меня свои плутни, так как знают, что я говорю со всяким городским обывателем и что всякому открыт свободный доступ ко мне»[32], – писал в своих «Записках о 1812 годе» Ростопчин. Благодаря этому внушению и «крутым мерам», которые все-таки пришлось применить в отношении московской полиции[33], Ростопчину уда-

---

[30] Записки Августа Коцебу // Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. С. 299.

[31] Афиши 1812 года, или Дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 216.

[32] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 261.

[33] Там же.

лось быстро поставить полицейский корпус под личный контроль. Следует признать, что во время войны московская полиция проявила себя наилучшим образом, качественно исполняя многочисленные поручения главнокомандующего, которые имели в то время чрезвычайное значение.

В летние месяцы 1812 г. в Москве действовала хорошо налаженная система полицейского надзора не только за общественным порядком, но и за общественным мнением. 15 июля в Слободском дворце состоялось торжественное обращение Александра I к представителям московского дворянства и купечества. Исключительная важность момента вынудила Ростопчина принять особые меры по поддержанию порядка во время встречи императора со своими подданными. Московский генерал-губернатор дал ясно понять общественности, что не потерпит даже малейшего нарушения спокойствия во время встречи с государем. Опасаясь того, что императору могут быть заданы вопросы, способные направить собрание в Слободском дворце в совершенно иное, «непатриотическое», русло, Ростопчин обещал немедленно отправить всякого, кто «забудется в присутствии своего государя», в «весьма далекое путешествие». Для этого недалеко от дворца были демонстративно поставлены две повозки, запряженные почтовыми лошадьми, в сопровождении полицейских офицеров, одетых по-курьерски. «Если кто-то из любопытных осведомлялся: для кого назначены эти повозки? – они отвечали: «А для тех, кому прикажут ехать»[34]. Этот эпизод из административной практики Ростопчина весьма примечателен, поскольку в начале XIX в. образ почтовой повозки в сопровождении полицейских не потерял своей свежести и воскрешал в памяти современников недалекие времена Павла I.

Борьба с внутренней «крамолой» достигла летом 1812 г. небывалых размеров, способствуя консолидации жителей древней столицы в отпоре Наполеону. Полицейские методы борьбы с оппозицией, а также апелляция к широким социальным слоям – атрибуты правления Павла I – в полной мере проявились и в генерал-губернаторстве Ростопчина. Опыт немедленного и публичного наказания, введенный в свое время Павлом I[35], также

---

[34] Там же. С. 269

[35] Как известно, при Павле I телесным наказаниям стали подвергать наравне с прочими и дворян.

нашел свое применение в административной деятельности Ростопчина. Московский генерал-губернатор считал возможным и даже необходимым, ради сохранения порядка и спокойствия в первопрестольной столице, применять к их нарушителям самые решительные меры. Военная обстановка располагала к тому, что многие неординарные и жесткие меры московского генерал-губернатора были восприняты обществом и властью с пониманием и одобрением. Популярность Ростопчина летом 1812 г. в значительной степени объясняется созвучностью его методов управления с чрезвычайной ситуацией.

3.2. Административная практика московского генерал-губернатора летом 1812 г.

Краткому предвоенному периоду генерал-губернаторства Ростопчина в литературе почти не уделяется внимание. В «Записках о 1812 годе» упоминается лишь о нескольких его нововведениях, имевших целью удостоится расположения «старых сплетниц и ханжей» в ходе популистской кампании нового генерал-губернатора[36]. Между тем документальные свидетельства об администрировании Ростопчина в мирное время достаточно интересны. К примеру, 4 июня 1812 г. было издано несколько указов, которые регулировали различные стороны повседневной жизни горожан. Итак, новый генерал-губернатор был вынужден подтвердить запрет курить на улице. Главным аргументом Ростопчина в борьбе с уличными курильщиками выступала опасность пожара в Москве. «Несмотря на запрещение курить табак по улицам, множество людей ездят, ходят и сидят перед домами с раскуренными трубками. Так как цель сего запрещения есть предохранение целого города от пожара, то для сего, обнародовав еще раз запрещение, с ослушниками поступать строго»[37], – предписывал обер-полицмейстеру новый

---

[36] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 253.

[37] Цит. по: Маслов А. Забытый приказ графа Федора Ростопчина // Московский журнал. 1992. № 9. С. 14.

генерал-губернатор Москвы. По иронии судьбы спустя всего 3 месяца именно Ростопчин был объявлен главным виновником грандиозного московского пожара. Кроме запрета на курение, московский градоначальник сделал строгое предупреждение хозяевам собак, запрещая выпускать на улицу животных в ночное время. В свою очередь, мясникам не разрешалось провозить по городу свой товар в открытых телегах, так как это зрелище вызывает «отвращение в людях и страх в женщинах». Отдельным указом Ростопчин запрещал детям пускать на улице бумажных змеев, «от коих пугаются лошади и могут произойти несчастные следствия». Наконец, полицейским генерал-губернатор предписывал при любых обстоятельствах иметь «должное уважение к чинам, летам и званию каждого». «Без сего, – продолжал он, – они <т. е. полицейские. – *А.М.*> не произведут к самим себе в порядочных уважения, а в беспорядочных страха»[38].

С началом войны перед московским главнокомандующим встала сверхважная задача – сохранение порядка и спокойствия в Москве, которая, по справедливому замечанию Ф.Ф. Вигеля, «имела тогда сильное влияние на внутренние провинции» и «пример ее действовал на все государство»[39]. Нельзя было допустить даже малейших волнений в народе, которые могли стать мощным оружием Наполеона в борьбе против России. В секретном предписании звенигородскому предводителю дворянства от 20 июля 1812 г. московский главнокомандующий отмечал, что в сложившихся обстоятельствах необходимо приложить «всевозможное старание» для сохранения порядка и спокойствия в губернии. А потому необходимо раскрывать всевозможные «ложные слухи, вести и толкования, и все что заключает в себе вред и нарушение власти Правительства и презрение к оному», но самое главное, все, что касается обещания свободы и возможностей «до оной достигнуть». «Естли что либо откроется из проповедывающих оную <т. е. свободу. – *А.М.*> этого взять под караул тотчас, – писал Ростопчин, – и узнав естли возможно от кого первого слух сей произошел доносить мне...»[40] Предпринятые

---

[38] Там же. С. 14–15.

[39] Вигель Ф.Ф. Записки. С. 299.

меры предосторожности от возможных провокаций и случаев антиправительственной пропаганды оказались весьма результативными. В письмах к министру полиции А.Д. Балашову Ростопчин неоднократно подчеркивал, что «слово *вольность*, на коей Наполеон создал свой замысел завоевать Россию, совсем в пользу его не действует» и, что среди русских «проповедников свободы» нет, не считая «помешанных» и «пьяниц»[41].

Однако обеспечение в городе порядка было немыслимо без ограничения работы бесчисленных питейных заведений Москвы. Еще до своего назначения на генерал-губернаторский пост Ростопчин выступал сторонником учреждения в этой области строжайшего контроля. Факт процветания сферы питейных заведений, особенно в пору слабого управления Гудовича, вызывал у Ростопчина тревогу за нравственное состояние соотечественников[42]. По мнению Ростопчина, если срочно не предпринять должных мер, то через несколько лет не только купцы, ремесленники и крестьяне, но даже офицеры, «представят вместо громады верноподданных скопище пьяниц и воров»[43]. Этот лишенный оптимизма вывод Ростопчин изложил в специальном письме к императору, которое он отправил одновременно с отчетом о состоянии богоугодных заведений Москвы (1810 г.). Не без горького сожаления он отмечал тогда, что в Москве нет «ни одной лавочки, где бы не продавалось вино» и, что «сорок трактиров открыто днем и ночью»[44]. Трактиры Ростопчин на-

---

[40] ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 193. Л. 18.

[41] Письмо гр. Ф.В. Ростопчина к А.Д. Балашеву от 30-го июля 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников... С. 69. См. также письмо от 1-го августа (там же. С. 76).

[42] По-видимому, Ростопчин всегда являлся ревностным поборником трезвости. В 1803 г., накануне праздника Успения Богородицы (на который приходится окончание Успенского поста) он признался в письме к П.Д. Цицианову в том, что не очень рад предстоящему торжеству – «по неизбежному пьянству народа» (см.: Письма гр. Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову (1803–1806) // Девятнадцатый век. Кн. II. М., 1872. С. 22).

[43] См.: Письмо Ф.В. Ростопчина к императору Александру I от 12 апреля 1810 года // Русский архив. 1881. Кн. III. С. 217.

[44] Там же.

зывал настоящими «школами разврата», так как все в них «с мужика до офицера» находят «питье, игры и болезни»[45]. Ростопчин резонно полагал, что винные откупа, хотя и доставляют государственной казне «знатный доход», однако, убытки – людские и материальные (которые принесет и уже приносит Российской империи пьянство и бесконтрольная продажа вина) – не подлежат исчислению[46]. Поэтому, став главнокомандующим, Ростопчин «твердой рукой» взялся за исполнение уже существующих, но не действовавших при прежнем генерал-губернаторе правил «относительно гостиниц, трактиров и ресторанов»[47].

В афишках Ростопчин призывал жителей Москвы остерегаться праздношатающихся «пьяниц да дураков»[48] – главных разносчиков нелепых и вредных слухов. Московский главнокомандующий весьма настороженно относился к завсегдатаям питейных заведений. С тем, чтобы очистить Москву от бродяг и ничем не занятых людей («нищенствующих поутру, ворующих днем, буйствующих ночью»)[49], Ростопчин просил у министра полиции разрешения высылать их в формируемые князем Д.И. Лобановым-Ростовским полки. Он считал, что исчезновение подобного «сорта» людей станет «благодеянием» для Москвы[50]. Просьба Ростопчина была удовлетворена: ему было позволено отдавать в рекруты всех мещан и господских людей, «содержащихся в смирительном и рабочем Московских домах за пьянство и распутство», а «праздношатающихся» отставных офицеров и мелких чиновников зачислять нижними чинами в армию[51].

Летом 1812 г. московский главнокомандующий часто пользовался полученным от министра полиции разрешением зачислять

---

[45] Там же.

[46] Там же.

[47] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 261.

[48] Афиши 1812 года, или Дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 214.

[49] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу // Русский архив. 1892. Кн. II. С. 424.

[50] Там же.

[51] Письмо А.Д. Балашева к графу Ф.В. Ростопчину от 28-го июня 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников... С. 32.

за пьянство в военную службу. В «Журнале исходящим бумагам московского генерал-губернатора...» зафиксированы многочисленные факты строгого наказания уличенных в пьянстве и каких-либо иных «дерзких поступках». Так, 12 августа 1812 г. шефу московского гарнизонного полка генерал-лейтенанту Брозину Ростопчин приказал определить некоего почтальона Ведениктова в военную службу за учиненные им в пьяном виде «разные буйства», причем после приведения к присяге бывшему почтальону полагалось «пятьдесят палок перед разводом»[52]. За «беспорядки и буйства» Ростопчин предписывал строго — «в страх другим» — наказывать не только гражданские, но и военные чины[53].

Не меньше беспокойства вызывал у Ростопчина и факт пребывания в Москве иностранцев. Еще в 1806 г. в обращении к императору он просил выслать за границу проживавших в России французов за их «пагубное» влияние на умы русских подданных[54]. С началом Отечественной войны опасность, исходившая

---

[52] Журнал исходящим бумагам канцелярии московского генерал-губернатора графа Растопчина с июня по декабрь 1812 года. М., 1908. С. 81.

[53] Там же. С. 87.

[54] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу. С. 420. С тем, чтобы оказать определенное влияние на умы иностранцев, Ростопчин обратился к московским аббатам со следующими словами: «Император французов вступил в пределы России. Война началась. Зная образ мыслей ваших и должность священного звания, вами отправляемую, обращаюсь к вам, милостивые государи мои, прося покорно употребить убедительнейшее средство, по мере возможности, ко внушению иностранцам прихода вашего, чтобы они в поступках своих были благоразумнее и в разговорах своих ограничивали себя скромностью. Надеюсь, что им будет возможно, по крайней мере, в течение военного времени, почтить тот край, которого Государь являет им Отеческую защиту, а подданные Его Величества оказывают гостеприимство, где бедные находят изобилие, несчастные покров, и бродяги-странники свое счастье. Я в полной уверенности, что советы ваши подействуют на умы легкомысленные и развращенные, и что начальству не останется другого дела, как только пещись о сохранении общей тишины, вместо розысков, наказаний и употребления строгих мер к водворению порядка и успокоению народа, с давнего времени, особенно ныне, раздраженного против французов» (Объявление к аббатам двух католических церквей, находящихся в Москве от 26 июня 1812 года // Ростопчин Ф.В. Сочинения. СПб., 1853. С. 185–186).

от местных французов, многократно возросла. Потому, стремясь оградить московских жителей от действия пронаполеоновской пропаганды, Ростопчин инициировал кампанию по выявлению иностранных шпионов. И хотя предписание о строгом наблюдении за поведением проживавших в Москве иностранцев исходило «сверху»[55], все же размах, который приобрела эта кампания в Москве летом 1812 г., был непосредственной заслугой Ростопчина. Ростопчиным, по-видимому, двигало стремление сплотить соотечественников общей ненавистью к иностранцам. В итоге, инициированная им кампания была направлена не только на выявление и обезвреживание «изменников» из числа проживавших в Москве иностранцев, но и на консолидацию русских для отпора врагу.

По словам финляндского студента Э.Г. Эрстрема, жившего летом 1812 г. в Москве, «поиски и арест шпионов и лиц подозрительных» начались именно после чтения народом ростопчинских афиш[56]. В результате развернувшейся кампании бдительность московских обывателей в отношении иностранцев достигла в то время невиданных размеров. Как писал все тот же студент, «иноземцам весьма оказалось опасно даже выходить на улицу. Едва кто-либо услышит речь не русскую, либо обнаружит говорящего по-русски плохо, тотчас возникнет опасность, что такового сочтут французом». Ростопчин не без явного удовольствия писал в это время А.Д. Балашову: «Народ бодр и зол на французов. Вчера на немецком рынке прибили француза за то что он дурно говорит по русски»[57]. Чтобы избежать подозрений и неприятностей, иностранцы должны были говорить с русскими «дружелюбно и учтиво, на все, глядя их глазами»[58]. Последнего, как видно, и добивался от иностранцев Ростопчин. Летом

---

[55] Письмо С. Вязмитинова графу Ф.В. Ростопчину от 16 июля 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников... С. 55.

[56] Эстрем Э.Г. Для меня и моих друзей (дневники финляндского студента) // Наше наследие. 1991. № 5. С. 71.

[57] Письмо графа Ф.В. Ростопчина А.Д. Балашеву от 23 июля 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников.... С. 60.

[58] Эстрем Э.Г. Для меня и моих друзей (дневники финляндского студента). С. 71.

1812 г. возмущение народа путем распространения вредных слухов стало занятием крайне опасным. Призыв Ростопчина – «За хохол да на съезжую» всех кто станет «восхвалять» Наполеона («хоть пяти пядей будь во лбу»)[59], – оказался достаточно действенным. (Что касается «пяти пядей во лбу», то Ростопчин действительно предписывал наравне с прочими разносчиками «опасных идей» «брать под караул» дворян и доносить ему лично о подобных случаях[60].) Было достаточно малейшего неосторожного слова или подозрительного поведения для того, чтобы в лучшем случае оказаться на допросе у главнокомандующего, в худшем – подвергнуться народному самосуду. Последнего не избежали, к примеру, два немецких ремесленника, которые (незадолго до занятия Москвы французами) в споре с русским «менялой» «имели глупость сказать: «Полно торговаться! Через несколько дней мы у вас заберем эти деньги даром»[61]. Как писал Ростопчин, эти немцы «поплатились бы жизнью за свои неосторожные слова», если бы не вмешалась полиция и лично московский главнокомандующий[62].

Надо отметить, что на самом деле Ростопчина серьезно беспокоили подобные происшествия на улицах Москвы, поскольку они нарушали тот самый порядок, который всеми силами он стремился сохранить. А потому московская полиция получила специальное распоряжение строго пресекать уличные потасовки с иностранцами. Кроме того, Ростопчин и в письменных обращениях к народу указывал на недопустимость физической расправы над пойманными «шпионами». «И что за диковина ста человекам прибить костяного француза или в парике окуренного немца. Охота руки марать! И кто на это пускается, тот при случае за себя не постоит! Когда думаете, что шпион, ну, веди ко мне, а не бей и не делай нарекания русским; войски-то французские должно закопать, а не шушерам глаза подбивать»[63], – так «по-отечески» Ростопчин «бранил» московский люд за слишком бурные проявления ксенофобии. Примечательно,

---

[59] Афиши 1812 года... С. 212–213.

[60] ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 193. Л. 18 об.

[61] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 292.

[62] Там же.

[63] Афиши 1812 года... С. 216.

что, защищая иностранцев от проявлений народной ярости, Ростопчин вовсе не пытался уменьшить степень презрения и ненависти к проживавшим в Москве «единородцам» тех самых «галлов» и «двунадесяти языков», которые во главе с Наполеоном жгли и грабили Русь.

По мере приближения Наполеона к Москве меры по отношению к провинившимся иностранцам ужесточались. В конце августа 1812 г. московский главнокомандующий решился на высылку из Москвы более сорока французов[64]. Эта акция носила публичный характер: при большом стечении народа группа иностранцев была посажена в барку и отправлена водным путем в Нижний Новгород. Перед отправкой от имени московского главнокомандующего к ним обратились со следующим предупреждением: «...Войдите в барку и войдите в самих себя и не превратите ее в барку Харона. Прощайте, добрый путь!»[65] Ретроспективно Ростопчин «объяснял» эту меру желанием успокоить разъяренный против иностранцев народ[66]. В письме же к министру полиции Ростопчин откровеннее писал о цели предпринятой акции. По его признанию, публичная высылка из Москвы французов была осуществлена им «для удовольствия народа». При этом предпочтение было отдано водному пути как наиболее дешевому. («Сухим путем отправление в десять раз стоило бы дороже», – признавался Ростопчин[67].)

Кроме всего прочего, эта мера была непосредственно связана с планами московского главнокомандующего по очищению Москвы от неблагонадежных лиц. По просьбе Ростопчина полиция

---

[64] См.: Копия с дела о высылки в Нижний Новгород иностранцев // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 193. Л. 25–25 об. Количество высланных французов колеблется в разных источниках от 40 до 57. В написанных в конце жизни «Записках о 1812 г.» Ростопчин указывал цифру 43, а в письме к П.А. Толстому от 24 августа 1812 г. он писал о 57 французах (см.: Несколько писем графа Ф.В. Ростопчина к графу П.А. Толстому 1812 года // Заря. 1871. Кн. 8. С. 183).

[65] Цит. по: Кизеветтер А.А. 1812 г. Ф.В. Ростопчин // Кизеветтер А.А. Исторические отклики. М., 1915. С. 122.

[66] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 290.

[67] Письмо графа Ф.В. Ростопчина к А.Д. Балашеву от 18-го августа 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников... С. 102.

представила список именно тех иностранцев, которые «были замечены по своим неуместным речам и дурному поведению»[68]. В письме к А.Д. Балашову Ростопчин отзывался о высланных французах, что это «выборная каналья из каналий»[69]. А позднее он высказал даже мысль о том, что предпринятая им мера спасла высланным иностранцам жизнь, так как они, вероятно, последовали бы за армией Наполеона и погибли бы во время отступления[70].

Высылка из Москвы французов – факт широко известный в литературе. Причем в либеральной историографии он получил однозначно негативную оценку как наглядный пример самоуправства и жестокости московского главнокомандующего. А.А. Кизеветтер, к примеру, представил этот поступок исключительно низким и жестоким по отношению к «почтенным московским жителям»[71]. В действительности же, Ростопчин следовал особым постановлениям министерства полиции, одобренным императором. В губерниях разрешалось оставлять только тех иностранцев, за благонадежность которых отвечали губернаторы. Неблагонадежных следовало высылать за границу, за исключением тех, которые «своими разглашениями могли бы подать повод к невыгодным для России последствиям». Последние, согласно предписанию, отправлялись во внутренние губернии Российской империи[72].

Кампания Ростопчина по наведению порядка и сохранению спокойствия в Москве коснулась не только французов и прочих иностранцев, но и местных евреев. Так, в письме к министру полиции от 30 августа 1813 г. еврейский депутат З. Зундель сообщал, что по приказу московского губернского начальства уездный исправник Волкского уезда Московской губернии собрал в августе 1812 г. «евреев по кабакам онаго уезда находящихся» и вместе с семьями отправил в Москву. Там они содержались в

---

[68] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 290.

[69] Цит. по: Попов А.Н. Москва в 1812 году. С. 132.

[70] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 290.

[71] Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 121.

[72] См.: Богданович М. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Составлена по высочайшему повелению. Т. II. СПб., 1859. С. 258.

тюрьме вплоть до прихода в город французов[73], а накануне оставления Москвы были отправлены в Нижний Новгород с прочими арестантами[74]. В письме к министру полиции от 14 августа 1813 г. нижегородский губернатор отмечал, что арестанты были высланы в Нижний Новгород «по повелению покойного Главнокомандующего армиями, Генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова-Смоленского»[75], однако известно, что в августе 1812 г. безраздельным хозяином Москвы был Ростопчин: именно от него могла исходить инициатива заключения собранных «по кабакам» евреев в московскую тюрьму с последующей отправкой в Нижний Новгород.

Уже говорилось, что Ростопчин с особым беспокойством относился к процветанию в Московской губернии питейных заведений[76]. В военное же время деятельность этих заведений вызывала опасение не только за состояние народной нравственности, но и за государственную безопасность. А потому «преступление» отправленных в Нижний Новгород евреев заключалось не только в том, что они были евреями и «находились в России» (как писал об этом еврейский депутат З. Зундель[77]), а в факте содержания питейных заведений.

Во время войны Ростопчин считал возможным и необходимым ради сохранения спокойствия и порядка во вверенной ему

---

[73] ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

[74] Там же.

[75] Там же. Л. 3. Дело в том, что московские арестанты, отправленные Ростопчиным в Нижний Новгород, в первых числах сентября, как и вся Московская губерния, оказались в ведении М.И. Кутузова. Обращаясь 4 сентября 1812 г. с письмом к Кутузову, Ростопчин просил его принять на себя ответственность за бывших московских арестантов, находящихся на территории губернии подвластной главнокомандующему (см.: Журнал исходящим бумагам канцелярии московского генерал-губернатора графа Растопчин с июня по декабрь 1812 года. М., 1908. С. 520). Вероятно, по этой причине Кутузов и оказался формальным «виновником» высылки евреев в Нижний Новгород.

[76] Письмо Ф.В. Ростопчина к императору Александру I от 12 апреля 1810 года. С. 217.

[77] ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

губернии брать под надзор всех лиц, уличенных в антиправительственных настроениях и поступках[78]. Несомненно, владельцы кабаков вызывали у него подозрение. Впрочем, и сами евреи в представлениях Ростопчина, похоже, не отличались благонадежностью. Так, сообщая однажды о результатах инициированной им кампании по поиску «шпионов» и «изменников», Ростопчин с удовольствием писал Александру I о необыкновенной бдительности и осторожности местных крестьян: «Плуты крестьяне – лучшая в мире полиция. Они хватают все подозрительное, и сию минуту приведен ко мне жид, должно быть шпион»[79]. В представлениях московского главнокомандующего евреи точно так же, как и все иностранцы, выступали потенциальными изменниками.

Во время войны наполеоновская разведка активно пользовалась услугами агентов из числа проживавших в Москве иностранцев, в том числе, французов. В исследовании В.М. Безотосного[80], основанном на обширной документальной базе, приводятся многочисленные факты вербовки французской стороной проживавших в России иностранцев и направления в ее пределы агентов под видом учителей, купцов, портных, путешественников, монахов и т. д. Достаточно привести несколько примеров, чтобы показать, насколько далеки были настроения живших в России иностранцев от проявления верноподданнических чувств русскому императору. Так, московский дворянин Жан Мобургень, в течение 15 лет проживавший в Москве, состоял в штате московской полиции. В сентябре 1812 г. он остался в занятой французами Москве. В октябре месяце, получив крупное денежное вознаграждение, он был отправлен французской разведкой для сбора сведений в Петербург. Его напарником при выполнении задания стал другой иностранец – Григорий Молраш[81]. Еще несколько примеров. По заданию французской разведки учитель Адам Моретти приехал в Россию в 1810 г.,

---

[78] См., к примеру: ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 193. Л. 18–18 об.

[79] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу. С. 526.

[80] Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005.

[81] Безотосный В.М. Указ. соч. С. 182.

[82] Там же.

до 1812 г. он жил в Москве, обучая дворянских детей[82]. Огюст П. д'Орфланс, долгое время проживавший в Москве, в период пребывания в городе французов выполнял разведзадания командования Великой армии[83]. Другой «москвич» – коллежский регистратор Павел Лакруа – во время французской оккупации также был завербован наполеоновской разведкой[84].

В своих воспоминаниях М.А. Дмитриев свидетельствует о шпионской деятельности «всеми уважаемого» мсье Годефруа, владельца частного пансиона в Москве: «Годефруа был уже очень пожилых лет, седой и самой степенной и почтенной наружности. Его все уважали за его знания и основательность [в] поступках. Пансион его был самый лучший. Не знаю, по какому-то подозрению, впрочем, очень слабому, Ростопчин взял его под стражу, но не открывалось ничего, и готовы были его освободить. Но Годефруа требовал себе ватошной своей шинели, жалуясь на холод; между тем как было лето и дни жаркие. Это показалось подозрительным; распороли подкладку шинели и нашли там переписку, доказывающую, что он был агентом Наполеона» [85].

«Ловлей призраков», «созданных воображением гр. Ростопчина» С.П. Мельгунов назвал установленный генерал-губернатором полицейский надзор за действиями московских масонов[86]. При этом репрессивные меры, предпринятые московским главнокомандующим против масонов, объяснялись С.П. Мельгуновым исключительно корыстными мотивами и желанием расправиться с лично неугодными ему людьми[87]. Подобное мнение высказал в свое время и масон Д.П. Рунич[88].

---

[83] Там же. С. 185.

[84] Там же. С. 177.

[85] Осведомленность М.А. Дмитриева в этой истории объясняется его личным знакомством с Годефруа, в доме которого он неоднократно бывал (см.: Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 97).

[86] Мельгунов С.П. Ростопчин – Московский главнокомандующий // Отечественная война 1812 г. и русское общество. М., 1912. Т. IV. С. 40.

[87] Там же.

[88] Рунич Д.П. Записки // Русская старина. 1901. Т. 105. № 3. С. 599.

Вопреки мнению А.Н. Попова[89] и С.П. Мельгунова[90], масонофобия Ростопчина не происходила от влияния на него иезуитов, с которыми он якобы сблизился после перехода жены в католичество (в 1808 г.[91]). Если верить более поздним утверждениям Ростопчина, то он являлся противником масонства с начала павловского царствования[92]. Во всяком случае, еще в 1803 г. в письме к графу С.Р. Воронцову Ростопчин не без опасения отмечал факт беспрепятственного распространения в России масонства[93]. Спустя еще несколько лет (в 1807 г.) Д.П. Рунич, ставший в то время помощником московского почт-директора Ф.П. Ключарева и имевший таким образом доступ к проходившей через почтамт корреспонденции, сообщал А.Ф. Лабзину о том, что «Ф.В. Ростопчин написал на него <т. е. на А.Ф. Лабзина. – *А.М.*> жалобу императору, объявляя его книги иллюминатскими»[94].

Считая всех масонов «друзьями Бонапартьевыми» (слова П.И. Голенищева-Кутузова)[95], летом 1812 г. Ростопчин стремился удалить

---

[89] Мельгунов С.А. Указ. соч. С. 278.

[90] Там же. С. 40. С.П. Мельгунов, в частности, отмечал, что против масонов Ростопчина настраивали его друзья иезуиты. О тесных связях Ростопчина с иезуитами писал в свое время и А.Н. Пыпин, сомневаясь при этом в искренности его националистических убеждений (см.: Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. Изд. 4-е. СПб., 1908. С. 268, 277–278). В действительности отношение Ростопчина к иезуитам и переходу жены в католичество было сложнее. Собственно из-за смены веры Ростопчин лишил жену наследства, а также права опеки за их несовершеннолетним сыном. Тем самым он надеялся оградить своего младшего сына от католического влияния матери (см.: ОР РГБ. Ф. 41. К. 61. Д. 40. Л. 1–10; РГАЛИ. Ф. 2591. Оп. 1. Д. 368. Л. 1–2).

[91] По другим сведениям – в 1806 г.

[92] Записка о мартинистах представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1887. № 2. С. 76.

[93] Ростопчинские письма 1793–1814 гг. // Русский архив. 1887. № 2. С. 176.

[94] Цит. по: Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005. С. 54.

[95] Письма П.И. Голенищева-Кутузова к гр. А.К. Разумовскому // Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 392.

из Москвы наиболее видных и наиболее опасных из них. В переписке с Александром I он не раз подчеркивал, что «мартинисты суть скрытые враги» России, от письма к письму «раскрывая» их «якобинскую сущность» и «преступные планы»[96]. Главным образом московские масоны обвинялись в пронаполеоновской пропаганде и антиправительственных настроениях. Впоследствии Ростопчин писал, вспоминая то время: «Партия мартинистов, действовавшая тайно и настойчиво, посевала в умах фрондеров и трусов такую мысль, что император Александр есть причина тех опасностей, которым страна подверглась, что царствование его не могло быть иным, как несчастливым, и что надо бы поставить на его место брата его Константина». По мнению Ростопчина, все это означало – «прислуживаться Наполеону и губить государство, возбуждая революцию» в то время, когда всеми силами следовало поддерживать правительство и сохранять в государстве спокойствие[97].

(Среди «предателей» императора Ростопчин упомянул в своих воспоминаниях некоего Валуева[98]. Вероятнее всего, речь шла о Петре Степановиче Валуеве, сенаторе и начальнике кремлевской экспедиции, старом масоне, члене ложи Равенства с 1775 г.[99] По словам Ростопчина, Валуев в антиправительственных целях пытался уговорить великого князя Константина остаться в Москве во время недолгого визита в древнюю столицу летом 1812 г. После окончания войны именно П.С. Валуев – личный враг Ростопчина – возглавил против него мощную кампанию[100], закончившуюся не только отставкой последнего с генерал-губернаторского поста, но и его фактическим изгнанием из Москвы.)

Касаясь масонской тематики в письмах к Александру I, Ростопчин отмечал, что «все злые слухи, распространенные с целью попугать, встревожить, обвинить» императора, все это идет

---

[96] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу. С. 428.

[97] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 273.

[98] Там же.

[99] См.: Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 159–160.

[100] См.: Булгаков А.Я. Воспоминания о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федора Васильевича Ростопчина // Старина и новизна. 1904. Кн. 7. С. 101.

«от мартинистов и всех неистовее университет, состоящий из якобинцев профессоров и воспитанников»[101]. Следует заметить, что Московский университет, как и почтамт, действительно пользовался тогда славой заведения, в котором большую роль играют масоны[102]. Незадолго до начала войны Ростопчин высказывался о попечителе Московского университета П.И. Голенищеве-Кутузове, как о человеке «глупом», «низком», который, будучи «великим мартинистом», поучает юношество и «к несчастью» возглавляет университет[103]. По словам же самого П.И. Голенищева-Кутузова, Ростопчин (вернувшись в сожженную Москву) якобы заявил, что «ежели бы университет и уцелел, то бы он его сжег, ибо это гнездо якобинцев <...>, и он рад, что оно разрушено»[104]. Вполне возможно, что задолго до Д.П. Рунича и М.Л. Магницкого Ростопчин мог стать инициатором «разгрома» университета из-за засилья в его стенах «иллюминатов» и «якобинцев». В таком случае вступление Наполеона в Москву избавило политическую репутацию Ростопчина от еще одного клейма, на этот раз – «разрушителя Московского университета».

После вступления французов в Смоленск, считавшийся последней преградой на пути к Москве, Ростопчин нанес решительный удар по ненавистным ему московским масонам. Этот удар пришелся по пользовавшемуся большим авторитетом в масонских кругах московскому почт-директору Ф.П. Ключареву. 10 августа его кабинет вместе со всеми бумагами был опечатан, а сам он был выслан под надзор полиции в Воронеж.

Судьбу почт-директора во многом предрешила не вполне ясная роль, которую он играл в истории с Верещагиным[105]. В ходе

---

[101] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу. С. 21.

[102] См.: Щепкин Д. Профессоры-масоны в Московском университете (1826) // Русский архив. 1901. № 6. С. 300–304.

[103] Записка о мартинистах представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне. С. 80.

[104] Письма П.И. Голенищева-Кутузова к гр. А.К. Разумовскому. С. 392.

[105] Необходимо заметить, что, вынося 19 августа решение по делу Верещагина, сенат назвал действия московского почт-директора «при тогдашних обстоятельствах» «подозрительными» и предписал их «строжайше исследовать» (см.: Шереметевский П.В. Верещагин и Мешков. Уголовно-судебный эпизод из истории Москвы в 1812 году // ЧОИДР. 1866. Кн. IV. С. 245).

следствия была установлена связь государственного преступника со служащими почтамта и его директором, который обещал ему свое покровительство[106]. Но Верещагин был не единственным, кто своей деятельностью компрометировал почтамт и его начальника. В первых числах августа московской полицией был задержан поляк Ваклишинский. «Не быв пьяный, в трактире, после многих похвал Наполеону и уверений, что он 15-го августа будет в Москве», Ваклишинский «дерзнул» говорить об Александре I то, что московский генерал-губернатор «не посмел» даже повторить в письме к министру полиции. «Сей скаред», по сведениям Ростопчина, оказался связанным со служащими московского почтамта чиновником Костровым и личным секретарем Ключарева надворным советником Дружининым[107]. Последний помимо того, что был «доверенной особой» московского почт-директора, являлся, по определению Ростопчина, «злым мартинистом»[108].

Надворный советник Дружинин был замешан и в другом деле, имевшем антигосударственный характер. Летом 1812 г. он занимался рассылкой в различные города России особых «бюллетеней», манера изложения которых, по словам Ростопчина, «не соответствовала видам правительства»[109]. «Ополчение называлось в них насильственной рекрутчиной, Москва выставлялась унылой и впавшей в отчаяние; говорилось, что сопротивляться неприятелю есть безрассудство, потому что при гениальности Наполеона и при силах, какие он вел за собой, нужно божественное чудо для того, чтобы восторжествовать над ним, а что всякие человеческие попытки будут бесполезны»[110], – воспроизводил впоследствии Ростопчин. Автором этих «бюллетеней» Ростопчин считал самого Ключарева[111]. Современный

---

[106] Письмо гр. Ф.В. Ростопчина А.Д. Балашеву от 4 июля 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников... С. 37.

[107] Письмо гр. Ф.В. Ростопчина А.Д. Балашеву от 4 августа 1812 г. // Там же. С. 80.

[108] Там же.

[109] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 276.

[110] Там же.

[111] Письмо гр. Ф.В. Ростопчина А.Д. Балашеву от 4 августа 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников... С. 80.

исследователь русского масонства А.И. Серков высказал предположение, что автором «бюллетеней» (в которых «Ростопчин обоснованно усмотрел пораженческие настроения») был другой крупный масон, близкий Ключареву человек – Осип (Иосиф) Алексеевич Поздеев. Как заключил А.И. Серков, бюллетени по стилю и образу мыслей напоминают письма О.А. Поздеева, известного своими пораженческими настроениями в 1812 г.[112] За распространение по почте бюллетеней почтамтский служащий Дружинин был арестован и отправлен под надзор полиции в Петербург.

Вскоре после высылки Дружинина настала очередь Ключарева. Игнорирование почт-директором предписания, запрещавшего масонам проводить у себя дома ночные собрания, вынудило Ростопчина принять особые меры. «Новые ночные сборища» у Ключарева, в которых принимали участие такие известные масоны как Х.А. Чеботарев и П.И. Голенищев-Кутузов[113], стали поводом к его аресту и высылке под надзор полиции в Воронеж. Это, по мнению Ростопчина, было «единственным способом помешать осуществлению замыслов мартинистов, которые почти достигли возможности причинить беду России»[114].

Особое внимание московского главнокомандующего к почтамту объясняется репутацией, которой в то время пользовалось почтовое ведомство. Протоирей Георгий Флоровский писал о той эпохе, что «среди чиновников почтового ведомства редкий не был включен или хоть вписан в какую-нибудь ложу или отдел»[115]. Ростопчин, возглавлявший при Павле I почтовое ведомство, понимал исключительную важность подобного учреждения, деятельность которого между тем не всегда подконтрольна правительству из-за существования в нем собственной иерархии. Однако после высылки из Москвы Ключарева вопреки

---

[112] Серков А.И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 91.

[113] Там же. С. 90.

[114] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу. С. 446.

[115] Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 149.

желанию Ростопчина[116] почтамт перешел в руки другого масона – Д.П. Рунича, добивавшегося этого места, по крайней мере, с 1808 г.[117]

Репрессивная политика Ростопчина в отношении местных масонов была связана с его давней масонофобией, резко обострившейся в условиях войны 1812 г. В представлениях и риторике московского главнокомандующего так называемые «мартинисты» отождествлялись с «якобинцами» и «иллюминатами» – агентами Наполеона. Как видно, фобия Ростопчина подпитывалась и вполне реальными фактами (дело надворного советника Дружинина и дальнейшая дискредитация московского почтамта и его директора).

В целом, процесс консолидации московского населения летом 1812 г. проходил на фоне резкого размежевания жителей Москвы на «своих» и «чужих». В результате, среди внутренних врагов и изменников русского царя и Отечества фигурировали местные иностранцы, инородцы (евреи) и масоны. Причем «единственным русским, изменившим своему отечеству», Ростопчин называл купеческого сына Михаила Верещагина[118] – воспитанника иностранца-масона.

3.3. Дело Верещагина

В начале войны московской полицией были обнаружены, ходившие по рукам прокламации, содержание которых в тот момент не отвечало интересам русского правительства. Речь идет о печально известных сочинениях второй гильдии купца

---

[116] Ростопчин надеялся, что должность почт-директора займет князь Цицианов, который, по его мнению, не будет «приводить Россию в замешательство своими известиями и внушениями» (см.: Письмо гр. Ф.В. Ростопчина А.Д. Балашеву от 10 августа 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников... С. 90–91). Вероятно, речь идет о кн. М.Д. Цицианове, с которым Ростопчин был в дружеских отношениях. В 1813 г. М.Д. Цицианов возглавил комиссию по восстановлению Москвы.

[117] См.: Кондаков Ю.Е. Указ. соч. С. 55.

[118] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 313.

Михаила Верещагина – о так называемом «Письме Наполеона к прусскому королю» и о «Речи произнесенной Наполеоном к князьям Рейнского союза». Обе прокламации рисовали образ непревзойденной мощи и славы Наполеона, преумноженной покорностью побежденной Европы. «Уже берега Прегеля и Вислы покрыты орлами Франции. Мои народы! Мои союзники! Мои друзья! Думайте со мной одинаково. Я хочу и поражу древних тиранов Европы. Я держал свое слово и теперь говорю: прежде шести месяцев две северные столицы Европы будут видеть в стенах своих победителей Европы»[119]. Подобные обещания Наполеон якобы давал своим «венценосным друзьям» в Дрездене. Кроме идеи бессмысленности сопротивления «великой армии» Наполеона, прокламации Верещагина содержали в себе ряд антирусских выпадов. В «письме» упоминалось, к примеру, о «недостойном» союзе прусского короля с «потомками Чингизхана»[120]. В обращении Наполеона к князьям Рейнского союза русские именовались «варварами», презирающими его дружбу, а российский император – одним из «древних тиранов»[121].

В пользу того, что «письмо» и «речь» Наполеона были именно сочинены, а не переведены Верещагиным из никому неведомых немецких газет, кроме признания самого Верещагина[122], говорит ряд немаловажных аргументов. Во-первых, настораживает отсутствие конкретных данных о первоисточнике, с которого собственно и был сделан «перевод» обращений Наполеона. Никто из авторов, называющих Верещагина переводчиком воззваний французского императора, не указывает ни номер газеты, в которой они якобы были опубликованы, ни дату ее издания. А.А. Кизеветтер, утверждающий будто Ростопчин, конечно,

---

[119] ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 164. Л. 4. Автор выражает благодарность Аркадию Юрьевичу Минакову за любезно предоставленные им материалы дела № 164 («Донесение Московского Генерал-губернатора министру полиции о предании суду сына московского купца Верещагина Н.Г. за сочинение и распространение прокламаций от имени Наполеона. С приложением копий прокламаций»).

[120] Там же. Л. 4 а.

[121] Там же.

[122] Там же. Л. 1 а. См. также: Шереметевский П.В. Верещагин и Мешков. С. 236.

видел «Усть-Эльбские Ведомости», в которых была опубликована та самая речь Наполеона[123], вряд ли был знаком с печатным первоисточником. Как свидетельствовал Ключарев, через которого проходили все поступавшие в Москву газеты: «...Ни в выданных, ни в прочих газетах <т. е. запрещенных. – *А.М.*>, *ничего даже подобного не было* <курсив мой. – *А.М.*>»[124]. Проанализировав содержание так называемых воззваний Наполеона, Е.Н. Тарле в свое время отметил, что «Наполеон просто не мог говорить такой вздор (в Дрездене!), и не мог писать какой-то нелепый набор фраз прусскому королю». При этом он назвал сочинения Верещагина «странными» и «курьезно безграмотными», которые «никогда ничего общего с Наполеоном не имели»[125].

В течение считанных дней списки с сочинения Верещагина получили широкое распространение в первопрестольной столице[126]. Так, по свидетельству А.Д. Бестужева-Рюмина, многие чиновники вотчинного департамента, включая его, имели копии верещагинских прокламаций[127]. Е.В. Тарле обнаружил в архивных делах указание на то, что списки верещагинских сочинений попадали из Москвы в провинцию. Полицией Саратова, к примеру, было выявлено несколько таких списков, ходивших, главным образом, в купеческой среде[128]. Из этого ученый заключил, что Верещагин не только сочинил, но размножил и разослал свои прокламации[129]. Распространение копий за довольно краткий период времени (с 17 июня по 3 июля), прежде всего, в купеческой и мелкочиновничьей среде не исключает осуществления некоей целенаправленной акции.

В ходе начавшегося расследования были установлены некоторые сведения о личности автора прокламаций. Оказалось, что

---

[123] Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 117.

[124] См.: Письмо Ф.П. Ключарева Ф.В. Ростопчину от 29 июня 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников... С. 33.

[125] Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1992. С. 158.

[126] ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 164. Л. 1.

[127] Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий происшествий в столице Москве в 1812 году. С. 71.

[128] Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 158.

[129] Там же. С. 157.

домашним воспитателем и наставником юного Верещагина был некий Клейн, силезец по происхождению, являвшийся по данным Ростопчина, «франкмасоном» и «мартинистом», что подтверждали оставшиеся после его смерти бумаги и книги[130]. Надо заметить, что имя Алексея Яковлевича Клейна пользовалось немалой известностью в масонских кругах Москвы. Он был членом московской Провинциальной ложи, а в 1784 г. являлся ее секретарем[131]. По-видимому, Верещагин действительно с почтением относился к Франции и Наполеону, поскольку в его комнате во время обыска был обнаружен «портрет Императора Наполеона в богатой раме и книги с портретами французских генералов»[132]. Помимо этого выяснилось, что сочинитель «изменнических» прокламаций был знаком (и неплохо) с Ф.П. Ключаревым и его сыном. Во всяком случае А.Ф. Брокер, служивший в свое время на почтамте, был свидетелем того, что Верещагин довольно часто навещал в почтамте сына Ф.П. Ключарева[133]. Как известно, до и после ареста Верещагин не раз упоминал о том, что газету, из которой им якобы были сделаны переводы, он получил от Ключарева-младшего. Сам почт-директор, которому вопреки элементарным правилам следственного дела удалось наедине поговорить с арестованным Верещагиным, обещал «вступиться» за него[134].

Открывшаяся связь Верещагина с масонами и, в частности, с руководством московского почтамта, заметно обострила и без

---

[130] Письма графа Ф.В. Ростопчина императору Александру Павловичу. С. 428. В вещах Клейна, хранящихся в комнате Верещагина, была обнаружена рукописная тетрадь на немецком языке, содержащая некое запрещенное еще в царствование Екатерины II масонское сочинение (ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 164. Л. 1 а).

[131] См.: Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг. С. 957.

[132] ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 164. Л. 1 а.

[133] Брокер А.Ф. Записки // Русский архив. 1868. Стб. 1430.

[134] Шереметевский П.В. Верещагин и Мешков. С. 244. В донесении А.Д. Балашову Ростопчин давал следующую характеристику сочинителю прокламаций: «Молодой Верещагин 23 лет с новым просвещением, обращался всегда в обществе распутных людей по большей части иностранцев и в трактирах взрастил семя злодейства в душе его посеянного. Трудно сыскать человека в его летах столь нечувствительного, непокорного и затверделого в пороке» (см.: ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 164. Л. 1 а.).

того сложное дело. Во время следствия Верещагин указал, что газету, в которой якобы были опубликованы «речь» и «письмо» Наполеона, он получил на почтамте от одного чиновника. С тем, чтобы установить личность этого чиновника Верещагин в сопровождении полицмейстера Е.А. Дурасова был отправлен на почтамт[135]. Но полковника Е.А. Дурасова служащие почтамта не допустили в комнату, в которую Ключарев увел арестованного Верещагина. Личный секретарь Ключарева, надворный советник Дружинин заявил тогда удивленному полицейскому, что в почтамте ничего «без особливого повеления господина почтдиректора не исполняется»[136], и дал понять представителю власти, что его права в этом учреждении ограничены. Нет сомнения, что эта неподконтрольность почтамта и его директора московскому главнокомандующему, лишь подогрело желание Ростопчина удалить Ключарева из Москвы.

С самого начала Ростопчин весьма подробно информировал императора и министра полиции А.Д. Балашова о ходе следствия по делу Верещагина. В переписке с ними московский главнокомандующий делился своими соображениями относительно мер, которые следовало бы предпринять в деле Верещагина, чтобы предотвратить повторения подобных инцидентов в будущем. Он полагал, что необходимо «как можно скорее исполнить приговор, в виду важности преступления, ненадежности простого народа и сомнений публики»[137]. По его мнению, «достойное наказание» «за тяжкое преступление прекратит волнение и толки и обнаружа явно сочинителя отнимет все действие и силу у его сочинения»[138], а проявление милосердия по отношению к государственному преступнику губительно для всего государства. Мягкий приговор в подобных случаях может расцениваться как проявление слабости правительства и привести, таким образом, государя и страну к «верной гибели»[139]. Немедленное

---

[135] ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 164. Л. 1 а.

[136] Шереметевский П.В. Верещагин и Мешков. С. 244.

[137] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу. С. 431.

[138] ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 164. Л. 2.

[139] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу. С. 431.

же наказание Верещагина заставило бы многих держать себя тихо[140].

Несмотря на желание Ростопчина как можно скорее исполнить приговор («наказать кнутом и сослать вечно в Нерчинск»[141]), дело Верещагина и Мешкова (переписчика верещагинских прокламаций) несколько затянулось в различных инстанциях судопроизводства. К 17 июля стал известен приговор магистрата. Совместно с членами надворного суда он постановил: «купеческого сына Верещагина, употребившего приобретенное науками знание к зловредному против отечества своего рассеянию от державы, неприязнующей Российской империи, лжесоставного им сочинения, за таковое злостное содействие, как государственного изменника, следовало бы казнить смертию; за отменением оной, заклепать в кандалы, сослать вечно в каторжную работу в Нерчинск, а сочинение истребить»[142]. Уголовная палата подтвердила решение магистрата. Согласно с этим решением правительствующий сенат 19 августа постановил: за измену отечеству, Верещагина («за отменою смертной казни, каковой бы он подлежал»), наказать кнутом и ссылкой в Нерчинск[143].

Следует подчеркнуть, что Верещагина судили как сочинителя прокламаций и, следовательно, как государственного преступника. И Кизеветтер считал, что «сочинение речи, исполненной вражды к России, в целях ее распространения, было бы в тот момент <т. е. в начале войны. – *А.М.*> действительно тяжким, государственном преступлением»[144]. Другое дело, что он отрицал авторство Верещагина, используя при этом совершенно несостоятельные аргументы. На самом деле вся версия о «переводах» Верещагина, сделанных им из немецких газет, основывается на крайне противоречивых показаниях самого Верещагина, которые он, как известно, неоднократно менял, сознавшись, в конце концов, в сочинении «изменнических» прокламаций. Не существуй этой версии, совершенно недвусмысленно звучали бы

---

[140] Там же.

[141] Шереметевский П.В. Верещагин и Мешков. С. 243.

[142] Там же. С. 242.

[143] Там же. С. 244–245.

[144] Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 116.

распространенные в историографии характеристики: «невинный Верещагин»[145] или «безвредный молодой человек»[146].

3.4. Пропагандистская кампания в Москве 1812 г. и ее результаты

Энергичные действия Ростопчина по искоренению «внутренней крамолы» сопровождались мощной пропагандой среди москвичей. Наблюдавший летом 1812 г. за жизнью Москвы финляндский студент Эрстрем писал о невероятном, неслыханном, доходящем «до умопомрачения» патриотизме народа, всячески подогреваемом Ростопчиным[147]. Заметки финляндского студента достаточно точно отражают ту наэлектризованную атмосферу, которая царила в первопрестольной столице накануне вступления Наполеона.

Чтобы поднять народный дух и противодействовать наполеоновской пропаганде, московский главнокомандующий пользовался услугами своих агентов, распространявших в городе «полезные» слухи. Так, вскоре после заключения мира с Портой Оттоманской (непосредственно перед началом Отечественной войны) с помощью агентов московский генерал-губернатор «подпустил» в народе мысль, что «турки с нами будут и обязались платить дань головами французскими»[148]. Как считал Ростопчин, это должно было успокоить и ободрить московский люд.

«Русский Бог велик! Да где ему с нами, мы все готовы! Ведь Александр Павлович за себя, да за нас идет на войну – вот что все говорят»[149], – в подобных выражениях передавал министру

---

[145] Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 44.

[146] Мартин А. Ф.В. Ростопчин – герой 1812 года или предшественник черных сотен // Консерватизм: идеи и люди. Пермь, 1998. С. 77.

[147] Эрстрем Э.Г. Для меня и моих друзей. С. 72.

[148] Письмо гр. Ф.В. Ростопчина А.Д. Балашеву от 11 июня 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников... С. 10.

[149] Письмо гр. Ф.В. Ростопчина А.Д. Балашеву от 20 июня 1812 г. // Там же. С. 12.

полиции Ростопчин мнение народа о начавшейся войне с Наполеоном. Очевидно, эта словесная формула была составлена самим Ростопчиным. Вложив ее в уста московских обывателей, он стремился продемонстрировать правительству верноподданнические настроения русского народа и его патриотическое единение перед лицом врага.

Однако главным средством патриотической пропаганды, которым пользовался московский генерал-губернатор в 1812 г., стало издание знаменитых афишек. Цель издания особых афиш, или как их еще называли: «Дружеских посланий от главнокомандующего в Москве к ее жителям», сам Ростопчин объяснял впоследствии необходимостью действовать «на умы народа, возбуждать в нем негодование и подготовлять его ко всем жертвам для спасения отечества»[150]. Для того времени это явление было новым и необычным. Изначально Ростопчин заботился не только о повсеместном распространении афиш в округе[151], но и о доступности их содержания широким массам простого народа. Именно благодаря «деревенскому» и «сказочному» стилю (как весьма презрительно охарактеризовал язык ростопчинских афиш М.М. Маракуев[152]), афиши Ростопчина приобрели в народе необыкновенную популярность. «Сии прокламации народ повсюду читает с большим интересом, – писал о ростопчинских афишах Эрстрем, – и впечатление они производят большое. После прочтения прокламации обычно крестятся и горячо, с великим патриотизмом говорят о защите Москвы»[153]. Призывы и побуждения московского главнокомандующего находили в народе горячий отклик. Будь то призыв Ростопчина ловить и вести к нему всех агитирующих в пользу Наполеона или не менее известное воззвание к жителям Москвы собираться для защиты города на Трех горах – все это встречало со стороны москвичей рвение,

---

[150] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 265.

[151] Послания московского главнокомандующего, печатавшиеся большим тиражом, разносились по домам, расклеивались и раздавались на улицах Москвы, где их нередко читали вслух, обсуждая последние новости.

[152] Маракуев М.М. Записки // 1812 год в воспоминаниях, переписки и рассказах современников. М., 2001. С. 36.

[153] Эрстрем Э.Г. Для меня и моих друзей. С. 71.

порой неожиданное для самого московского главнокомандующего. Впоследствии Ростопчина даже обвинили в том, что его обещанию, будто «злодей в Москве не будет»[154], многие верили до самого последнего момента, за что и поплатились. Непосредственный свидетель тех событий вспоминал, что тогда «никому и в голову не приходило», будто Москва может быть сдана без кровопролитной битвы – особенно, как он подчеркивал, «после мистификаций ростопчинских афиш»[155]. Такова была сила воздействия печатного слова московского главнокомандующего. Во всяком случае утверждения, согласно которым ростопчинские афиши «ни малейшего впечатления <...> на народ не производили»[156], далеки от истины.

Первая афиша Ростопчина, написанная в стиле «Мыслей вслух на Красном крыльце» и имевшая огромный успех у москвичей, представляла собой рассуждения московского мещанина Карнюшки Чихирина о перспективах похода Наполеона в Россию. Возмутившись безрассудством Бонапарта, собравшегося идти на Москву, Карнюшка Чихирин обратился к императору французов со следующей преисполненной патриотического задора речью: «Карл-то шведский пожилистей тебя был, да и чистой царской крови, да уходился под Полтавой, ушел без возврату. Да и при тебе будущих-то мало будет. Побойчей французов твоих были поляки, татары и шведы, да и тех старики наши так откачали, что и по сю пору круг Москвы курганы, как грибы, а под грибами-то их кости. Ну, и твоей силе быть в могиле. Да знаешь ли, что такое наша матушка Москва? – продолжал Чихирин. – Вить это не город, а царство. У тебя дома-то слепой да хромой, старухи да ребятишки остались, а на немцах не выедешь; они тебя с маху сами оседлают. А на Руси што, знаешь ли ты, забубенная голова? Выведено 600 000, да забритых 300 000, да старых рекрутов 200 000. А все молодцы: одному Богу веруют, одному царю служат, одним крестом молятся, все

---

[154] Афиши 1812 года... С. 214.

[155] Харузин Е.А. Мелкие эпизоды из виденного и слышанного мною и из моих детских воспоминаний, пережитых мною в годину двенадцатого года, при занятии французами Москвы. 1872 г. // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 164.

[156] Тарле Е.В. Указ. соч. С. 156.

братья родные. Да коли понадобится, скажи нам батюшка Александр Павлович: «Сила Христианская выходи!» – и высыпет бессчетная, и свету Божьего не увидишь!» Карнюшка Чихирин предупреждал идущего на Москву Наполеона: «...Не наступай, не начинай, а направо кругом домой ступай и знай из роду в род, каков русский народ!»[157] Простонародная русская речь московского мещанина утверждала бессмысленность борьбы с народом, сила которого в верности национальной идее («А все молодцы: одному Богу веруют, одному царю служат, одним крестом молятся, все братья родные»[158]). (Примечательно, что даже характерные для русского культурного сознания той эпохи ассоциации событий Отечественной войны с апокалипсическим сюжетом, когда на Наполеона смотрели как на Антихриста[159], в ростопчинской афише приобрели откровенно ироничный оттенок: «Полно демоном-то наряжаться: молитву сотворим, так до петухов сгинешь!»[160] – обращался к императору французов Карнюшка Чихирин.)

Если в народной среде, к которой, прежде всего, и апеллировал Ростопчин, афиши принимались в основном с сочувствием и одобрением (о чем свидетельствуют вспоминания современников[161]), то в высших кругах московского общества часто звучала критика и порой весьма резкая по отношению к стилю и содержанию посланий главнокомандующего Москвы. Так, некоторым современникам язык посланий Ростопчина казался «площадным» и «пошлым»[162]. Даже его другу и родственнику – Н.М. Карамзину – не нравились, по словам П.А. Вяземского,

---

[157] Афиши 1812 года... С. 209–210.

[158] Там же. С. 210.

[159] См.: Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб., 1999. С. 83.

[160] Афиши 1812 года... С. 209.

[161] См., к примеру, воспоминания Э.Г. Эрстрема, кн. П.А. Вяземского (Эстрем Э.Г. Для меня и моих друзей // Наше наследие. 1991. № 5. С. 71; Вяземский П.А. Характеристические заметки и воспоминания о гр. Ростопчине // Русский архив. 1877. № 5. С. 72).

[162] См.: Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году. С. 77; Рунич Д.П. Записки // Русская старина. 1901. № 3. С. 600–601; Из писем Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1912. № 6. С. 46.

«ни слог, ни некоторые приемы этих летучих листков». Под предлогом того, что Ростопчину, обремененному делами первой важности, нет времени заниматься еще сочинениями, Карамзин предлагал писать афиши вместо него. Однако Ростопчин отклонил это предложение. «Нечего и говорить, – давал оценку афишам П.А. Вяземский, – что под пером Карамзина эти листки, эти беседы с народом были бы более сдержаннее, и вообще имели бы более правительственного достоинства. Но зато лишились бы этой электрической, скажу, грубой, воспламенительной силы, которая в это время именно возбуждала и потрясала народ»[163].

Кроме того, П.А. Вяземский усмотрел в издаваемых Ростопчиным афишах «выходки», по его выражению, «далеко не консервативные»[164]. Его смущал предельно доверительный стиль общения московского главнокомандующего с народом: «влечение Ростопчина к черни», о котором писал Вяземский, было несовместимо по его представлениям, с консервативной репутацией графа[165]. Стереотип, в соответствии с которым консервативная идеология ограничивается рамками исключительно дворянских интересов, до сих пор преобладает в сознании значительной части исследователей. Между тем в своей деятельности Ростопчин нередко поднимал вопрос об общенациональных интересах, лежащих во внесословной плоскости. Интересно в связи с этим замечание А. Мартина, в соответствии с которым Ростопчин своими идеями «собирал приблизительно такую коалицию общественных сил, как черносотенные и фашистские движения XX века»[166]. Как впоследствии и фашисты, Ростопчин, по словам А. Мартина, взывал к средним слоям общества, которые отличались социальной воинственностью и культурным консерватизмом и составляли основную часть читателей его афиш. Наконец, именно они были наиболее восприимчивыми

---

[163] Вяземский П.А. Воспоминания о 1812 годе // Русский архив. 1869. № 1. С. 185.

[164] Вяземский П.А. Характеристические заметки и воспоминания о гр. Ростопчине. С. 72.

[165] Там же.

[166] Мартин А. Ф.В. Ростопчин – герой 1812 года или предшественник черных сотен. С. 74.

к демагогической ксенофобии Ростопчина, к его теориям о масонском заговоре. «Но в отличие от Гитлера или Муссолини, – продолжал А. Мартин, – он никогда не был заинтересован в вооружении и мобилизации масс, опасаясь революционной энергии и движения, которое могло при этом развиться»[167]. Однако крестьяне, которых Мартин оставил «за скобками», были не менее восприимчивы к «демагогической ксенофобии Ростопчина», нежели другие слои московского населения. «Плуты крестьяне – лучшая в мире полиция»[168], – писал Александру I Ростопчин, указывая на свою мощную опору в борьбе с «изменниками» России. Кроме того, из-под пера московского главнокомандующего вышло несколько афиш, обращенных исключительно к местным крестьянам, в которых автор призывал их встать на защиту «храма Божьего, Престола Государева и родного царства Рускаго»[169].

Практика непосредственного обращения к народу, вызвавшая критику со стороны П.А. Вяземского, в действительности не противоречила консервативным взглядам Ростопчина. Содержание и цели, которые он преследовал, основывались на принципах русского консерватизма. Залог победы над Наполеоном (как это следует из содержания афиш) Ростопчин видел в традиционных русских началах: неизменном уповании православного народа на Бога, верности государю и самоотверженной любви к Отечеству. (Подавая пример, в одной из афиш Ростопчин писал о себе следующие: «...Я верный слуга царский, русский барин и православный христианин»[170].) Ростопчин объяснял народу превосходство русской армии над французской тем, что «наши войска – русские; единого закона, единого царя, защищают церковь Божию, домы, детей и погосты», тогда как представители «великой армии» «дерутся за хлеб» и «умирают

---

[167] Martin A. The Napoleonic Wars and the Origins of Conservative Politics in Russia and Spain // Эволюция консерватизма: Европейская традиция и русский опыт: Материалы международной научной конференции. Самара, 26–29 апреля 2002 года. Самара, 2002. P. 15.

[168] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу. С. 526.

[169] РГАДА. Д. 345. Оп. 1. Д. 20. Л. 5 об.

[170] Афиши 1812 года... С. 213.

на разбое»[171]. В другой афише московский главнокомандующий призывал народ «иметь послушание, усердие и веру к словам начальников» своих, как непременное условие для скорейшей победы над врагом[172]. Нужно подчеркнуть, что послушанию народа к начальникам, которые также, в свою очередь, служат царю и Отечеству, Ростопчин отводил ведущую роль в успешной борьбе с Наполеоном. «Почитайте начальников и помещиков, – призывал он московских крестьян, – они ваши защитники, помощники, готовы вас одеть, обуть, кормить и поить», а Наполеон, несмотря на все свои обещания, «отымет у вас последнюю кроху»[173]. Таким образом, в обращениях московского главнокомандующего к народу складывалось традиционное представление о межсословных взаимоотношениях, когда народ, преданный своим начальникам, взамен приобретал отеческую заботу о своих нуждах. Надо напомнить, что Ростопчина серьезно беспокоила тогда возможность содействия русских крестьян Наполеону в обмен на обещанную им свободу. В связи с этим он предупреждал, что если кто «злодея послушается и к французу приклонится, тот недостойный сын отеческой, отступник закона Божия, преступник государя своего, отдает себя на суд и поругание; а душе его быть в аду с злодеями и гореть в огне...»[174] Одним словом, Ростопчин обещал адские муки всякому пособнику Наполеона в России. Впрочем, уже в ходе войны он с удовольствием должен был признать, что расчеты Наполеона вызвать в России народный бунт оказались бесплодными. Годы спустя он писал, что русский человек в 1812 г., забывая, что он раб, «приходил в негодование, когда ему угрожали цепями, которые готовил чужеземец, и предпочитал смерть позору быть побежденным»[175].

Своим призывом к народу вооружаться, «кто чем может»[176] и валить французов «живых и мертвых в могилу глубокую»[177]

---

[171] Там же. С. 216.
[172] Там же. С. 212.
[173] Там же. С. 219.
[174] Там же. С. 220.
[175] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 270.
[176] Афиши 1812 года... С. 218.
[177] Там же. С. 220.

московский главнокомандующий одним из первых провозгласил начало партизанской войны[178]. Весьма примечательно, что подобное обращение к народу Ростопчин предпринял впервые не в конце августа – сентябре 1812 г., когда Наполеон стоял у стен Москвы (что следует из содержания неоднократно издававшихся афиш[179]), а сразу после взятия Смоленска. Еще 12 августа Ростопчин призывал крестьян Московской губернии подняться на борьбу с врагом: «Готовьтесь с чем бы ни было: с косой, серпом, топором, дубиной и рогатиною! ... Неситеся!... поражайте злодея козненного!... Пса гладного! ... дерзнувшего потоптать ваши нивы, пожрать ваш хлеб...»[180] Изданием афиш московский главнокомандующий стремился настроить народ на бескомпромиссную борьбу с Наполеоном, внушить уверенность в силе русского духа и непобедимости русского оружия. Во избежание отчаяния и паники многие события изображались Ростопчиным в наиболее выгодном для русской стороны свете. Он признавался в том, что, печатая известия из армии, он старался прибавить в них от себя «все то, что может успокоить умы»[181].

В многочисленных письмах московского главнокомандующего к императору этого периода прослеживаются, по сути, те же мысли и идеи, которые он старался внушить москвичам посредствам своих афиш. Так же, как и жителей Москвы, Ростопчин уверил Александра I в том, что в первопрестольной столице все спокойно и что она может служить образцом «верности и повиновения»[182] и, несмотря на неуклонное продвижение «великой армии» Наполеона вглубь страны, «все идет хорошо и кончится еще лучше»[183].

---

[178] Вероятно, самым первым из русских военачальников, призвавших широкие массы населения к партизанской войне, был все же М.Б. Барклай де Толли (см.: Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 14).

[179] Речь идет об афишах Ростопчина от 30 августа и 20 сентября 1812 г. См.: Афиши 1812 года... С. 218, 220.

[180] РГАДА. Д. 345. Оп. 1. Д. 20. Л. 5 об.

[181] Письмо гр. Ф.В. Ростопчина к А.Д. Балашеву от 18-го августа 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников... С. 103.

[182] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу. С. 446.

[183] Там же. С. 438.

За день до начала войны (не исключая неудачного поворота событий) Ростопчин призывал императора к борьбе с врагом до последней капли крови. Обосновывая неизбежность в конечном счете победы (как чуть позже это делал Карнюшка Чихирин), Ростопчин писал Александру I следующее: «Ваша империя имеет двух могущественных защитников в ея обширности и климате. Шестнадцать миллионов исповедуют одну веру, говорят на одном языке, их не коснулась бритва, и борода будет оплотом России. Кровь, пролитая солдатами породит им на смену героев, и даже если бы несчастные обстоятельства вынудили Вас решиться на отступление перед победоносным врагом, и в этом случае император России всегда будет грозен в Москве, страшен в Казани и непобедим в Тобольске»[184]. (Возможно, мысль Ростопчина о том, что русский император в случае военных успехов Наполеона должен будет отступить к восточным рубежам страны, но не идти на компромисс с врагом, отозвалась несколько позже в словах самого Александра I. В сентябре 1812 г. после вступления французов в Москву, испытывая на себе сильнейшее давление сторонников мира, Александр I сказал как-то своему флигель-адъютанту А.Ф. Мишо: «Я отращу себе бороду <...> и буду есть картофель с последним из моих крестьян в глубине Сибири скорее, чем подпишу стыд моего отечества». А в разговоре с Ж. де Местром в тот же период император выразил готовность отступить на Камчатку, нежели идти на мир с Наполеоном[185].

Небывалый подъем патриотизма и пример самопожертвования продемонстрировала древняя столица во время ее посещения Александром I в июле 1812 г. Организаторский талант Ростопчина, не допустившего нарушения сценария этого важного патриотического мероприятия, и электризующее воздействие манифеста А.С. Шишкова[186] способствовали тому, что в результате

---

[184] Переписка императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным. 1812–1814 гг. // Русская старина 1893. Т. 77. № 1. С. 179.

[185] Цит. по: Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 212.

[186] «Неприятель вступил в пределы наши, – говорилось в манифесте от 6-го июля, – и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясти спокойствие великой сей державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ея и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью на устах несет он

(продолжение на сл. странице)

единого патриотического порыва собравшихся в Слободском дворце император получил на нужды войны почти 2,5 млн. рублей и 32 тыс. человек ополчения. Глубоко тронутый щедростью Москвы, Александр I выразил свою благодарность Ростопчину. Он упомянул о счастливой мысли посетить Москву и выбрать в свое время для нее такого начальника[187]. Ни до, ни после этого момента Ростопчину не приходилось слышать от Александра I подобной похвалы и, одновременно, испытывать к себе расположение императора, которое удивляло тогда даже признанных фаворитов его величества. А.А. Аракчеев, поздравляя Ростопчина с получением высшего знака благоволения – поцелуя от императора, заметил, что он, находившийся возле Александра I с начала его царствования, «никогда этого не получал»[188].

Тогда же Ростопчин был назначен председателем двух комитетов по организации московского ополчения, а чуть позже – начальником над всем ополчением шести смежных с Москвой губерний. Последнее назначение было довольно обременительным для него. Он должен был поддерживать постоянную связь с гражданскими губернаторами подведомственных губерний, руководить обучением и перемещением ополченцев. Результатом его деятельности стала готовность ополчения шести смежных с Москвой губерний к началу августа 1812 г.

Еще одним следствием посещения Москвы Александром I в июле месяце 1812 г. явилось возобновление сотрудничества между

вечные для ней цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем ему в преграду войска наши, кипящие мужеством попрать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленным, согнать с лица земли нашей. Мы возлагаем на силу и крепость их твердую надежду; но не можем и не должны скрывать от верных подданных наших, что собранные им разнодержавные силы велики, и что отважность его требует неусыпного против него бодрствования. Сего ради, при всей твердой надежде на храброе наше воинство, полагаем мы за необходимо нужное собрать внутри государства новые силы, которыя, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех» (цит. по: Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного Союза: В 5 т. Рига, 1886. Т. I. С. 156).

[187] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 271–272.

[188] Там же. С. 272.

московским главнокомандующим и издателем «Русского вестника». Во время своего приезда в Москву император пожаловал С.Н. Глинку кавалером ордена св. Владимира четвертой степени и передал через Ростопчина 300 тысяч рублей «на патриотические издания»[189].

С декабря 1809 г., по свидетельству Глинки, они находились с Ростопчиным в личной размолвке. Но после отъезда государя московский главнокомандующий сам предложил Глинке забыть прошедшее и немедленно приступить к работе, ибо речь теперь шла «о судьбе Отечества»[190]. С этих пор Глинка должен был выполнять его особые поручения, то есть «оживлять души добрых граждан, успокаивать их умы и внушать им меры осторожности»[191]. В сущности, все поручения Ростопчина издателю «Русского вестника» имели ту же цель, что и публикация его собственных афиш. По этой причине В.К. Надлер даже назвал Глинку одним из агентов Ростопчина, которым он пользовался для возбуждения народа против Наполеона[192]. Как впоследствии вспоминал Глинка, в военные месяцы 1812 г. он практически ежедневно встречался с Ростопчиным и выполнял его тайные и опасные поручения[193].

Покидая древнюю столицу, Александр I оказал ее генерал-губернатору свое полное доверие. На просьбу Ростопчина дать ему точные инструкции относительно его действий в тех или иных обстоятельствах император ответил следующим образом: «Предоставляю вам полное право делать то, что сочтете нужным. Кто может предвидеть события? И я совершенно полагаюсь на вас»[194]. Наделенный всей полнотой власти и ответственности, Ростопчин (по собственному признанию) после отъезда императора оказался в самом критическом положении, как покинутый на произвол судьбы импровизатор, которому задали тему «Наполеон и Москва»[195].

---

[189] Русский биографический словарь: Романова – Рясовский. С. 268.

[190] Глинка С.Н. Из «Записок о 1812 годе». С. 401.

[191] Там же. С. 402.

[192] Надлер В.К. Александр I и идея Священного Союза. Т. I. С. 142.

[193] См.: Минаков А.Ю. Роль событий 1812 г. в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе: Сборник научных работ. Воронеж, 2005. С. 17.

[194] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 277.

[195] Там же. С. 278.

Примечательно, что перемену, произошедшую в характере власти московского главнокомандующего после посещения Москвы императором, отмечали даже люди, далекие от Ростопчина. К примеру, А. Домерг – один из высланных Ростопчиным в Нижний Новгород французов – писал в своих воспоминаниях о том, что московский генерал-губернатор приобрел неограниченную власть именно вследствие посещения Москвы императором и что прежде он такой властью не обладал[196]. Диктаторские полномочия, которыми в чрезвычайных условиях войны был наделен Ростопчин, дали ему возможность применять самые «крутые» меры ради спасения Отечества. Важно то, что эту решимость и силу московского главнокомандующего в августе 1812 г. видели и чувствовали в древней столице многие. Тот же А. Домерг был уверен, что Ростопчин «не отступит перед самыми отчаянными средствами», чтобы только «вырвать» у Наполеона победу над Москвой[197]. Он подчеркивал также, что об этой решимости московского генерал-губернатора знали в городе все[198].

По мере неуклонного приближения наполеоновской армии к Москве Ростопчин счел необходимым применять к нарушителям спокойствия самые решительные меры. При этом наказание носило чаще всего пропагандистский характер. Так, в начале августа Ростопчин сообщал, что ради сохранения порядка в столице он вынужден начать *сечь* французов[199]. В конце августа он отмечал, что «иностранцы совсем не умолкают» и что один из них (француз Мутон) «громко проповедовал бунт, предсказывая все, что сделает здесь Бонапарт и ругал Государя». Ссылаясь на чрезвычайность обстоятельств и озлобление народа, Ростопчин обещал вскоре *повесить* этого иностранца на Конной «за возмущение»[200]. Он полагал, что публичная казнь приведет к тому, что многие станут вести себя благоразумнее.

---

[196] Домерг А. Воспоминания о России // Исторический вестник. 1881. № 7. С. 601–602.

[197] Там же. С. 602.

[198] Там же.

[199] Отечественная война 1812 года. Отдел I. Переписка правительственных лиц и учреждений. Т. XVI. Боевые действия в 1812 г. (Август месяц.) СПб., 1911. С. 23.

[200] Цит. по: Попов А.Н. Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. № 10. С. 135.

Знаменитая казнь Михаила Верещагина также носила пропагандистский характер. Утром 2 сентября перед уходом русских войск из Москвы, Ростопчин приказал привести к генерал-губернаторскому дому Верещагина и Мутона. Перед собравшимся народом Ростопчин «укорил» Верещагина «за преступление, тем более гнусное, что он один из всего московского населения захотел предать свое отечество». Объявив преступнику, что он приговорен к смертной казни, генерал-губернатор приказал двум унтер-офицерам рубить его саблями. В результате полученных ударов Верещагин упал, «не произнеся ни одного слова». К ожидавшему той же участи французу Мутону московский главнокомандующий обратился со следующей назидательной речью: «Дарую вам жизнь; ступайте к своим и скажите им, что негодяй, которого я только что наказал, был единственным русским, изменившим своему отечеству». Затем Ростопчин сел на лошадь и, не оглядываясь, «чтобы не смущаться тем, что произошло», выехал со двора своего дома[201]. Подобную версию обстоятельств казни Верещагина приводил Ростопчин в своих записках, написанных им годы спустя после трагических событий 1812 г.

В октябре 1812 г. Ростопчин несколько иначе излагал ход тех событий в письме министру юстиции И.И. Дмитриеву: «Что же касается до Верещагина, то изменник сей и государственный преступник был пред самым вшествием злодеев наших в Москву, предан мною столпившемуся перед ним народу, который видя в нем глас Наполеона и предсказателя своих несчастий, сделал из него жертву справедливой своей ярости»[202]. Признание Ростопчина и неординарность обстановки, в которой была совершена казнь Верещагина, дали повод некоторым исследователям заявлять о символическом значении случившегося. По мнению А. Зорина, Верещагин был избран Ростопчиным на роль жертвы, которая была принесена им ради обретения народного единства перед лицом врага: «Из огромной народной массы выделяется единственный предатель, на которого и возлагается вина за национальную катастрофу. <...> Собственно, исторжение изменника из народного тела и становится грозной вестью

[201] Там же. С. 312–313.
[202] ОР РГБ. Ф. 231. К. 25. Ед. хр. 11. Л. 1.

врагу об обретенном единстве – необходимость донести эту весть спасла жизнь фехтовального учителя Мутона»[203]. Ту же мысль высказал в свое время Варнгаген фон Энзе, с которым соглашался П.А. Вяземский. «...Гр. Ростопчин принес Верещагина в жертву для усиления народного негодования. А вместе с тем он давал Наполеону и французам как-будто предчувствие того ожесточения, с которым будут встречены они в гостеприимной Москве. Когда одно подозрение в измене законному Государю и Отечеству и в сочувствии к неприятелю могли побудить народ на такое дело, то неприятель мог ясно постигнуть народное чувство и дальнейшие последствия его» [204].

Признавая, что казнь Верещагина в значительной мере носила символический характер, нельзя, однако, согласиться с еще одним выводом А. Зорина. По его словам, казнь Верещагина была заранее спланирована московским главнокомандующим, и во всем детально разработанном Ростопчиным сценарии «случайной была только личность Верещагина»[205]. Думается, что как раз «случайной» фигуру Верещагина назвать нельзя. Верещагин явно не был тем «невинным страдальцем», как назвал его в своих записках Д.П. Рунич[206] (как известно, близкий к высланному из Москвы Ф.П. Ключареву). Вина Верещагина была доказана судом, приговорившим его как «государственного изменника» к пожизненной ссылке в Нерчинск. Следует напомнить, что к ссылке Верещагин был приговорен лишь из-за отмены смертной казни, которой он, по мнению судей, все же был достоин[207]. Довольно снисходительный П.А. Вяземский писал по поводу «невинности» Верещагина следующее: «Какова ни была бы участь Верещагина, нельзя признать, что пострадал он за правое дело; и следовательно, беспристрастному суду истории нечего входить здесь в личности сильных мира сего и братий

---

[203] Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004. С. 236.

[204] См.: Вяземский П.А. Воспоминания о войне 1812 года // Русский архив. 1869. С. 215–216.

[205] Зорин А. Кормя двуглавого орла... С. 236.

[206] Рунич Д.П. Записки // Русская старина. 1901. Т. 105. № 3. С. 603.

[207] Шереметевский П.В. Верещагин и Мешков. С. 242.

малых»[208]. Нельзя не усомниться в утверждении, будто Ростопчин, совершая казнь Верещагина, руководствовался заранее составленным сценарием. Надо учитывать, что казнь Верещагина произошла при чрезвычайных обстоятельствах. Московский главнокомандующий находился тогда в состоянии «великой скорби» и «великого раздражения»[209], которые он и излил на сочинителя «изменнических» прокламаций. За несколько часов до вступления Наполеона в Москву Ростопчин казнил не просто государственного изменника, но человека, предрекшего трагическую участь Москвы, которая становилась теперь реальностью. Казнь Верещагина была и выражением порыва пылкой натуры московского генерал-губернатора, его крайней досады из-за потери Москвы. Одновременно Ростопчин хотел показать остававшемуся в Москве народу, с какой строгостью и беспощадностью будет караться всякий изменивший своему Отечеству. Надо напомнить, что и М.И. Кутузов при менее сложных и трагических обстоятельствах поступал аналогично. Известно, что за «разглашение неблагонамеренных слухов» он приказывал немедленно наказывать смертью провинившихся – «в пример другим». Так, в одном из писем к А.М. Римскому-Корсакову он сообщил, что повесил несколько человек из числа гражданского населения за распространение ими «зловредных слухов»[210]. И тем не менее, следует признать, что Ростопчин, казнив преступника, приговоренного к пожизненной ссылке в Нерчинск, безусловно, превысил свои полномочия.

---

[208] Вяземский П.А. Воспоминания о войне 1812 года. С. 213.

[209] Там же. С. 215.

[210] См.: Секретное письмо князя Кутузова-Смоленского А.М. Римскому-Корсакову // Русская старина. 1897. № 9. С. 682–683. Крупный отечественный теоретик войны генерал А.Е. Снесарев следующим образом оценивал роль военно-полевого суда в условиях войны: «Военно-полевой суд – это военная педагогика, это лишний рычаг держать людей в руках и поднимать на подвиги. Если бы иногда не было подходящих злодеев <выделено в тексте. – *А.М.*>, их надо [было] выдумать (цит. по: Даниленко И.С. Выдающийся военный теоретик и военный философ XX века // Снесарев А.Е. Философия войны. М., 2003. С. 37).

Роль, которую Ростопчин отводил во время войны пропаганде, без преувеличения была огромной. Одним из результатов ростопчинской пропаганды явился мощный патриотический подъем, который продемонстрировала Москва во время ее посещения императором. Благодаря неутомимой деятельности Ростопчина в представлениях консервативно настроенных современников Москва представала оазисом нравственной чистоты, благонадежности и порядка, где всякое крамольное намерение искоренялось в своих зачатках «вездесущим» генерал-губернатором. «Враги внутренние стократ опаснее внешних. Надобно поболее приискать гр. Федоров Васильевичов, чтоб поручить им истребление с корнем нечестивых»[211], – писал из Санкт-Петербурга И.П. Оденталь, сравнивая Москву, возглавляемую Ростопчиным, с Петербургом, как «день с ночью»[212]. С.Н. Глинка, в свою очередь, воспел деятельность московского главнокомандующего по «истреблению нравственного зла» и наведению порядка в Москве в стихах:

Ты неусыпен дни и ночи,
В пример себе МОНАРХА взяв;
Ты всюду простираешь очи,
Где есть источники отрав.
Открыл плоды Ты развращенья,
Сплетенье вымыслов пустых;
Плоды не Рускаго ученья, –
Плоды бесед и обществ злых,
Ты слух и души ограждаешь
От всех смущений и тревог;
И ты делами подтверждаешь,
Что в сердце Руском Вера, Бог!![213]

В процессе эволюции общественно-политического мировоззрения Ростопчина 1812 год стал тем пунктом, на котором его

---

[211] ОР РГБ. Ф. 41. Ед. хр. 33. Л. 14.

[212] Там же. Л. 26.

[213] [Глинка С.Н.] Стихи графу Федору Васильевичу Ростопчину // Русский вестник. 1812. № 8. С. 76–79.

консерватизм с ярко выраженным националистическим подтекстом, декларируемый им в предшествующие годы, достиг своего апогея. Диктаторские полномочия, которыми обладал во время войны Ростопчин, позволили ему воплотить в жизнь некоторые идейные установки и принципы русского консерватизма и национализма. Они выразились в реализации идеи сильной и справедливой власти, в культивировании национальной самобытности, в апелляции к православию и традиционным нравственным идеалам, наконец, в демонстративном игнорировании сословных перегородок ради сплочения жителей Москвы и губернии в национальную общность.

ГЛАВА IV

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ОСТАВЛЕНИЯ МОСКВЫ

4.1. Ф.В. Ростопчин и М.И. Кутузов в 1812 г.

В письме от 6 августа Ростопчин убеждал императора в необходимости смены главнокомандующего русской армией: «Москва желает, чтобы командовал Кутузов и двинул Ваши войска, иначе, Государь, не будет единства в действиях, тогда как Наполеон сосредотачивает все в своей голове. Он сам должен быть в большом затруднении, но Барклай и Багратион могут ли проникнуть в его намерения? Решитесь, Государь, предупредить великие бедствия. <...> Я в отчаянии, что должен послать вам это донесение, но его требует от меня моя честь и присяга»[1]. Неделю спустя московский главнокомандующий с сожалением отмечал в письме к Александру I, «что Кутузов еще не в армии», поскольку «ни Багратион, ни Барклай не владеют искусством повелевать массами»[2]. По всей видимости, именно письмо Ростопчина от 6 августа во многом и повлияло на окончательное решение императора назначить главнокомандующим князя М.И. Кутузова. Во всяком случае своей сестре Александр следующим образом объяснял причины, побудившие остановить выбор на Кутузове: «В Петербурге я нашел умы всех за назначение старого Кутузова в главнокомандующие. То было

[1] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу // Русский архив. 1892. Кн. II. С. 443–444.

[2] Там же. С. 520.

общее требование. Зная этого человека, я сначала не желал этого, но когда письмом от 5 августа Ростопчин засвидетельствовал мне, что вся Москва желает, чтобы Кутузов командовал, так как Барклай и Багратион к тому неспособны, я не мог поступить иначе, как уступить общему желанию, и я назначил Кутузова»[3]. Таким образом, (вопреки распространенному мнению, прежде всего, в советской историографии), Ростопчин не только не противодействовал Кутузову, но, напротив, выступил одним из главных инициаторов его назначения.

Открытая неприязнь Ростопчина к Кутузову, столь известная благодаря исторической литературе[4], в действительности появилась значительно позже: после решения об оставлении Москвы, которое было принято без ведома и участия Ростопчина. До этого момента в переписке с императором и другими государственными и частными лицами Ростопчин не позволял себе серьезной критики Кутузова. Одновременно следует заметить, что и ранее Ростопчин не был поклонником Кутузова и его полководческого таланта. Способствуя его назначению на пост главнокомандующего, Ростопчин рассчитывал поднять моральный дух армии, который неуклонно падал по мере продвижения неприятеля вглубь страны. Он отдавал должное не военным способностям Кутузова, а его умению «повелевать массами». Кроме того, назначение Кутузова отвечало требованиям общественного мнения, а Ростопчин прекрасно понимал, сколь важно учитывать желания и чаяния русского общества в судьбоносное для России время. Кутузов становился в ту эпоху фигурой символической, представал в образе русского «воеводы»[5], ученика непобедимого Суворова, и уже одним этим способствовал

---

[3] Цит. по: Кизеветтер А.А. 1812 г. Ф.В. Ростопчин // Кизеветтер А.А. Исторические отклики. М., 1915. С. 129–130.

[4] Е.В. Тарле, к примеру, писал о «пламенной ненависти» Ростопчина к Кутузову (см.: Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1994. С. 155). С ним было солидарно большинство советских историков. Эта точка зрения была распространена и в дореволюционной историографии.

[5] «Воеводой русских сил» называл Кутузова Ростопчин в одной из своих афиш в августе 1812 года (см.: Ростопчин Ф.В. Афиши 1812 года, или Дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 214).

поднятию духа русского солдата. Ростопчин желал смены М.Б. Барклая де Толли Кутузовым также из-за серьезных разногласий между М.Б. Барклаем и П.И. Багратионом, которые принимали порой угрожающий характер для хода военных действий. На первый план следовало выдвинуть третье лицо, пользующееся популярностью, как в обществе, так и в армии[6].

С назначением нового главнокомандующего между ним и Ростопчиным завязалась активная переписка, в которой отразились не только проблемы снабжения армии боеприпасами, продовольствием и людскими ресурсами, но и вопрос о судьбе Москвы. Десятилетие спустя после Отечественной войны с ее пожаром и разорением Москвы, когда Кутузова уже не было в живых, у Ростопчина возникла идея опубликовать адресованные ему письма главнокомандующего с собственным предисловием[7]. Вероятно, он надеялся реабилитировать себя в глазах современников и потомков. «Все просятся <...> в Минины и Пожарские, но только деяниями и словами мало очень на них походят»[8], – передавал слова Ростопчина А.Я. Булгаков. Действительно, обнародование в то время писем Кутузова помогло бы Ростопчину избежать многочисленных упреков и обвинений

---

[6] Впоследствии Ростопчин писал о реакции публики на назначение Кутузова главнокомандующим следующее: «Между тем новый Фабий уже был на пути к армии, и Москва, по этому случаю дала новое доказательство недостатка в благоразумии. При вести о его назначении все опьянели от радости, целовались, поздравляли друг друга; мужчины и женщины – все были восхищены. Можно было подумать, что одно присутствие Кутузова обратит в бегство армию Наполеона или поразит ее, как появление головы Медузы» (см.: Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 287).

[7] См.: Письма А.Я. Булгакова к брату // Русский архив. 1901. № 5. С. 76. В фондах Российского государственного архива литературы и искусства хранится дело под названием «Переписка Кутузова М.И. с Ростопчиным Ф.В.» (см.: РГАЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 261. Л. 1–8). Возможно, именно эти письма и в той же последовательности предполагал опубликовать Ростопчин, снабдив их «острым» предисловием.

[8] Письма А.Я. Булгакова к брату // Русский архив. 1901. № 5. С. 76.

не только со стороны своих современников, но и со стороны многочисленных более поздних исследователей.

Одной из главных причин, по которой русская армия отступала после Бородинского сражения и сдала Москву, Н.Ф. Гарнич называл весьма неудовлетворительную деятельность московского генерал-губернатора по снабжению армии. «Под Можайском, – писал историк, – Кутузов осмотрел новую позицию для сражения. Местность была подходящей. Однако в тот же день выяснилось, что Ростопчин не прислал из Москвы ни подкреплений, ни боевых запасов, ни инструментов для земляных работ»[9]. Истощенная в ходе кровопролитного сражения русская армия должна была отступать. И главным виновником крушения планов Кутузова являлся, по мнению исследователя, Ростопчин. Он отказался вооружать 116 000 ратников ополчения огнестрельным оружием и, тем самым, преднамеренно обманул Кутузова, тщетно ожидавшего серьезного пополнения[10]. Опять же, отсутствие необходимого подкрепления у Можайска (27 августа) еще один советский историк – Л.Г. Бескровный – объяснял проявлением со стороны Ростопчина крайнего «недоброжелательства» к Кутузову, то есть явным саботажем со стороны московского генерал-губернатора[11]. Е.В. Тарле, в свою очередь, также возлагал всю ответственность за бедствия, связанные с потерей Москвы, на Ростопчина, чье «бешенство против Кутузова не знало меры»[12]. Анализ переписки между Ростопчиным и Кутузовым развенчивает историографический миф о «вредительстве» московского генерал-губернатора (из-за его недостоверной информации о военных действиях многие не смогли спасти свое имущество или вовремя покинуть обреченную Москву).

В ходе завязавшейся переписки новый главнокомандующий просил московского генерал-губернатора наладить снабжение армии продовольствием, снарядами и людскими ресурсами из числа московского ополчения. Насколько это было возможно, Ростопчин старался оперативно исполнять все просьбы главно-

---

[9] Гарнич Н.Ф. 1812 год. М., 1956. С. 192.

[10] Там же. С. 197.

[11] См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 418.

[12] Тарле Е.В. Указ. соч. С. 155.

командующего. Как следует из переписки, Кутузов определенно не мог рассчитывать на 116 000 московских ополченцев (упомянутых Ф.Н. Гарничем), которых якобы обещал ему ранее Ростопчин[13]. В письме от 16 августа Ростопчин писал Кутузову о завершении формирования Московского ополчения и его отправлении к Можайску[14], приложив к письму рапорт командующего Московским ополчением графа И.И. Моркова на высочайшее имя, в котором указывалось точное число ратников – 24 835 человек[15]. В одном из августовских писем Ростопчина Кутузову сообщалось, в частности, о доставке в армию сухарей на 120 тыс. человек. Ростопчин впоследствии вспоминал о кипучей деятельности по снабжению армии продовольствием, которая развернулась в Москве в августе 1812 г. Для регулярного снабжения армии хлебом московский генерал-губернатор создал специальную комиссию, обеспечившую круглосуточную выпечку хлеба и его отправку в армию. «Хлебопеки пекли хлеба, – писал Ростопчин, – другие разрезали его на кусочки, высушиваемые в печках, нанятых и употреблявшихся исключительно для этого дела беспрерывно, в течение дня и ночи. Каждое утро обоз в 600 телег отвозил сухари и крупу в армию...»[16]

Во время и после Бородинского сражения переписка между Ростопчиным и Кутузовым приобрела более оживленный характер. На требование Кутузова прислать снарядов на 500 орудий и людское подкрепление из числа московской дружины[17] Ростопчин отвечал (28 августа), что из Москвы к Можайску готово выступить два полка численностью 4 600 человек, а через два дня сможет выступить еще один полк из Подольска численностью 2 300 человек. Помимо этого Ростопчин готов был отпра-

---

[13] См.: Гарнич Н.Ф. 1812 год. С. 197.

[14] Письмо Ф.В. Ростопчина М.И. Кутузову от 16 августа 1812 года о формировании Московского ополчения // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. документов. М., 1962. С. 61.

[15] Рапорт И.И. Моркова Александру I о выступлении Московского ополчения к г. Можайску для присоединения к действующей армии с Приложением // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. С. 64.

[16] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 294.

[17] Письма М.И. Кутузова Ф.В. Ростопчину от 26 августа 1812 года // Кутузов М.И. Письма. Записки. С. 324–326.

вить в армию 26 000 снарядов для пушек и 500 лошадей[18]. Ростопчин старался выполнять все требования главнокомандующего, но, как справедливо заметил М.В. Горностаев, перебои в доставке провианта и оружия явились результатом «общей кризисной ситуации и грабежей, совершавшихся в тылу русской армии»[19].

Вопрос о судьбе Москвы являлся одним из важнейших, который обсуждался Ростопчиным и Кутузовым в августе 1812 г. Так, уже в первом письме Ростопчину новый главнокомандующий подчеркивал: «...Не решен еще вопрос, что важнее – потерять ли армию или Москву. По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России»[20]. В этом же письме Кутузов указывал Ростопчину на стратегическое значение обороны Москвы. Несколько дней спустя (19 августа) Ростопчин открыто спрашивал главнокомандующего о его намерении защищать Москву: «Извольте мне сказать, твердое ли вы имеете намерение удерживать ход неприятеля на Москву и защищать город сей? Посему я приму все меры: или вооружа всех, драться до последней минуты, или, когда вы займетесь спасением армии, я займусь спасением жителей и со всем, что есть военного, направлюсь к вам на соединение. Ваш ответ решит меня, и я по смыслу его действовать буду: с вами перед Москвою или один в Москве»[21]. Очередное письмо Кутузова было еще более туманным по своему содержанию. На прямой вопрос Ростопчина о судьбе Москвы вместо ответа Кутузов сообщал о продвижении русской армии по направлению к Москве, о готовящемся сражении, о желательности отправки в армию дополнительных средств и т. д. При этом ни одного слова, прояснявшего участь Москвы, сказано не было[22].

В двух своих письмах от 21 августа Кутузов просил Ростопчина успокоить московских жителей публикацией письма

---

[18] Письмо графа Ф.В. Ростопчина к фельдмаршалу князю М.И. Кутузову Смоленскому от 28 августа 1812 года // Русский архив. 1875. № 12. С. 459.

[19] Горностаев М.В. Генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин: страницы истории 1812 года. М., 2003. С. 17.

[20] РГАЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 261. Л. 1.

[21] Там же. Л. 6.

[22] Кутузов М.И. Письма. Записки. М., 1989. С. 313–314.

с опровержением провокационных слухов о состоянии русской армии. «С сокрушенным скорбным сердцем извещаюсь я, – писал Кутузов жителям Москвы и ее генерал-губернатору, – что увеличенные насчет действий армий наших слухи, рассеиваемые неблагонамеренными людьми, нарушают спокойствие жителей Москвы и доводят их до отчаяния. Я прошу покорнейше Ваше сиятельство успокоить и уверить их, что войска наши не достигли еще того расслабления и истощения, в каком, может быть, стараются их представить. <...> Все движения были до сего направляемы к единой цели и к спасению первопрестольного града Москвы, – да благословит Всевышний сии предприятия наши...»[23] Видно, что не только Ростопчин, но и Кутузов, в августе 1812 г. старался успокоить московское население обнадеживающими сведениями. Ростопчин, как известно, даже клялся, что «злодей в Москве не будет», указывая на силу славного русского войска во главе с «воеводой» – князем Кутузовым[24]. Между тем именно эти заверения Ростопчина в силе и непобедимости русского войска и в непременном спасении древней столицы ставили ему впоследствии в вину, как многочисленные современники, так и потомки.

Примечателен еще один факт. Известно, что семья Ростопчина (его жена и дети) покинула Москву накануне прихода французов, 31 августа. Однако Кутузов еще за неделю до Бородинского сражения настоятельно рекомендовал своей дочери покинуть окрестности Тарусы ввиду опасности сложившегося положения. В то самое время, когда в переписке с московским генерал-губернатором Кутузов ограничивался общими фразами оптимистического характера, в письме к дочери от 19 августа он не скрывал истинного положения дел: «Но я должен сказать откровенно, что ваше пребывание возле Тарусы мне вовсе не нравится. Вы легко можете подвергнуться опасности <...>, поэтому я хочу, чтобы вы уехали подальше от театра войны. Уезжай же, мой друг! Но я требую, чтобы все сказанное мною было сохранено в глубочайшей тайне, ибо, если это получит огласку, вы мне можете сильно навредить»[25].

---

[23] Там же. С. 315–316.

[24] Ростопчин Ф.В. Афиши 1812 года... С. 214.

[25] Кутузов М.И. Письма. Записки. С. 310.

Исход Бородинского сражения решал судьбу Москвы, и это со всей очевидностью понимал московский главнокомандующий. За несколько дней до решающей баталии он делился с императором своими нерадостными мыслями о судьбе империи в случае потери Москвы: «От сражения, которое произойдет через несколько дней будет отчасти зависеть, должна ли Москва попасть в руки Наполеона, или его войско погибнет. По всему, что я знаю, победа будет за Вами, разве случится что-нибудь непредвиденное; но если рука Божия отяготеет над Вашею Империей, столицею овладеет неприятель. В другие времена оставалась бы надежда, но в наши дни, когда общее мнение полагает спасение Империи в этом городе, занятие его французами подействует на мужество народное сокрушительно»[26]. Ростопчин считал потерю Москвы равносильной гибели всей России и выступал решительным противником сдачи первопрестольной столицы.

Желая иметь полную и оперативную информацию о ходе сражения и о намерениях главнокомандующего, Ростопчин поддерживал с Кутузовым в те дни самую активную переписку. 26 августа Кутузов сообщал в письме Ростопчину о том, что в ходе жаркого и кровопролитного сражения русское войско не уступило «ни шагу» и готово вновь сразиться с неприятелем[27]. На следующий день в очередной афише Ростопчин привел эти обнадеживающие слова Кутузова, добавив от себя: «Православные, будьте спокойны! Кровь наших проливается за спасение отечества. Наша готова; если придет время, то мы подкрепим войска»[28]. Ростопчин морально готовил горожан к обороне Москвы, непреложной, по его мнению, после Бородинского сражения. В письме от 27 августа Кутузов сделал весьма оптимистическое заключение о результатах сражения под Бородино. Он прямо заявил, что баталия «совершенно выиграна» и упомянул о своем намерении дать битву у Москвы[29]. Эти слова главнокомандующего можно было расценить как известие о победе. Собственно как на полную победу смотрели на исход Бородинского

---

[26] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу // Русский архив. 1892. Кн. II. С. 525.

[27] Кутузов М.И. Письма. Записки. С. 325.

[28] Ростопчин Ф.В. Афиши 1812 года... С. 217.

[29] Кутузов М.И. Письма. Записки. С. 327.

сражения и в Петербурге. По свидетельству И.П. Оденталя, в Петербурге после получения известия о «русской победе» все друг друга поздравляли, обнимались и «лобызались» как на Пасху[30]. Впоследствии оценку результатов Бородинского сражения, сделанную Кутузовым, Ростопчин назвал хорошо удавшимся обманом[31]. Несмотря на проявленные факты массового героизма и отваги, Ростопчин сомневался, что итогом Бородинского сражения была победа русских. «Кутузов называет это победою... дай Бог, чтобы так было, но в этом кровавом потоке поглощены наравне победители с побежденными», – передавал мнение Ростопчина А.Я. Булгаков[32]. Годы спустя в «Записках о 1812 годе» Ростопчин называл это сражение бессмысленной бойней, не принесшей сколько-нибудь заметного результата ни одной из сторон. «...Оба главнокомандующие могли бы избавить род человеческий от этой бойни и сохранить в своих рядах более 90 000 чел., выбывших из строя. Наполеон, следуя по старой Калужской дороге, вступил бы в Москву неделею позже, но с армией более сильной на 52 000 челов., которые были убиты или переранены под Бородиным; а Кутузов, с 116 000 (из коих он потерял 30–40 тыс.), стал бы на новой Калужской дороге и не подвергся бы три или четыре раза опасности быть раздавленным», – писал он[33]. По его мнению, единственными положительными итогами сражения, во-первых, стало почти полное уничтожение французской кавалерии и, во-вторых, то благоприятное впечатление, которое произвело сражение на народ (до этого видевший в отступление русских войск измену и трусость)[34].

Между тем в письменном обращении к горожанам Ростопчин объяснял причину отступления русской армии стремлением

---

[30] ОР РГБ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 32. В том же письме, написанном 3 сентября 1812 г., И.П. Оденталь просил своего корреспондента – А.Я. Булгакова – прислать ему из Москвы ананасов (!) (там же). Известно, что в это самое время А.Я. Булгаков спасался бегством из горящей, занятой французами Москвы.

[31] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 298.

[32] Из Записок А.Я. Булгакова // Русский архив. 1900. № 7. С. 267.

[33] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 297.

[34] Там же.

главнокомандующего соединиться с идущими навстречу войсками, чтобы под стенами Москвы дать неприятелю решающий бой. «...Светлейший говорит, – писал Ростопчин 30 августа, – что Москву до последней капли крови защищать будет и готов хоть на улицах драться. <...> Когда до чего дойдет, мне надобно молодцов и городских, и деревенских; я клич кликну дни за два; а теперь не надо, я и молчу. Хорошо с топором, недурно с рогатиной. А всего лучше вилы-тройчатки: француз не тяжелее снопа ржаного»[35]. На следующий день, 31 августа появилось известное воззвание московского главнокомандующего «На Три Горы». «Братцы! Сила наша многочисленна и готова положить живот, защищая отечество, не пустить злодея в Москву. Но должно пособить, и нам свое дело сделать. Грех тяжкий своих выдавать. Москва наша мать. Она вас поила, кормила и богатила. Я вас призываю именем Божией Матери на защиту храмов Господних, Москвы, земли Русской. Вооружитесь, кто чем может, и конные, и пешие; возьмите только на три дни хлеба; идите со крестом; возьмите хоругви из церквей и с сим знамением собирайтесь тотчас на Трех Горах; я буду с вами, и вместе истребим злодея. Слава в вышних, кто не отстает! Вечная память, кто мертвый ляжет! Горе на страшном суде, кто отговариваться станет!»[36] Как известно, Ростопчин не явился в указанное время на место сбора московской дружины, которую он обещал возглавлять лично. Это дало основание авторам многих воспоминаний и исследований обвинять Ростопчина в преднамеренном обмане патриотических чувств народа. По воспоминаниям А.Д. Бестужева-Рюмина, вооруженный народ собрался в предместье Три Горы «в числе нескольких десятков тысяч» и в ожидании Ростопчина не расходился с рассвета до заката, но «полководец не явился, и все, с горестным унынием, разошлись по домам»[37]. М.И. Маракуев, охарактеризовавший публикацию воззвания «На Три Горы» мерой «безумия», писал, что Ростопчин тем самым «насмеялся над усердием народа»[38].

---

[35] Ростопчин Ф.В. Афиши 1812 года... С. 218.

[36] Там же.

[37] Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году. С. 75.

[38] Маракуев М.И. Записки // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. М., 2001. С. 38.

В действительности подобные обвинения не вполне основательны. Во всяком случае из источников известно, что Ростопчин, публикуя это воззвание, руководствовался заверениями Кутузова, обещавшего дать сражение под Москвой. М.В. Горностаев приводит документ, опровергающий распространенное мнение о том, что Ростопчин созывал народ, заранее зная, что никакого сражения не будет. Это свидетельство князя А.Б. Голицына – ординарца главнокомандующего, присутствовавшего при личной встрече Кутузова и Ростопчина 30 августа в деревне Мамоново. «После разных обоюдных комплиментов, – передавал А.Б. Голицын, – говорено о защите Москвы. Решено было умереть, но драться под стенами ее. Резерв должен был состоять из дружины Московской с крестами и хоругвями. Ростопчин уехал с восхищением и в восторге своем, как не был умен, но не разобрал, что в этих уверениях и распоряжениях Кутузова был потаенный смысл. Кутузову нельзя было обнаружить прежде времени под стенами Москвы, что он ее оставит, хотя он намекал в разговоре Ростопчину»[39]. Следовательно, идея использования «Московской дружины с крестами и хоругвями» в предстоявшем сражении если и не принадлежала Кутузову, то, во всяком случае, была им одобрена.

Кстати, идея всенародной битвы за Москву витала в воздухе задолго до появления афиши. В письме к И.И. Дмитриеву от 20 августа Н.М. Карамзин, в частности, писал: «Хорошо, что имеем градоначальника умного и бодрого, которого люблю искренне как патриот патриота. Я рад сесть на своего серого коня и вместе с *Московскою удалою дружиною* <курсив мой. – *А.М.*> примкнуть к нашей армии»[40]. Не исключено, что на решимость Карамзина принять участие в обороне Москвы повлиял настрой Ростопчина, с которым он в это время постоянно общался, живя на его даче. Однако идея всенародной битвы потеряла для Ростопчина смысл после совета в Филях, на котором было принято судьбоносное для Москвы решение. Ростопчин впоследствии признавался, что не выставил «100 тысяч молодцов» накануне вступления в Москву французов лишь оттого, что «Его Светлость решился скоропостижно оставить Москву Бонапарте»[41].

---

[39] Цит. по: Горностаев М.В. Генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин... С. 9–10.

[40] Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 164–165.

[41] Письма графа Ф.В. Ростопчина к А.Ф. Лабзину // Русская старина. 1913. № 2. С. 429.

Впоследствии же Ростопчин уверял, что он якобы не особенно верил в предстоящее сражение[42]: его настораживал исключительно неудачный выбор позиции, ибо в случае неудачи Кутузов рисковал потерять всю армию[43]. В свою очередь, С.Н. Глинка считал, будто Ростопчин изначально знал, что на Трех Горах «ничего не будет», и объяснял мобилизацию народа исключительно пропагандистскими целями. По его предположению, воззвание Ростопчина должно было «вразумить» местных крестьян, чтобы они знали, как действовать, когда неприятель займет Москву. Таким образом Ростопчин «первый повестил войну московских поселян»[44].

Разумеется, нельзя отрицать пропагандистской цели воззвания Ростопчина, ставшего своеобразным манифестом народной войны. Достаточно напомнить, что призыв московского главнокомандующего вооружаться «кто чем может», идти «со крестом» на защиту «храмов Господних, Москвы, земли Русской» подкреплялся конкретными действиями местной администрации. Именно после публикации воззвания, по воспоминаниям современников, началась бесплатная раздача оружия из арсенала, которое теперь мог получить всякий желающий. Известный московский балетмейстер А. Глушковский вспоминал следующее: «Когда граф Ростопчин сделал воззвание к народному ополчению, чтобы встретить неприятеля вооруженную рукою на Трех Горах, тогда арсенал, в котором находилось старое оружие с незапамятных времен, по приказанию начальства был открыт; лица разного сословия бросились туда брать его: пики, сабли и пистолеты...»[45] И по воспоминаниям московского ремесленника иностранца И.А. Адлера, еще днем 2 сентября местные обыватели, остававшиеся в городе, запасались оружием из арсенала «для защиты от бусурмана»[46].

---

[42] См.: Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 307.

[43] Там же. С. 305.

[44] Там же. С. 414.

[45] Глушковский А. Москва в 1812 году // Красный архив. 1937. Т. 4(83). С. 141.

[46] Адлер И.А. Похождение моей жизни со 2-го сентября по 28-е декабря 1812 года // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 62.

Но в то же время не следует забывать, что и Ростопчин, и Глинка писали свои воспоминания годы спустя, когда уже было очевидно, что именно оставление Москвы французам стало залогом спасения России. Однако в конце августа 1812 г. для московского главнокомандующего, как и для большинства жителей Москвы, сама возможность сдачи без боя первопрестольной столицы была немыслима. Публикуя 31 августа воззвание «На Три Горы», Ростопчин действительно верил в возможность сражения за Москву. В письме к императору от 1 сентября (отправленном до получения рокового известия от Кутузова) он писал о грядущем сражении как о скором и неминуемом событии. Если предстоящее сражение будет проиграно, Ростопчин обещал затопить весь порох и свинец, остававшийся в Москве[47]. Об участи Москвы московский главнокомандующий был извещен письмом от Кутузова вечером того же дня, после военного совета в Филях.

Обида на Кутузова, который не посвятил его в свои планы и без боя сдал древнюю столицу, не покидала Ростопчина всю оставшуюся жизнь[48]. «Теперь открывается, что Кутузов еще 29 числа отдал приказ перевозить припасы из Калуги во Владимир. Итак, доказано, что он и не хотел защищать Москвы. Зачем же он обманывал меня? Зачем предал злодею несчастный город?»[49] В письмах к Александру I и своей жене в сентябре 1812 г. Ростопчин позволял себе довольно резкие замечания в адрес главнокомандующего. «Кутузов – старая баба-сплетница, потерял голову и думает что-нибудь сделать, ничего не делая»[50], –

---

[47] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу. С. 530.

[48] Из-за сдачи Москвы не отдавал «должной справедливости» Кутузову и Карамзин. По словам М.П. Погодина, на Карамзина в этом оказал влияние Ростопчин, «которого он уважал вблизи, и весьма уважал» (см.: Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии с примеч. и объяснениями М. Погодина. Ч. 2. М., 1866. С. 105).

[49] Письма графа Ф.В. Ростопчина к супруге и дочери и заметки о 1812 годе // Русский архив. 1901. № 8. С. 474.

[50] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу. С. 536.

писал Ростопчин императору из разлагающейся, по его мнению, русской армии. Свое негодование он откровенно высказывал и Кутузову. Возмущаясь беспорядками, творящимися в русской армии и в подчиненных Кутузову губерниях, 13 сентября Ростопчин писал к «бездействующему» главнокомандующему: «...Должность моя главнокомандующего с вступлением вашим кончилась, и я не желая ни быть без дела, ни смотреть на разорение Калужской губернии, ни слышать целый день, что вы занимаетесь сном, отъезжаю в Ярославль и в Петербург. Желая как верноподданный и истинный сын Отечества, чтоб Вы занимались более Россиею, войсками вам вверенными и неприятелем – я же с моей стороны благодарю вас за то, что не имею нужды никому сдавать ни столицы, ни губернии и что я не был удостоен доверенности вашей»[51]. Как и большинство русских, после отъезда из Москвы Ростопчин был в крайне подавленном настроении, полагая, что «все кончено»[52].

После войны неприязнь к Кутузову обострилась из-за того, что на голову самого Ростопчина сразу после его возвращения в сожженную Москву со всех сторон посыпались многочисленные обвинения. Еще до оставления Москвы он понимал, что вся колоссальная ответственность за грядущие бедствия ляжет на него: «Я буду всему виноват... я буду за все и всем отвечать... меня станут проклинать, сперва барыни, а там купцы, мещане, подъячие, а там и все умники, и православный народ... Я знаю Москву!..»[53] Его предчувствия вскоре сбылись. Впоследствии он сравнивал свое незавидное положение с участью Барклая де Толли, также ставшего объектом всеобщих нареканий. По мнению Ростопчина, Барклай закончил свою жизнь «как многострадальный Иов», в то время как «Михайло Кутузов отдыхает в Казанской на спине, ползав всю жизнь на брюхе»[54].

---

[51] РГАЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 261. Л. 8 об.

[52] См.: Письма графа Ф.В. Ростопчина к супруге и дочери... С. 464.

[53] Из Записок А.Я. Булгакова. С. 267.

[54] Письма графа Федора Васильевича Ростопчина к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому // Сб. РИО. Т. 73. СПб., 1890. С. 468.

4.2. Деятельность московского главнокомандующего во время оставления Москвы

С середины августа 1812 г. после известия о взятии Смоленска начался массовый отток жителей из Москвы. Вопреки распространенному мнению, Ростопчин не препятствовал москвичам покидать город, но во избежание паники всячески старался успокоить население. «Здесь есть слух и есть люди, кои ему верют и повторяют, что я запретил выезд из города. Если бы это было так, тогда на заставах были бы караулы и по несколько тысяч карет, колясок и повозок во все стороны не выезжали. А я рад, что барыни и купеческие жены едут из Москвы для своего спокойствия. Меньше страха, меньше новостей; но нельзя похвалить и мужей, и братьев, и родню, которые при женщинах в будущее отправились без возврату. Если по их есть опасность, то непристойно; а если нет ее, то стыдно»[55], – урезонивал горожан московский главнокомандующий в афише от 17 августа. Впоследствии Ростопчин поставил себе в заслугу и то, что Наполеон вошел в почти пустую Москву. После появления в Москве беженцев с занятых французами территорий по городу стали распространяться слухи о бесчинствах наполеоновской армии, которые Ростопчин спешил обнародовать. Он считал, что подобные известия, с одной стороны, доказывали дворянству, что «плохо было бы ожидать прибытия противника», и готовили всех к мысли об отъезде. С другой стороны, они возбуждали в простом народе чувство мести и гнева, что и было «первой причиной умерщвления солдат крестьянами»[56].

Уже к концу августа, по свидетельствам современников, Москва была пуста. «Москва спокойна и тверда, но пуста, ибо дамы и мужчины женского пола уехали», – писал Ростопчин П.А. Толстому за несколько дней до Бородинского сражения[57]. О том, что стены Москвы «ежедневно более и более пустеют», поскольку «уезжает множество», отмечал в это время и Н.М. Карамзин в

---

[55] Ростопчин Ф.В. Афиши 1812 года... С. 214.

[56] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 282.

[57] Письмо Ф.В. Ростопчина П.А. Толстому от 24 августа 1812 года // Заря. 1871. Ч. VIII. С. 186.

очередном письме к И.И. Дмитриеву[58]. По воспоминаниям Ростопчина, по мере приближения генерального сражения отток дворянства все усиливался. Купцы еще держались, поскольку в городе у них оставался товар. Многие из них приходили на дачу к Ростопчину, чтобы узнать там ли еще его жена и дети, и «присутствие оных успокаивало этих купцов относительно приближения опасности»[59]. Нужно напомнить, что жена Ростопчина покинула Москву и отправилась в Ярославль лишь 31 августа: сам факт пребывания ее в городе вселял спокойствие и уверенность во многих.

По признанию Ростопчина, «всякое заблаговременное не только повеление оставить Москву, но и самомалейшее подозрение произвело бы бунт, со всеми бедственными его последствиями»[60]. Лишь с середины августа по распоряжению московского главнокомандующего началась эвакуация учреждений и казенного имущества. 17 августа Ростопчиным был отдан приказ о начале подготовки к эвакуации госпиталя, 22 августа – о готовности к немедленному вывозу казны и важнейших бумаг, тогда же на имя гражданского губернатора Н.В. Обрезкова поступило секретное распоряжение о приготовлении к вывозу дел межевой канцелярии[61]. По оценке самого Ростопчина эвакуация государственных учреждений и церковных ценностей прошла довольно успешно. Удалось спасти дела судебных, сенатских и военных комиссий, а также архив министерства иностранных дел, государственную казну, патриаршую ризницу, сокровища соборов, а также Троицкого и Воскресенского монастырей[62].

18 августа Ростопчин отдал распоряжение о подготовке к эвакуации Московского арсенала[63]. Часть запасов пороха, свинца и комиссариатских вещей из-за нехватки транспортных средств было решено отправить водным путем. Все это было

---

[58] Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 164–165

[59] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 295–296.

[60] Цит. по: [Киселев Н.] Дело о должностных лицах московского правления, учрежденного французами в 1812 году // Русский архив. 1868. Стб. 884.

[61] См.: Горностаев М.В. Генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин... С. 25–26.

[62] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 294–295.

погружено на барки и отправлено из Москвы еще 30–31 августа. Но в самом начале пути почти все барки сели на мель. В результате, часть содержимого барок досталась неприятелю, основная же часть была уничтожена по приказу Ростопчина в день оставления Москвы[64]. Поскольку в конце августа не исключалась возможность генерального сражения под Москвой и «войскам потребовалось бы большое количество боеприпасов и оружия», Ростопчин принял решение оставить часть запасов оружия, свинца и пороха в городе[65]. Известие о сдаче Москвы начальством арсенала было получено лишь утром 2 сентября. Поскольку эвакуировать оставшиеся запасы арсенала было уже поздно, Ростопчин приказал уничтожить запасы пороха и свинца, а холодное и огнестрельное оружие было оставлено у стен арсенала, «ворота которого 2 сентября были широко распахнуты» для народа[66]. Итак, значительные запасы оружия и комиссариатского имущества при оставлении Москвы не удалось спасти, что впоследствии вменили в вину Ростопчину.

По собственным словам Ростопчина, его более всего заботила судьба раненых и больных. «Убивает меня мысль, что больных и раненых отправить не на чем...», – писал он А.Д. Балашову, отмечая катастрофическую нехватку лошадей[67]. Из 30 000 раненых более 20 000 поместилось на подводах, приготовленных заранее, другие вынуждены были идти пешком. Впоследствии Ростопчин с сожалением сообщал: «...Около 2 000 больных и тяжелораненых остались на своих кроватях, в ожидании неприятеля и смерти. Из них, по возвращении моем, я только 300 чел. застал в живых»[68].

Своей заслугой Ростопчин считал закрытие Сената и эвакуацию его членов, желавших остаться в Москве. По свидетельству

---

[63] Шведов С.В. Судьба запаса огнестрельного оружия Московского арсенала в 1812 году // Советские архивы. 1985. № 5. С. 68.

[64] Шведов С.В. О запасах военного имущества в Москве в 1812 г. // Советские архивы. 1987. № 6. С. 72–73.

[65] Там же. С. 72.

[66] Там же.

[67] Письмо графа Ф.В. Ростопчина к А.Д. Балашеву от 27-го августа 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882 С. 114.

[68] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 308–309.

Ростопчина, такие видные сенаторы-масоны, как И.В. Лопухин, П.С. Рунич и П.И. Голенищев-Кутузов хотели уговорить остальных членов Сената не покидать Москвы, «окрашивая такой поступок в чувство долга и в самопожертвование для отечества, по примеру римских сенаторов во время вступления галлов в Рим». Московский главнокомандующий опасался, что при помощи Сената Наполеон сможет оказывать давление на всю остальную Россию посредством указов и прокламаций, исходящих от Сената. Это могло привести к замешательству во внутренних областях Российской империи, поставив их «в такое положение, в котором они не знали бы, кого слушаться»[69]. Если бы сенаторы отказались добровольно покинуть Москву, то Ростопчин был намерен отправить непокорных под конвоем в Петербург[70].

Арман де Коленкур вспоминал, что при вступлении французской армии в Москву обнаружилось, что все власти оставили ее и город «походил на пустыню. Не было даже возможности образовать какую бы то ни было администрацию». Все это произвело на Наполеона крайне удручающее впечатление и доставило ему немало трудностей[71]. Даже Д.П. Рунич (сын сенатора П.С. Рунича), весьма не расположенный к Ростопчину, высоко оценил значение принятых московским главнокомандующим мер по удалению из Москвы представителей русской знати. По его мнению, «Наполеон, явясь в Москву победителем, обладая силой, легко мог привлечь на свою сторону московскую знать и сделать из нее своих агентов», кроме того, он нашел бы себе немало пособников, из числа русских, «воспитанных французами и преклоняющихся перед всем французским». Покоренная таким образом Москва, произвела бы самое пагубное впечатление на всю страну, а Наполеон достиг бы той цели, которой он не смог добиться с помощью оружия[72].

Чтобы оградить город от беспорядков и грабежей со стороны дезорганизованных армейских частей, московский генерал-

---

[69] Там же. С. 302–303.

[70] Там же. С. 304.

[71] Коленкур А. де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 137–138.

[72] Рунич Д.П. Записки // Русская старина. 1901. Т. 105. № 3. С. 606.

губернатор еще 31 августа приказал прекратить отпуск водки по кабакам, которые вечером того же дня были закрыты. Ростопчин обещал повесить главного управляющего винными откупами «у двери кабака», если приказание не будет в точности исполнено[73]. Узнав, что «ночные удальцы московские» планируют «ухнуть на добычу и на грабеж», использовав для этого набат, Ростопчин приказал запереть все московские колокольни и обрезать у колоколов веревки, предотвращая тем самым возможные провокации[74].

Последние дни перед оставлением Москвы потребовали от Ростопчина чрезвычайной энергии. Он лично следил за отправкой раненых и за эвакуацией казенного имущества, принимал многочисленных посетителей и раздавал различные поручения подчиненным. «Я не имел ни минуты свободной. Беспрестанно приходили ко мне люди всяких сословий; одни просили повозку, другие денег, так как не имели средств выбраться из города; <...>. Я делал все, что мог, для удовлетворения просьб этих несчастных. Что касается денег, я роздал их столько, что выехал из Москвы человеком одновременно самым богатым и самым бедным; так как увозил с собою 130 т. руб., оставшиеся у меня из экстраординарных сумм, и 630 р., собственно мне принадлежавших», – воспоминал впоследствии Ростопчин[75].

Непосредственно перед сдачей Москвы изобретатель «несчастного аэростата»[76] – немец Леппих – вместе с мастерской и рабочими был отправлен в Нижний Новгород. Известно, что строительству воздушного шара император уделял большое внимание. Мысль об использовании дирижабля в военных целях была высказана ему еще в марте 1812 г. русским посланником в Вюртемберге Д.М. Алопеусом: «Ныне сделано открытие, столь великой важности, что оно необходимо должно иметь выгоднейшие последствия для тех, которые впервые оным воспользуются <...>. Открытие сие состоит в управлении аэростатического шара, в конструкции воздушного корабля, который вмещать будет в себя нужное число людей и снарядов для взорвания всех

---

[73] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 304.
[74] Глинка С.Н. Из «Записок о 1812 годе». С. 419.
[75] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 311.
[76] Там же. С. 263.

крепостей, для остановки или истребления величайших армий». Изобретатель рассчитывал использовать ящики с порохом, «которые, брошены будучи сверху, могут разрывом своим, упав на твердые тела, опрокинуть целые эскадроны». В письме отмечалось, что это открытие сделано неким господином Леппихом[77].

Строительство шара началось до вступления Ростопчина в должность московского генерал-губернатора. На первых порах работу по созданию секретного оружия император поручил московскому гражданскому губернатору Н.В. Обрезкову. А потому неверно считать идею постройки «секретного оружия» одной из «нелепых затей» Ростопчина, как это делал, к примеру, Е.В. Тарле[78]. Впервые о Леппихе и его деятельности московскому генерал-губернатору Александр I сообщил в письме от 24 мая 1812 г. Работа по постройке шара в то время была уже в разгаре. Император просил Ростопчина оказывать Леппиху «некоторое снисхождение» и делать все возможное, «чтобы облегчить ему выполнение его работы и устранить, могущие возникнуть, препятствия»[79]. Ростопчин со всей ответственностью отнесся к возложенным на него обязанностям и принял самое деятельное участие в реализации этого проекта. Вскоре после знакомства с Леппихом, который произвел на Ростопчина впечатление «искусного» и «опытного механика»[80], московский генерал-губернатор докладывал Александру I о том, что машина стала ему дорога, точно собственное дитя[81]. По всей вероятности, император возлагал на Леппиха большие надежды, так как с самого начала на постройку шара он не жалел средств. По свидетельству Ростопчина, на реализацию секретного проекта было потрачено около 320 тысяч рублей[82].

Непосредственно перед испытанием сконструированного Леппихом шара московский главнокомандующий издал специальную

---

[77] См.: Семенкевич Н.Н. Предтеча русского дирижабля // Вопросы истории. 1974. № 12. С. 204.

[78] Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. С. 156.

[79] Переписка императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным. 1812–1814 гг. // Русская старина. 1893. Т. 77. № 1. С. 174–175.

[80] Там же. С. 179.

[81] Письма графа Ф.В Ростопчина к императору Александру Павловичу. С. 427.

[82] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 264.

афишу, в которой он готовил горожан к предстоящему зрелищу: «Здесь мне поручено от государя было сделать большой шар, на котором 50 человек полетят, куда захотят: и по ветру, и против ветра; а что от него будет, узнаете и порадуетесь. Если погода будет хорошая, то завтра или послезавтра ко мне будет маленький шар для пробы. Я вам заявляю, чтоб вы, увидя его, не подумали, что это от злодея, а он сделан к его вреду и погибели»[83]. Есть сведения, что московские обыватели с немалым интересом встретили известие о скором испытании аэростата. По воспоминаниям Э.Г. Эрстрема, люди поднимались на колокольни, чтобы с их верхней площадки наблюдать столь необычайное зрелище[84]. Но шар, как известно, не появился. Вскоре Ростопчин должен был сообщить императору крайне неприятную новость «о неудаче Леппиха» и о своем намерении отправить изобретателя вместе «со всеми его приборами» в Нижний Новгород[85].

В связи с начавшимися в Москве пожарами появилась версия (высказанная в бюллетенях Наполеона[86]) о том, что в мастерской Леппиха создавались зажигательные снаряды, которые использовались агентами московского генерал-губернатора для поджога города. По-видимому, это обвинение было не безосновательным. Во всяком случае горючие материалы, изготовленные для шара, могли использоваться и для устройства поджогов. Многочисленные очевидцы тех событий независимо друг от друга свидетельствовали о том, что у так называемых поджигателей были специальные «ракеты» или «зажигательные приспособления»[87].

---

[83] Ростопчин Ф.В. Афиши 1812 года... С. 216.

[84] Эрстрем Э.Г. Для меня и моих друзей. С. 72–73.

[85] Письма графа Ф.В. Ростопчина императору Александру Павловичу. С. 528.

[86] См.: Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. М., 1823. С. 12.

[87] См.: Васютковский А.М. Французы в России. 1812 г. По воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. II. М., 1912. С. 5; 8; 35–36; 55. С.П. Мельгунгов так рассуждал об этом факте: «...Все французские мемуаристы, современники, участники великой армии – солдаты и офицеры без различия, действительно в один голос утверждают, что у поджигателей были «горючие материалы». Возьмем ли мы

По приказу Ростопчина 2 сентября местная полиция с пожарными обозами вместе с отступающей русской армией была отправлена из Москвы, а оставшиеся в городе пожарные трубы были приведены в негодность[88]. В Москве оставались добровольцы из числа полицейских, которые должны были доставлять Ростопчину оперативную информацию о ситуации в городе[89]. Факту вывоза из города пожарного инвентаря в тот момент, когда в нем оставалось много ценного и крайне необходимого для армии имущества, В.М. Холодковский в свое время дал однозначную оценку: «...Лишить город средств защиты от огня – значило готовить его к сожжению»[90].

Поскольку пожар возник еще до вступления в Москву наполеоновской армии и в короткий срок распространился повсеместно, можно заключить, что неосторожные или злонамеренные действия французских военных не были его основной причиной. Кроме того, в возникновении очагов возгорания (загорались в первую очередь склады, казенные магазины, дворцы, становившиеся резиденциями французских генералов и т. д.) просматривалась четкая система, что еще раз свидетельствует о существовании некоего плана, в соответствии с которым и распространялся грандиозный московский пожар. К тому же

сержанта Бургоня, возьмем ли кого-нибудь другого – мы встретим все одно и тоже в различных вариациях. Нет ничего более легкого, как утверждать, что все эти показания очевидцев недостоверны, что все это – позднейшие повторения официальной французской версии. Но есть ли для этого какое-нибудь основание: подчас рассказ очевидца отличается такой непосредственностью, что сразу можно увидать, где он рассказывает с чужих слов, по слухам, и где передает личные впечатления и наблюдения...» (см. Мельгунов С.П. Кто сжег Москву? // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М., 1912. Т. IV. С. 165).

[88] Коленкур А. де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. С. 141; Рунич Д.П. Записки. С. 602. Ростопчин впоследствии признавался в своих воспоминаниях в том, что накануне оставления Москвы приказал вывезти из нее пожарные трубы (см.: Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 308; он же: Правда о пожаре Москвы. М., 1823. С. 19).

[89] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 311.

[90] Холодковский В.М. Наполеон ли поджег Москву? // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 35.

основное затруднение, с которым столкнулись французские военные в борьбе с огнем, явилось полное отсутствие в городе пожарных труб. Известно, что французская сторона была осведомлена о готовящемся поджоге Москвы еще за несколько дней до вступления Наполеона в город. Илья Панков – агент французской разведки, посланный в Москву для получения сведений, в конце августа вернулся и доложил, в частности, и о планах московского главнокомандующего[91]. Еще одним аргументом в пользу того, что пожар Москвы был организован Ростопчиным, является авторитетное свидетельство следственного пристава П.И. Вороненко, состоявшего в 1812 г. в штате московской полиции и привлекавшегося во время войны к секретным делам. В «Записке», составленной им в 1836 г., упоминается, что 2 сентября 1812 г. от московского генерал-губернатора он получил секретное приказание «отправляться на Винный и Мытный дворы, Комиссариат <...>, и в случае внезапного вступления неприятельских войск стараться истребить все огнем». Приказание московского главнокомандующего было исполнено[92].

В многочисленных воспоминаниях современников – очевидцев московского пожара – отмечалась роль, которую сыграли в осуществлении поджогов выпущенные из московских тюрем преступники. Утверждение Ростопчина, что практически все преступники (730 человек), содержавшиеся в главной московской тюрьме, были отправлены им в Нижний Новгород еще 30 августа[93], не отвечает действительности. Даже такой близкий и преданный Ростопчину человек, как А.Я. Булгаков, отмечал в своем дневнике, что 2 сентября видел в Москве выпущенных колодников. Описывая страшную картину перед занятием города французами, А.Я. Булгаков упомянул, в частности, следующее: «У заставы нет никого. Кабак разбит. У острога колодники бегут; их выпустили, или они поломали замки сами. <...> Пожары в городе»[94]. Следует

---

[91] См.: Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 185.

[92] Вороненко П.И. «Записка». 1836 г. // 1812 год в воспоминаниях современников. С. 71.

[93] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 312–313.

[94] Заметки на память (А.Я. Булгакова) // Русский архив. 1866. № 5. С. 701–702.

признать, что версия, в соответствии с которой к поджогам Ростопчин привлекал выпущенных из острога преступников, была распространена не только в наполеоновской армии, но и среди московских жителей. К примеру, П. Лунин сообщал 18 сентября А. Арбеневу как вполне достоверное известие, что «в день входа неприятеля главнокомандующим и губернатором распущены были и отворены остроги находившимся в оных преступникам, кои, а не французы, грабят и жгут наши дома»[95]. А.Г. Хомутова, в свою очередь, вспоминала, что «никто не сомневался, что пожар был произведен по распоряжению графа Ростопчина: он приказал раздать факелы выпущенным колодникам, а его доверенные люди побуждали их к поджогу»[96]. Наконец, в рапорте генерал-майора Иловайского (от 16 октября 1812 г.), дававшего Ростопчину отчет о состоянии оставленной французами Москвы упоминается, что в течение двух дней в городе было переловлено более 200 зажигателей и грабителей – «по большей части выпущенных из острога преступников»[97]. Вероятно, выпущенные или бежавшие из острога преступники могли участвовать в поджогах, но едва ли возможно считать их прямыми исполнителями плана Ростопчина. Примечательно и то, что версия о московских колодниках как «организованной силе московского главнокомандующего» стала обрастать «фактами» и «свидетельствами очевидцев», главным образом, после того, как она была озвучена в бюллетенях Наполеона.

В течение августа месяца 1812 г. Ростопчин неоднократно (в устной и письменной форме) намекал или открыто говорил о возможности сожжения Москвы в случае, если город нельзя будет отстоять. 12 августа он писал П.И. Багратиону, ссылаясь на мнение московских жителей, следующее: «...Народ здешний по верности к Государю и любви к Отечеству решительно умрет у стен московских и если Бог ему не поможет в его благом предприятии, то, следуя русскому правилу: не доставайся злодею, обратит град в пепел и Наполеон получит вместо добычи место,

---

[95] Тартаковский А. Обманутый Герострат // Родина. 1992. № 6–7. С. 90.

[96] Там же.

[97] Рапорт генерал-майора Иловайского гр. Ростопчину 16-го октября 1812 года из Москвы // Русский архив. 1866. № 5. С. 696.

где была столица. О сем не худо и ему дать знать, чтобы он не считал на миллионы и магазейны хлеба, ибо он найдет уголь и золу»[98]. На следующий день Ростопчин повторил эту мысль и министру полиции: «Мнение народа есть следовать правилу: „не доставайся злодею". И если Провидению угодно будет, к вечному посрамлению России, чтоб злодей ея вступил в Москву, то я почти уверен, что народ зажжет город и отнимет у Наполеона предмет его алчности и способ наградить своих разбойников»[99]. По утверждению П.А. Вяземского, незадолго до вступления французов в Москву Ростопчин упомянул в разговоре с калужским губернатором П.Н. Кавериным и Н.М. Карамзиным «о возможности предать город огню и такою встречею угостить победителя»[100]. Даже в письме к императору от 14 августа московский генерал-губернатор предупреждал, что если Наполеон войдет в Москву, «он ничего не найдет в ней для удовлетворения своей алчности»[101]. А накануне пожара в письме к Александру I от 1 сентября Ростопчин уже клялся головой, «что Бонапарт войдет в Москву столь же пустынную, как и Смоленск <...>, если не истребит ее огонь»[102].

Сожжение Москвы означало гибель грандиозных планов Наполеона. Сами французы признавали, что пожар, которому сначала они не придали должного значения, моментально уничтожил все выгоды и достижения, которыми обладала «великая армия» Наполеона перед входом в Москву. «Хотя разрушение города и было большим ущербом для русских, – писал по этому поводу очевидец тех событий Вионне де Маренгоне, – однако эта потеря была для нас еще чувствительнее, так как позволяла нашим врагам извлечь все выгоды, связанные с их суровым климатом. <...> Русское правительство боялось, зная хитрость

---

[98] Письмо графа Ростопчина к князю Багратиону от 12 августа 1812 года // Русская старина. 1883. № 12. С. 651.

[99] Письмо графа Ф.В. Ростопчина к А.Д. Балашеву от 13-го августа 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников... С. 94.

[100] См.: Тартаковский А. Обманутый Герострат. С. 92.

[101] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу. С. 523.

[102] Там же. С. 530.

нашего вождя, как бы это самое население, далекое от возмущения против нас, не послужило бы орудием для выполнения наших планов. Боялось и того, что большинство сановников, увлекшись этим опасным примером или, прельстившись заманчивыми обещаниями, забудет интересы своей родины и согласится на все, чего потребует от них честолюбивый Наполеон. Чтоб предупредить это бедствие Ростопчин и зажег Москву, думая, что один уж этот великий пример поднимет энергию дворянства и пробудит в народе живую ненависть, жертвой которой должны сделаться мы. К тому же этот город был снабжен продовольствием на восемь месяцев и французская армия, занимая его, предполагала дождаться в нем весны и тогда двинуться в поход с резервными войсками, которые раскинулись лагерем в Смоленске и на Немане. Пожар в Москве принудил нас к быстрому отступлению в разгар самого сурового времени года»[103]. По словам личного секретаря Наполеона барона А.-Ж.-Ф. Фэна, московский пожар «спутал все карты» французского императора: заняв Москву, Наполеон надеялся заключить выгодный мир с Александром, в крайнем случае он собирался перезимовать в Москве, а весной возобновить военные действия. «То, что он не предвидел, что он не мог предвидеть, – уничтожение Москвы самими русскими, – выбило ту почву опоры, на которую опирался его план»[104], – писал Фэн.

Более того, пожар Москвы нанес и сильнейшее моральное поражение французам. Перед глазами всей Европы Наполеон и его «великая армия» представали в образе варваров, отдавших на сожжение и разграбление старинный русский город. Наконец, в самой России, где получила распространение официальная версия русского правительства, («Москва была сожжена французами»), это событие стало толчком к сильному патриотическому подъему во всех слоях русского общества.

Несмотря на очевидность руководящей роли московского генерал-губернатора в организации пожара (что, однако, не исключает поджогов, совершенных по личной инициативе русских патриотов, а также по неосторожности или злому умыслу французских оккупантов или русских мародеров), сам Ростопчин

---

[103] Васютковский А.М. Французы в России. 1812 г. С. 10.

[104] Цит. по: Холодковский В.М. Наполеон ли поджег Москву? С. 33.

официально никогда не брал на себя ответственность за эту акцию. В письмах к Александру I и своей жене (написанных им после занятия Москвы французами) он, действительно, упоминал о наличии у него плана сожжения Москвы, но подчеркивал, что заверения Кутузова, собиравшегося защищать первопрестольную столицу, лишили его возможности привести свой план в действие. «Я в отчаянии от его <т. е. Кутузова. – *А.М.*> изменнического образа действий в отношении ко мне; потому что, не имея возможности сохранить город, я бы его сжег, чтобы отнять у Наполеона славу завладения им, ограбления и потом предания пламени. Я бы показал французам, с каким народом имеют они дело»[105], – докладывал Ростопчин императору 13 сентября 1812 г. А несколькими днями ранее он писал жене: «Ты видишь, мой друг, что моя мысль поджечь город до вступления в него злодея была полезна. Но Кутузов обманул меня, а когда он расположился, накануне своего отступления от Москвы, в шести верстах от нея, было уже поздно. Французы ничего не нашли в Москве, но они могут говорить, что разграбили ее и сожгли ее; это все-таки торжество. Напротив, если бы они нашли один только пепел, Москва наполнила бы сердца солдат яростью, а они увидали бы, с каким народом имеют дело»[106].

Однако вопреки воле Ростопчина за ним как в России, так и в Европе прочно закрепилась слава организатора московского пожара. Даже за границей поступок Ростопчина не всегда вызывал одобрение. Князь Н.Б. Голицын, встречавшийся с Ростопчиным в Париже в 1822 г., отмечал, что репутация «зажигателя» приковывала к бывшему московскому главнокомандующему всеобщее внимание: «Куда [бы] он ни показывался, на него указывали пальцем, как на зажигателя. В балаганах появлялись вывески, где он изображен был каким-то чудовищем, с факелом в руках, зажигающим Москву <...>. И за два су можно

---

[105] Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу. С. 538. Месяц спустя в письме к императору Ростопчин в очередной раз указывал на свою непричастность к московскому пожару, заявив, что Кутузов нарушил его грандиозный план. «Скажи он мне два дня раньше, что оставит Москву, я бы выпроводил жителей и зажег ее», – писал он 13 октября из Владимира (там же. С. 551).

[106] Письма графа Ф.В. Ростопчина к супруге и дочери и заметки о 1812 годе. С. 472.

было видеть представление, достойное вывески». Сначала Ростопчин переносил эти карикатуры спокойно. Но так как «эти пасквильные представления не прекращались, а, напротив, воображение французов все выдумывало что-нибудь новое на его счет, то это наконец ему наскучило...» (Н.Б. Голицын[107]). Однако критика со стороны соотечественников имела более серьезный характер, выходя далеко за рамки балаганных представлений, и Ростопчин предпринял попытку официального опровержения своей роли в организации московского пожара.

В 1823 г. во Франции он издал книгу «La vérité sur l'incendie de Moscou» («Правда о пожаре Москвы»). В этом же году она появилась на русском языке в России[108]. Это сочинение явилось оправданием Ростопчина перед русской и европейской общественностью за предание огню древней столицы и гибель культурных ценностей Москвы и личного имущества многих и многих ее жителей. «Протекло десять лет со времени пожара Москвы, – писал Ростопчин в своей книге, – и я всегда представляем потомству и Истории как изобретатель такого происшествия, которое, по принятому мнению, было главнейшею причиною истребления неприятельских армий, падения Наполеона, спасения России и освобождения Европы. Без сомнения, есть чем возгордиться от таких прекрасных названий; но не присваивая себе никогда прав другого и соскучась слышать одну и ту же баснь, я решаюсь говорить правду, которая одна должна руководствовать Историею»[109].

У многих современников появление «Правды о пожаре Москвы» вызвало недоумение[110]. Но у Ростопчина, по-видимому, были веские основания публично отказаться от столь завидной

---

[107] Цит. по: Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. III. СПб., 1847. С. 157.

[108] Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. М., 1823.

[109] Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. С. 7.

[110] См., например: Глинка С.Н. Из «Записок о 1812 годе». С. 423; Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти // Дмитриев М.А. Московские элегии: Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1985. С. 298–299.

[111] См.: Высочайший рескрипт Императора Александра I графу Ростопчину от 14 ноября 1812 г. // Сын Отечества. 1812. № 9. С. 126–127.

славы «ниспровергателя» Наполеона: на родине и, главным образом, в самой Москве, он стал крайне непопулярной фигурой и нес личную ответственность за громадные материальные потери. Наконец, Ростопчин не мог открыто признаться в организации пожара еще и потому, что это противоречило официальной версии русского правительства, согласно которой Москву сожгла вступившая в нее наполеоновская армия. Официальная пропаганда, называя в документах конца 1812 г. представителей «великой армии» «презренными зажигателями», совершающими «неприличные» и «срамные» для воина дела[111], пользовалась мощным идеологическим оружием против врага.

Московский пожар стал кульминацией патриотической деятельности Ростопчина летом 1812 г. Это событие явилось радикальной мерой борьбы с деморализацией русских, вызванной неуклонным отступлением вглубь страны и сдачей без боя древней столицы.

Ростопчин встал во главе Москвы в судьбоносное для России время. Его незаурядная энергия и умение управлять умами и настроениями людей способствовали тому, что Москва сыграла свою роль в Отечественной войне 1812 года[112]. Для самого Ростопчина назначение на генерал-губернаторский пост стало крупной вехой в служебной биографии. Огромная власть и популярность, которыми он тогда обладал, были не в последнюю очередь обязаны специфике военного времени. Как точно выразился П.А. Вяземский, Ростопчин в ту пору был «именно человек, соответствующий обстоятельствам»[113].

---

[112] «Ты не знаешь, что было в Москве с конца июля», – писала М.А. Волкова В.И. Ланской. «Лишь человек подобный Ростопчину мог разумно управлять умами, находившимися в брожении и тем предупредить вредные и непоправимые поступки. Москва действовала на всю страну, и будь уверена, что, при малейшем беспорядке между жителями ея, все бы всполошилось. <...> Я чувствую к нему величайшую благодарность и вижу милосердие Божие в том, что во главе Москвы в тяжелые минуты находился Ростопчин. Будь у нас прежний начальник, Бог знает, что бы с нами было теперь» (см.: Письма М.А. Волковой к В.И. Ланской. Стб. 2413–2414).

[113] Вяземский П.А. Воспоминания о 1812 годе // Русский архив. 1869. № 1. С. 184.

ГЛАВА V
ИДЕЙНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ Ф.В. РОСТОПЧИНА В 1812–1825 гг.

5.1. Опала и отставка

2 сентября Ростопчин покинул Москву и присоединился к отступающей русской армии. В то время, как он писал Александру I о разложении армии, о бездействии командования и о полном разорении страны, в своих посланиях к народу он был более оптимистичен. Ростопчин призывал местных крестьян дать энергичный отпор врагу. «Истребим достальную силу неприятельскую, погребем их на Святой Руси, станем бить, где ни встренутся <так в тексте. – *А.М.*>. Уж мало их и осталося, а нас сорок миллионов людей, слетаются со всех сторон, как стада орлиные. <...> Не робейте, братцы удалые, дружина московская, и где удастся поблизости, истребляйте сволочь мерзкую, нечистую гадину...»[1], – писал Ростопчин в очередной афише от 20 сентября 1812 г. Неслучайно историк русской армии А.А. Керсновский поставил Ростопчина в один ряд с такими «вождями всенародного движения» в партизанской войне 1812 года как Д.В. Давыдов, А.Н. Сеславин, И.С. Дорохов, А.С. Фигнер[2].

Известие об оставлении французами Москвы застало Ростопчина во Владимире. При первой же возможности он вернулся в Москву. Вид сгоревшего и разрушенного города произвел на него настолько сильное впечатление, что он «так расстроился,

---

[1] Ростопчин Ф.В. Афиши 1812 года, или Дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 219–220.

[2] Керсновский А.А. История русской армии. Т. I. М., 1999. С. 258.

что занемог»[3]. Тогда он думал, что «Москва никогда не оправится»[4]. Тем не менее, сразу после своего возвращения в Москву Ростопчин энергично занялся решением первоочередных задач по налаживанию жизни в городе. «Вы себе представить можете, сколько мне дела и как теперешнее мое положение еще заботливей и трудней летнего. Тогда все было в чаду, в жару и бреду, а теперь, в естественном положении, все на ногах. Но здесь многие могут умереть с голоду и холоду и все у меня на руках»[5], – писал Ростопчин в ноябре 1812 г. А.А. Закревскому. Чтобы справиться с разрухой и бедственным положением населения, Ростопчин прикладывал тогда колоссальные усилия, хотя средств на это явно не хватало. «Что народу памятник из пушек и храм Христа Спасителя? До сего времени у меня нет ни копейки для бедных, и если бы не остатки чрезвычайных сумм и мои собственные деньги, верных пять тысяч человек умерло бы с голода и нищеты»[6], – обрисовывал сложную обстановку Ростопчин в письме к графу М.С. Воронцову (январь 1813 г.).

Почти сразу после возвращения в Москву Ростопчин организовал работу по восстановлению и строительству жилых домов. В результате, к концу 1812 г. в Москву вернулось около 64-х тысяч жителей, возобновили работу почти все присутственные места, началась регулярная работа почты, с успехом налаживалась и городская торговля. Но несмотря на весьма успешную деятельность Ростопчина по восстановлению Москвы и по нормализации жизни горожан, его популярность с конца 1812 г. резко упала. В это время Ростопчин не обладал и малой долей того влияния, которым он пользовался в летние месяцы 1812 г. Ростопчина (как организатора пожара) считали тогда главным виновником гибели имущества многих жителей Москвы. Так, в начале 1813 г. Н.М. Лонгинов высказывался в письме к С.Р. Во-

---

[3] Письма графа Ф.В. Ростопчина к Д.И. Киселеву (1812–1815) // Русский архив. 1863. С. 814.

[4] Письма А.Я. Булгакова к Н.В. Булгаковой // Русский архив. 1866. С. 727.

[5] Письма графа Федора Васильевича Растопчина к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому 1812–1824 гг. // Сб. РИО. Т. 73. СПб., 1890. С. 460.

[6] Письма графа Ф.В. Ростопчина к графу М.С. Воронцову и к его отцу // Русский архив. 1908. № 6. С. 272.

ронцову о Ростопчине следующим образом: «...Мнение общества и публики в общем теперь таково, что все окончательно изверились в него <Ростопчина. – *А.М.*> настолько же, насколько раньше верили в его бахвальство. Надо предположить, что Москву мы сожгли наравне с французами; по крайней мере об этом говорят, потому что он вывез из города все пожарные трубы, чтобы не тушить огня. Словом, город сгорел, и делать нечего». Н.М. Лонгинов также сообщал, что у Ростопчина «нет ни одного друга в Москве, и там его каждый день клянут все. Даже народ ненавидит его теперь в такой же степени, как был раньше им возбужден»[7]. Примечательно, что подобным образом о Ростопчине судил человек из Петербурга, близкий ко двору и лично не пострадавший ни от пожара, ни от иных мероприятий московского главнокомандующего. Как видно, устами Н.М. Лонгинова говорило общественное мнение Петербурга, которое возникло не только под влиянием характерных настроений Москвы, но и независимо от них, как сигнал об изменении настроя в «верхах».

О крайней непопулярности московского главнокомандующего из самой Москвы писал в Петербург П.И. Голенищев-Кутузов. По свидетельству попечителя Московского университета, Ростопчина теперь «публично» ругают на площади, он почти не появляется на улице, а если и выезжает, то лишь днем «да и то с конвоем, до 90 человек»[8]. Примечательно, что это письмо было адресовано министру народного просвещения графу А.К. Разумовскому, которого, как человека не без влияния и власти, П.И. Голенищев-Кутузов просил «позаботиться о бедной Москве», настоящим бедствием которой стал ее начальник[9]. О том, что общественное мнение Москвы в тот период было, действительно, расположено далеко не в пользу Ростопчина, свидетельствуют и воспоминания князя П.А. Вяземского. По его словам, «разлад между Ростопчиным и Москвой доходил до высшей степени»[10]. В конце 1812 г. М.А. Волкова также писала о том, что многие

---

[7] Из писем Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1912. № 6. С. 46.

[8] Письма П.И. Голенищева-Кутузова к гр. А.К. Разумовскому // Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 392.

[9] Там же. С. 393.

[10] Вяземский П.А. Старая записная книжка, начатая в 1813 г. в Москве // Девятнадцатый век. М., 1872. С. 278–279.

в Москве Ростопчиным «недовольны», и, прежде всего, в связи с потерей имущества. Впрочем, сама Волкова считала, что «Россия должна быть благодарна» Ростопчину: «Мы лишились мебели, вещей, зато сохранили некоторого рода внутреннее спокойствие» [11].

Зная, что сожжение Москвы не у всех русских впоследствии вызовет сочувствие, Ростопчин позаботился о том, чтобы его положение мало чем отличалось от того, в котором оказалось большинство москвичей. В двух своих московских домах он оставил полную обстановку: картины, книги, мраморные вещи, фарфор, экипажи и пр. «Хотя я и наперед был уверен, что все это будет разграблено, – писал он в конце жизни, – но хотел понести те же потери, какие понесены были другими, и стать на один уровень с жителями, имевшими в Москве свои дома. Каких-нибудь двадцать телег могли бы увезти всю эту обстановку, стоившую полмиллиона; в распоряжении моем находились тысячи лошадей, да кроме того еще лошадей 500 могли бы быть доставлены из поместья моего Воронова, – но таковы уже были побудительные причины моего пожертвования. На него в то время не обратили внимания, впоследствии над ним издевались, и со мною повторилось то же, что часто бывает, т. е. что благородные, необдуманные порывы приписываются или глупости, или корыстному расчету» [12].

---

[11] Письма М.А. Волковой к В.И. Ланской // Русский архив. 1872. № 12. Стб. 2413–2414.

[12] Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 310–311. Ростопчин, как известно, собственноручно поджег свое имение Вороново. Этот поступок произвел огромное впечатление как в России, так и в Европе. Наполеон, желая выставить московского генерал-губернатора «на посмешище», послал текст афиши Ростопчина, оставленной им в Вороново, в Париж. Однако, как вспоминал А. де Коленкур, «результат был совершено противоположный. Афиша произвела огромное впечатление на всех мыслящих людей...» (см.: Коленкур А. де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 147–148). «Жители этой земли, число 1720 душ покидают ее при вашем приближении, а я поджигаю мой дом, дабы он не был запятнан вашим присутствием. Французы, я оставляю вам два моих дома в Москве с обстановкой стоимостью в полмиллиона рублей; здесь вы найдете только пепел», – гласил текст афиши Рос-

По словам осведомленного А.Я. Булгакова, «предводителем недовольных» в Москве был начальник Кремлевской экспедиции Петр Степанович Валуев, которого Ростопчин «только что в глаза не ругал»[13]. Свое крайнее раздражение против П.С. Валуева Ростопчин демонстрировал тогда открыто. Как-то одной даме, которая начала говорить ему «довольно двусмысленно» о московском пожаре и о понесенном ею и многими другими разорении, он ответил: «Откуда берете вы, сударыня, эти вести? Верно от Валуева! Да скажите ему один раз навсегда, что вести, сообщаемые ему Наполеоном, ложны. Я сжег Вороново, потому что это моя собственность: я не хотел, чтобы мое мирное, любимое жилище было осквернено присутствием французов. Я сожалею о ваших потерях, но не сожалел бы ни мало, узнавши, что дом Валуева сгорел, что в Московском пожаре сам Валуев изжарился, или был повешен!»[14]

Неприязнь П.С. Валуева к московскому главнокомандующему отразилась в их переписке начала 1813 г.[15] Начальник Кремлевской экспедиции предстал в ней не только личным противником Ростопчина, но и активным распространителем, а возможно, и творцом «вредных» слухов о якобы свирепствующих в Москве и ее окрестностях болезнях[16]. Речь идет именно о тех слухах, с которым всеми силами боролся московский генерал-губернатор, желавший скорейшего возвращения Москвы к нормальной

топчина (см.: Записка на французском языке, приклеенная к церковной двери в селе Воронове на Калужской дороге // Ростопчин Ф.В. Сочинения. СПб., 1853. С. 197–198).

[13] Булгаков А.Я. Воспоминания о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федра Васильевича Ростопчина // Старина и новизна. 1904. Кн. 7. С. 101. Известно, что П.С. Валуев отличался «необыкновенной задирчивостью» и тем самым с легкостью наживал себе врагов (см.: [Дашков П.Я.] Ссоры мои с тремя министрами. (Из переписки П.С. Валуева) // Русская старина. 1901. № 4. С. 43).

[14] Булгаков А.Я. Воспоминания о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федра Васильевича Ростопчина. С. 101–102.

[15] См.: Переписка графа Ростопчина с начальником Кремлевской экспедиции Валуевым (в 1813 году) // Библиографические записки. 1861. Т. III. Стб. 19–23.

[16] Переписка графа Ростопчина с начальником Кремлевской экспедиции Валуевым... Стб. 19.

жизни. Так, в одной из своих афиш этого периода Ростопчин писал: «По дошедшим до меня слухам, в разных местах думают, говорят, а иные и верят, что в Москве есть заразительные болезни. Доказательством, что их не было и нет, служит приезд ежедневно множества здешних жителей...» Однако надежды московского генерал-губернатора на то, что с этим объявлением прекратятся «нелепые слухи, распространенные легковерием и выпущенные <...> каким-либо лжецом, трусливым болтуном или из ума выжившим стариком»[17], не оправдались. Вскоре после публикации этой афиши Валуев отправил Ростопчину письмо, состоящее из многочисленных упреков, жалоб и обвинений. Валуев, в частности, высказал в нем свое недоумение относительно того, как вообще можно возвращаться в Москву, где от «зловреднаго воздуха каждодневно размножается число больных и умирающих». По собственным признаниям Валуева, он и сам не остался бы в Москве, если бы не важность занимаемого им поста[18].

В действительности, взаимная неприязнь Валуева и Ростопчина питалась отчасти идейными разногласиями. Афишируемая Ростопчиным масонофобия и репрессии, которым он подверг московских масонов, не могли не затронуть Валуева. Дело в том, что последний был не просто рядовым членом масонской ложи, но имел прочные масонские связи в высших кругах столичного общества, в том числе и при дворе. Жена Валуева, Дарья Александровна, являлась родной сестрой Родиона Александровича Кошелева – крупного государственного деятеля, приближенного Александра I, и одновременно знаковой фигуры русского масонства конца XVIII – начала XIX вв. (он оказал существенное влияние на формирование взглядов и направление политики известного обер-прокурора Святейшего синода князя А.Н. Голицына)[19]. Таким образом, подвергая открытой критике деятельность московского генерал-губернатора, Валуев мог чувствовать себя в новых условиях вполне уверенно. Его слова имели немалый вес не только в Москве, но и в Петербурге.

---

[17] Ростопчин Ф.В. Афиши 1812 года... С. 221.

[18] Переписка графа Ростопчина с начальником Кремлевской экспедиции Валуевым... Стб. 19.

[19] См.: Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 428.

Примечательно, что активную «пропаганду» «страшной эпидемии», якобы распространившейся в Москве и в ее окрестностях, вел в своей переписке с А.К. Разумовским и П.И. Голенищев-Кутузов[20]. В письмах к министру народного просвещения он изображал Ростопчина в виде сумасшедшего деспота, правлением которого в Москве недовольны все без исключения. По словам попечителя Московского университета, все «состояния, команды, частные люди» Москвы желают одного, чтобы «скорее Бог избавил от этого начальника»[21].

Валуев и Голенищев-Кутузов были наиболее яркими и сильными представителями мощной дворянской оппозиции Москвы, восставшей против своего генерал-губернатора. Ростопчин был низвергнут, прежде всего, теми, кто более всего пострадал от его административной деятельности. В данном случае речь не идет исключительно о материальных потерях, понесенных горожанами во время московского пожара, но в целом о генерал-губернаторстве Ростопчина. В военное время методы, которыми пользовался в своей административной практике Ростопчин, встречали одобрение не только средних и низших социальных слоев Москвы, но и молчаливое согласие московской аристократии. Сильный патриотический подъем, захвативший русское общество в 1812 г., стал причиной того, что политика московского генерал-губернатора воспринималась обществом с пониманием и сочувствием. И несмотря на то, что некоторые элементы генерал-губернаторства Ростопчина (демонстративное игнорирование сословных перегородок, апелляция к простому народу, борьба с так называемым масонским заговором) имели в той или иной степени антидворянский подтекст, летом 1812 г. все это не могло вызвать серьезной критики. С окончанием Отечественной войны отношение к деятельности Ростопчина на посту московского главнокомандующего резко изменилось потому, что местное дворянство по-другому взглянуло на политику генерал-губернатора. В результате, Ростопчина стали критиковать и порой весьма сильно именно за те меры и действия, за которые еще совсем недавно превозносили. И главным обвинением в адрес

---

[20] Письма П.И. Голенищева-Кутузова к гр. А.К. Разумовскому. С. 392.

[21] Там же. С. 406; 410.

Ростопчина было злоупотребление властью. Таким образом, именно П.С. Валуев, П.И. Голенищев-Кутузов, А.Д. Бестужев-Рюмин, испытавшие на себе административную жесткость московского главнокомандующего, выступили главными творцами антиростопчинского мифа в сознании современников и потомков[22].

Окружение Александра I также способствовало формированию негативного образа Ростопчина. Еще во время войны императору указывали на недопустимое превышение Ростопчиным должностных полномочий, его чрезмерную самостоятельность и независимость от верховной власти. Так, в письме Александру I от 17 августа 1812 г. министр внутренних дел О.П. Козодавлев, коснувшись недавней высылки из Москвы Ключарева, писал: «Признаюсь, всемилостивейший Государь, что в первом движении подумал я, что почтдиректор Ключарев из Москвы бежал; ибо не имея и не видя указа, ни Высочайшего Вашего предписания, не мог я себе представить, чтоб отсутствием почтдиректора могла быть ссылка его, и *что в каком бы то ни было государстве, начальник города мог кого-нибудь, а тем менее такого чиновника, каков есть почтдиректор отправить самовластно в ссылку* <курсив мой. – *А.М.*>»[23]. Однако до оставления Москвы Александр I не показывал Ростопчину своего недовольства как им лично, так и его деятельностью.

Важной причиной, по которой Ростопчин стал терять власть и авторитет в Москве после окончания войны, явилась перемена в отношении к нему со стороны императора. Трагическая развязка дела Верещагина дала Александру I повод открыто

---

[22] Следует напомнить, что именно пристрастные воспоминания А.Д. Бестужева-Рюмина часто служили и служат едва ли не основным источником при характеристике личности Ростопчина и его деятельности на посту московского главнокомандующего. Распространение негативных стереотипов в оценке генерал-губернаторства Ростопчина является следствием особой популярности этого источника в либеральной историографии (см.: Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году // ЧОИДР. 1859. Кн. II. Ч. V. С. 65–97).

[23] Отечественная война 1812 года. Отдел I. Переписка правительственных лиц и учреждений. Т. XVI. Боевые действия в 1812 г. (Август месяц). СПб., 1911. С. 79.

выразить свое недовольство Ростопчиным[24], которого он почти всегда не любил. Александр был вынужден воспользоваться услугами Ростопчина в 1812 г., так как, с одной стороны, того требовало общественное мнение, а с другой, настаивала великая княгиня Екатерина Павловна. Назначив Ростопчина московским главнокомандующим, он, таким образом, исполнил желание своей сестры и продемонстрировал лояльность по отношению к мощной консервативной оппозиции, сместившей до этого Сперанского.

Победоносное завершение войны заметно укрепило в русском обществе авторитет самого Александра I[25]. Он мог больше не оглядываться на консервативную оппозицию и уверенно действовать в соответствии с собственными взглядами и принципами, которые оставались, как и прежде в своей основе либеральными и космополитическими[26]. Патриотический пафос, национализм, как составляющие мировоззрения и политики Ростопчина, востребованные в свое время обществом и императором, оказались с окончанием Отечественной войны и заграничных походов ненужными. Напротив, в идеологическом пространстве Российской империи ведущее место заняли идеи космополитизма, универсализма и неправославного мистицизма, что, как никогда отвечало настроениям императора. Так, Ростопчин, во время войны информировавший Александра I о происках мартинистов, продолжал столь же исправно писать ему об этом и впоследствии, вызывая тем самым раздражение увлеченного мистицизмом монарха. Очевидно, Александру I была известна однозначная позиция Ростопчина в отношении Библейских обществ. Их создание московский генерал-губернатор приписывал все тем же «козням» мартинистов, устраивающих эти общества «во вред государству». Жесткую позицию Ростопчина

---

[24] Переписка императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным. 1812–1814 гг. // Русская старина. 1893. Т. 77. № 1. С. 183–184.

[25] См.: Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. 165.

[26] О либеральном характере идеологии Священного союза см.: Вишленкова Е.А. Указ. соч. С. 147.

в отношении Библейских обществ обрисовал в письме к А.К. Разумовскому П.И. Голенищев-Кутузов. Он просил министра народного просвещения донести эту информацию до князя А.Н. Голицына[27] – влиятельнейшего обер-прокурора Святейшего синода и приближенного Александра I.

Ростопчин остро чувствовал и переживал немилость императора, в которую он впал вскоре после потери Москвы. Позиция русского общества и, главным образом, высших кругов, возглавивших открытую травлю Ростопчина, едва ли была независимой от мнения двора. Высказывать одобрение в адрес московского генерал-губернатора становилось тогда почти неприличным, и это делалось, вероятно, не без оглядки на императора. Н.М. Лонгинов, пересказывая в своем письме к С.Р. Воронцову все наиболее резкие и распространенные обвинения в адрес Ростопчина, поспешил заверить своего корреспондента в том, что его негативное мнение о личности и образе действий московского главнокомандующего сложилось независимо от влияния двора и друзей[28]. Однако спустя всего несколько месяцев автор письма признавался в том, что его представления о Ростопчине возникли все же не без влияния извне. Он оправдывал себя тем, что был не в силах в одиночку противостоять общественному мнению о московском главнокомандующем, которое выразилось в 1812 г. «так ярко и наглядно»[29].

(В воспоминаниях Натальи Федоровны Нарышкиной – старшей дочери Ростопчина – запечатлен эпизод, который иллюстрирует непосредственную связь между немилостью Александра I к Ростопчину и отношением к нему со стороны русского общества. Так, размышляя над прочитанным стихотворением В.А. Жуковского «Певец в стане русских воинов», Ростопчин заметил: «Если Гомер жил бы в наше время, я думаю, что он счел бы меня достойным фигурировать среди Гектора и Ахилла, но Жуковский в своей «Илиаде» *боится не понравиться императору* <курсив мой. – *А.М.*>, говоря обо мне»[30].)

---

[27] Письма П.И. Голенищева-Кутузова к гр. А.К. Разумовскому. С. 410.

[28] Из писем Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову. С. 46.

[29] Там же. С. 56–57.

[30] Цит. по: Мельгунов С.П. Родственники о Ростопчине // Голос минувшего. 1915. № 7–8. С. 247.

Сразу после возвращения императора из заграничного похода, 30 августа 1814 г. Ростопчин был отправлен в отставку. Причем кроме Ростопчина в этот же день отставку получили другие консерваторы – А.С. Шишков и И.И. Дмитриев.

Увольнение Ростопчина от должности московского главнокомандующего сопровождалось его назначением в члены Государственного Совета. Но с этого момента его сколько-нибудь заметная государственная деятельность закончилась. В это же время снизилась и общественно-политическая активность Ростопчина. Из человека публичного и государственного он превратился в частное лицо, оставаясь в этой роли до конца жизни. Подводя итог своей деятельности, в 1816 г. Ростопчин писал А.Я. Булгакову: «У меня совесть чиста касательно всего, что делалось и делается. В прошлом я перешагнул через долг преданного подданного и действовал как одержимый или азиат под влиянием опиума; в настоящем – я говорил, я писал, я стонал и, имея в виду сохранить себя для моей семьи, <...> отправляюсь за поиском здоровья»[31]. Это письмо Ростопчин написал, собираясь на лечение в Италию.

Поздравляя Ростопчина с назначением на пост московского генерал-губернатора, Н.М. Карамзин заметил, «что едва ли не поздравляет он Калифа на час»[32]. Его слова оказались пророческими. Важность этого поста в 1812 г. была соразмерна той ответственности, которую Ростопчин вынужден был нести не только перед жителями Москвы, но и перед целой Россией.

5.2. Общественно-политические взгляды Ф.В. Ростопчина в эпоху Священного союза

В последние годы жизни Ростопчин много времени провел за границей, поправляя свое расстроенное здоровье и спасаясь от недоброжелательства соотечественников. Опала, которой подвергло Ростопчина русское общество, немилость монарха и отставка с генерал-губернаторского поста были едва ли не основными

---

[31] ОПИ ГИМ. Ф. 222. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 157.

[32] Вяземский П.А. Воспоминания о 1812 годе // Русский архив. 1869. № 1. С. 185.

причинами, по которым в 1815 г. он фактически эмигрировал в Европу и оставался за границей в течение восьми лет.

Победоносное окончание Отечественной войны и заграничных походов, противником которых наряду с М.И. Кутузовым и А.С. Шишковым был Ростопчин[33], изменило культурную и политическую атмосферу в государстве. В новых условиях Ростопчин не мог надеяться на то, что встретит хотя бы долю той общественной поддержки, которой он пользовался в период с 1806 по 1812 г. При всем притом его оппозиционность правительственному курсу в этот период была не меньше, чем в 1801–1812 гг., когда авторитет власти неуклонно падал, а консервативная оппозиция, напротив, набирала силу. В послевоенные годы общественно-политическое положение Ростопчина становилось весьма непрочным. В ситуации, когда он оказался за пределами общественно-политической жизни России, заграничное путешествие, вероятно, спасло его от глубокой депрессии и одновременно расширило кругозор консерватора, благодаря приобретенному в Европе опыту.

В 1815 г. Ростопчин предпринял свою первую поездку на воды в Теплиц и в Пирмонт. Впечатления от этого путешествия остались в его «Путевых записках 1815 года», где он довольно живо, со свойственной ему иронией, описывал дорогу из России в Германию. Среди безобидных рассуждений о немецком национальном характере Ростопчин позволил себе резкие выпады против французов, в очередной раз демонстрируя свою галлофобию. Вредным следствием Французской революции Ростопчин считал распространение не столько революционных идей, сколько французского образа жизни и «развращенности» в ходе победоносного шествия французских войск по Европе[34]. Наиболее мощным средством влияния французов на другие европейские народы Ростопчин называл французский язык: «Французский язык – нравственная чума рода человеческого, и как бы нарочно его стараются всюду вво-

---

[33] «Я все держусь того мнения: выгони французов из России, истреби грабежи, стань на своей границе и спи спокойно», – считал тогда Ростопчин (см.: Письма графа Федора Васильевича Ростопчина к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому. С. 463).

[34] Ростопчин Ф.В. Из путевых записок 1815 года // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 235.

дить. Если вся Европа сделается Францией, она станет пустынею через какие-нибудь 50 лет. Последний из ее обитателей будет принужден бежать в какую-нибудь другую часть света, и там хорошо сделают, если его запрут в дом сумасшедших»[35].

В следующем году Ростопчин снова отправился на европейский курорт. Уезжая в Карлсбад, он предполагал пройти курс лечения и вскоре вернуться на родину, однако в Россию он приехал лишь в 1823 г. за два года до смерти. Во время этой поездки Ростопчин посетил Берлин, Карлсбад, Штутгардт, Франкфурт-на-Майне и, наконец, обосновался в Париже. К удивлению Ростопчина, всюду его ожидал самый теплый и радушный прием. Его популярность в Европе была тогда по-настоящему огромной. Он даже жаловался А.Ф. Брокеру на то, что иностранцы его «совсем замучили любопытством»[36]. Во всех землях, которые проезжал он (в Германии, во Франции, в Англии), его встречали «с изъявлением величайшего нелицемерного почтения»[37]. О приезде Ростопчина писали местные газеты, что еще больше подогревало интерес европейцев к знаменитому московскому генерал-губернатору, которого Наполеон прозвал «русским Маратом»[38]. «Более двадцати лиц, совершенно мне незнакомых, выразили желание повидать меня <...>, – писал Ростопчин в письме к жене. – Я видел г-жу Свечину, и она назвала мне дюжину лиц, которые умоляли ее заполучить меня к ней. <...> Я возбудил интерес подобно морскому чудовищу или слону; удивились, найдя во мне человека простого, добродушного и в достаточной мере оригинального...»[39]

---

[35] Там же.

[36] Письма гр. Ф.В. Ростопчина к А.Ф. Брокеру // Русский архив. 1868. № 9. Стб. 1885–1886. В Европе, в отличие от России, Ростопчин приобрел популярность сразу после войны 1812 г. Н.М. Лонгинов, к примеру, с «великим изумлением» узнал в начале 1813 г. о том, насколько «громко воспевают в Англии великие деяния графа Ростопчина» (см.: Письма Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову. С. 45). Действительно в Лондоне одна из улиц была названа Ростопчинской.

[37] Булгаков А.Я. Биография графа Федора Васильевича Растопчина // Отечественные записки. 1826. № 72. С. 71.

[38] См.: Письма А.Я. Булгакова к Н.В. Булгаковой // Русский архив. 1866. С. 707.

[39] Цит. по: Кизеветтер А.А. 1812 г. Ф.В. Ростопчин // Кизеветтер А.А. Исторические отклики. М., 1915. С. 96.

По воспоминаниям Варнгагена фон Энзе, на Ростопчина смотрели в Европе еще и «с некоторым содроганием» как на организатора страшного московского пожара[40]. Стоит сказать, что к Ростопчину проявляли немалый интерес не только многочисленные представители европейской аристократии, но и монаршие особы. В Париже Ростопчин удостоился аудиенции Людовика XVIII, в Теплице был принят прусским королем, а в Лондоне английский король не только лично принял у себя бывшего московского генерал-губернатора, но и подарил Ростопчину особенно понравившуюся ему картину работы Леонардо да Винчи[41].

С осени 1816 г. Ростопчин жил в Париже. Незадолго до приезда он писал С.Р. Воронцову, жившему в то время во французской столице: «Жертвую вам Италией и отправляюсь в Париж. Прошу вас заранее иметь в виду, что только вы один привлекаете меня туда, ибо не только у меня нет охоты видеть этот город, но испытываю даже какое-то отвращение от мысли, что мне предстоит туда ехать»[42]. Оказавшись во Франции, Ростопчин должен был с удивлением отметить, что французы у себя дома «совсем иные, нежели вне своей страны»[43]. В Париже, как и в других городах Европы, Ростопчину был оказан радушный прием. «Нет учтивости, внимания и уважения, которые бы мне здесь не оказывали, и я доволен, что Московские сие видят и, может быть, узнают в Париже, что я нечто сделал полезное для России в 1812 году»[44]. Впрочем, по прошествии всего двух лет Ростопчин должен был признать, что Париж ему по-прежнему «довольно приятен, но французы несносны». «Они сперва покажутся любезны, потом станут тягостны и кончат, сделавшись отвратительными»[45], – писал он А.А. Закревскому.

---

[40] Граф Ф.В. Ростопчин (из Воспоминаний Варнгагена фон Энзе) // Московские ведомости. 1859. № 234. С. 1694–1695.

[41] Булгаков А.Я. Биография графа Федора Васильевича Растопчина. С. 69–70.

[42] Письма Ф.В. Ростопчина С.Р. Воронцову // Архив князя Воронцова. Кн. VIII. Ч. I. М., 1876. С. 321.

[43] Цит. по: Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 96.

[44] Письма графа Ф.В. Ростопчина к А.Ф. Брокеру. Стб. 1897.

[45] Письма графа Федора Васильевича Ростопчина к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому. С. 468.

Жизнь в Европе предоставила Ростопчину богатую пищу для размышлений над такими достижениями западной цивилизации, как политические свободы, парламенты, конституции, партийная деятельность и т. д. Сохраняя верность принципу сильной единоличной власти, Ростопчин резко высказывался в эти годы против ее ограничения и разделения. В эти годы он живо интересовался современной европейской политикой, откликаясь критическими замечаниями на те или иные события политической жизни Европы. «Я пробыл две недели в Штутгардте, – сообщал Ростопчин А.Ф. Брокеру летом 1817 г., – и был свидетелем распущения депутатов, которые хотели прибрать к себе в руки управление королевством. Немцы на вольности и на бунтах совсем помешались, и Французская революция с полымя перешла на ледник. Трудно ныне царствовать: народ узнал силу и употребляет во зло вольность»[46]. Антилиберализм Ростопчина сделался в эти годы откровеннее и ярче.

Свои многолетние наблюдения за политической жизнью Франции Ростопчин отразил в записке «Картина Франции 1823 года»[47], созданной незадолго до его возвращения на родину и представленной Александру I. Эта записка – своеобразный опыт осмысления русским консерватором Запада как культурного и политического явления. Характерной особенностью этого сочинения Ростопчина является сочетание в нем резких антифранцузских выпадов страстного галлофоба с достаточно глубокими историософскими рассуждениями о западной цивилизации и порожденном ей либерализме. «Француз – самое тщеславное и корыстное существо в мире, – писал Ростопчин. – Господствующая страсть его – стремление к упрочению своего благополучия; главное его занятие – пресмыкание у источника всех благ земных. <...> Француз – неспокоен от природы; он живет в прошлом, мечтает в настоящем и беззаботен на счет будущего; он определяет свое существование 24-мя часами. Он изменяет свои мнения также быстро как и моды, подверженный всем возможным влияниям, неспособный на истинное чувство,

---

[46] Письма графа Ф.В. Ростопчина к А.Ф. Брокеру. Стб. 1904.

[47] Картина Франции 1823 года. Представлена Александру Павловичу графом Ф.В. Ростопчиным // Русский архив. 1872. № 5. Стб. 965–985.

он – постоянная жертва минутных ощущений и всегда готов совершить какую-нибудь нелепость. В нем слово постоянно предшествует мысли; действие – причине и все его существование – какая-то случайность»[48]. Париж, на взгляд Ростопчина, являл собой некое средоточие западного мира, его достижений и блеска и, одновременно, всех его пороков. «Этот громадный город, поглощающий всю страну и развращающий окончательно всю нацию, как какое-то чудовище, соединяет в себе всю жизнь, всю правительственную силу и всю связующую нить Франции. <...> Этот город, которого четвертая часть, по крайней мере, состоит из лавок и магазинов, насчитывает всего до 700 000 жителей, из них <...> пять или шесть тысяч человек не знает, куда им на ночь преклонить голову; а пять или шесть тысяч капиталистов в то же время ожидают в совершенном бездействии конца своего бесплодного, себялюбивого существования»[49], – обличал он тем самым порочность всего буржуазного мира.

Изображая политическую жизнь буржуазной Франции, Ростопчин не жалел самых мрачных красок. Со свойственным ему пессимизмом он отмечал, что Франция после революции даже при усилии консервативных сил не способна прийти к стабильности и порядку[50]. Во-первых, во Франции отсутствует сильная и авторитетная власть, так как ее законный правитель не пользуется каким-либо влиянием в своей стране. Во-вторых, во всем государстве нет какой бы то ни было политической силы, поддерживающей своего короля и защищающей, прежде всего,

---

[48] Картина Франции 1823 года. Стб. 965–967. «Француз создан для того, чтобы хорошо танцевать, часто шутить, постоянно кого-то высмеивать и никогда не думать», – так Ростопчин характеризовал типичного представителя французской нации в еще одном сочинении этого периода (Ce que j'ai lu, vu et entendu 1818 et 1819 // Œuvres inédites du comte Rostopchine publieés par la comtesse Lydie Rostopchine: Avec une étude sur le gouverneur de Moscou par Jean de Bonnefon. Paris, [1894]. P. 121).

[49] Картина Франции 1823 года. Стб. 968.

[50] Несколькими годами ранее Ростопчин следующим образом охарактеризовал политический образ современный ему Франции: «Это нация без рассудка, трон без короля, монарх без действия, власть без веса, политика без замысла и династия без будущего» (Ce que j'ai lu, vu et entendu 1818 et 1819. P. 128–129).

интересы Франции, а не свои личные. По наблюдению Ростопчина, роялисты, олицетворяющие консервативные силы Франции, своими интригами и «козни» внушают к себе «одно лишь презрение». «...Благосостояние короля и Франции нимало не принимаются ими в соображение, – писал Ростопчин, – и в Палате Депутатов правая сторона <...> постоянно делает и говорит несравненно более вздора, чем левая сторона»[51].

Ростопчин полагал, что в тех обстоятельствах усилия либералов по подготовке новой революции закончились бы успехом, если бы не угроза военного вмешательства государств Священного союза и, прежде всего, России[52]. Автор записки обращал внимание Александра I на враждебные замыслы французских либералов, направленные против России. Только демонстрация силы и решимости отстоять в любой момент порядок и законность в Европе способна поколебать намерения зачинщиков новой революции. «...И коль скоро для блага Франции невозможно уже перенести столицу из Парижа и для спокойствия целой Европы разрушить до основания этот город, необходимо по крайне мере держать его в постоянном страхе, доказывая ему на каждом шагу преобладания Вашего Величества...»[53], – обращался к Александру I Ростопчин. Он призывал императора на правах сильнейшего стать «владыкою Европы», не позволяя Австрии, Пруссии и Англии пользоваться славой, добытой русским оружием в войне с Наполеоном[54]. Точно так же, как в свое время Ростопчин убеждал Павла I в необходимости защиты интересов России на европейской арене[55], в 1823 г. он призывал его сына воспользоваться благоприятной ситуацией и управлять «судьбами Европы»: «Провидение возвеличило Вас, чтобы Вы сделались владыкою Европы, охранителем престолов, покровителем угнетенных

---

[51] Картина Франции 1823 года. Стб. 969–970.

[52] Там же. Стб. 979.

[53] Там же. Стб. 984.

[54] Там же. Стб. 985.

[55] См.: Записка графа Ф.В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы павловского царствования // Русский архив. 1878. № 1. С 103–110; Note, présentée à l'Empereur Paul en 1800, après l'époque de la signature de la paix de Luneville // Шильдер Н.К. Александр I и его царствование. В 4 т. Т. I. СПб., 1897. С. 286–287.

и грозою нечестивых в такой век, когда ничего нет святого, кроме разве права сильного! Но все они <прежде всего, Англия, Австрия и Пруссия. – *А.М.*> стремятся создать на пути Вашем препятствия, останавливают развитие Ваших великих намерений и составляют заговоры против Вашего могущества в надежде на успех, если только Вашему Величеству не угодно будет совершить все то, чего Вы желаете и пожелать всего того, что может быть совершено. Государь – пора!»[56] Но этот призыв не нашел какого-либо отклика со стороны императора.

Несмотря на свою широко афишируемую неприязнь к Франции и французской столице, Ростопчин провел в Париже большую часть своей жизни за границей. Он был принят здесь как человек, совершивший великий подвиг из-за любви к Отечеству, ему воздавались почести, которых он не удостоился на родине, что, безусловно, льстило его уязвленному самолюбию. Но жизнь за границей и, в частности, во Франции, несмотря на все ее приятные сюрпризы, наконец, наскучила Ростопчину. «Страдать буду пока не увижу себя вне Франции, где от детей задержался и скукой и болезнями измучен. Бог знает, как все это перенесу. <...> Чужая сторона надоела...»[57], – признавался он А.Ф. Брокеру за год до своего возвращения в Россию. Последний год жизни во Франции оказался для Ростопчина очень тяжелым. Семейные неурядицы, собственная болезнь и мрачное настроение усугубились усиливающейся тоской по родине. «Я очень страдаю духом и мне очень грустно и тяжело. Намерение отсюда уехать, французы очень колобродят и, не зная сами чего хотят, мутят спокойствие общее. <...> Прощай любезный друг», – обращался он к своему другу, – «изведи скорей душу из темницы и заставь петь благодарственный молебен о выезде из сумасбродной этой земли»[58].

Наконец, в мае 1823 г. Ростопчин отправился в путь. Чем ближе становилась Россия, тем с большим нетерпением он ожидал встречи с Москвой: «...Скоро-скоро, недолго еще Федьке до Лубянки – но воля Божия»[59]. Ростопчин понимал, что едет на родину умирать. Незадолго до отъезда в Россию он наставлял

---

[56] Картина Франции 1823 года. Стб. 985.

[57] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 686. Л. 2–2 об.

[58] Там же. Л. 3–4.

[59] Там же. Л. 24 об.

старшую дочь Наталью: «Ты хорошо делаешь, что любишь родину. <...> Всегда нужно кончать возвращением на родину, чтобы умереть там, если на то будет воля Божия. Можно странствовать по свету для своего удовольствия, образования или здоровья, и все-таки внутренний голос скажет нам: иди кончать жизнь там, где ты ее начал»[60].

После долгого отсутствия в России Ростопчин был очень хорошо встречен на родине. По словам А.Я. Булгакова, бывшему московского генерал-губернатору был оказан «удивительный прием» в Москве[61]. На следующий день после приезда в город его пришли поприветствовать комендант, полицмейстеры, «почти весь Сенат и все знакомые». Московская полиция, помня «начальство и милости» Ростопчина в бытность его московским главнокомандующим, просилась явиться к нему в полном составе[62]. Простые обыватели демонстрировали Ростопчину свою неподдельную радость по случаю его возвращения в Москву. Так, Булгаков был свидетелем того, как один мужик, совершенно ему незнакомый, подошел к Ростопчину на улице и «стал целовать у него руки, говоря: Батюшка, ты опять с нами! Слава Богу, что ты воротился; только стар стал!»[63]

Сразу после своего возвращения в Россию Ростопчин написал всеподданнейшее прошение об отставке, поскольку до этого момента он продолжал числиться членом Государственного Совета. 14 декабря 1823 г. последовал официальный указ о его увольнении[64]. Тем самым, официально прекращалась государственная служба Ростопчина, на которой он состоял более 30-ти лет.

Еще одной причиной, побудившей Ростопчина вернуться в Россию, была болезнь его младшей дочери Елизаветы. Он полагал, что перемена климата благотворно подействует на здоровье дочери, только что вышедшей в свет и подававшей большие надежды. Между тем ее здоровье и после переезда в Россию

---

[60] Цит. по: Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 100.

[61] Письма А.Я. Булгакова к брату // Русский архив. 1901. № 4. С. 580.

[62] Там же.

[63] Там же.

[64] Собственноручное всеподданнейшее прошение графа Ростопчина об увольнении в отставку // Русская старина. 1901. Т. 108. № 11. С. 370.

не улучшалось. Напротив, болезнь стала прогрессировать, и молодая девушка умерла на руках отца в марте 1824 г. Смерть эта окончательно подорвала здоровье Ростопчина. Булгаков писал своему брату об этом горестном событии в жизни Ростопчина следующее: «Завяла навсегда эта милая роза, не стало графини Елизаветы Федоровны Ростопчиной. <...> Он <Ростопчин. – *А.М.*> душу раздирает, скитается как тень; счастье, что много плачет»[65].

Немало огорчений в последние годы жизни Ростопчина доставляла его супруга, Екатерина Петровна, урожденная Протасова, перешедшая в католицизм и стремившаяся обратить в новую веру своих детей и близких. Она была прихожанкой и жертвовательницей католической церкви св. Людовика, которая по национальному составу неофициально называлась «французской»[66]. По свидетельству того же Булгакова, являвшегося близким другом Ростопчина и потому хорошо знавшего его семью, графиня Ростопчина своим переходом в католицизм, а также «беспрестанными противоречиями, капризами и странностями» заметно сократила жизнь своего мужа[67]. Действительно, обращение жены в католицизм стало личной трагедией Ростопчина, для которого такие понятия как «русский» и «православный» являлись синонимами. «Только два раза ты мне сделала больно», – писал Ростопчин жене незадолго до своей смерти. Оба случая касались религиозных разногласий: первое, когда графиня Ростопчина сама перешла в католицизм, а второе, когда

---

[65] Письма А.Я. Булгакова к брату // Русский архив. 1901. № 5. С. 45.

[66] ЦИАМ. Ф. 2193. Оп. 1. Л. 1.

[67] Письма А.Я. Булгакова к брату // Русский архив. 1901. № 7. С. 346. В целом о причинах преждевременной кончины Ростопчина Булгаков писал следующее: «Ужасно долго боролся он со смертию; натура была прекрепкая, и нет сомнения, что он жил бы долго, ежели бы огорчения разные не сократили его жизнь. Началось 1812 годом, потом поведение и шалости сына его старшего, а там смерть прелестной этой Лизы довершили все. Между нами сказано, и графиня отняла у него много здоровья переходом своим в Католическую веру и вовлечением туда же двух дочерей. Надобно было сделать позор; граф решился все скрыть в сердце своем, но за то и не стало его» (там же. С. 348).

способствовала переходу двух дочерей[68]. За несколько дней до смерти Ростопчин написал завещание[69], по которому лишал свою жену практически всего. При этом Ростопчин позаботился о том, чтобы его личные бумаги после смерти не попали в руки жены, намеревавшейся уничтожить те из них, в которых, по ее словам, было много «брани на французов». Также Ростопчин лишал жену права опекунства над их младшим несовершеннолетним сыном Андреем. Он не без оснований опасался тогда, что после его смерти жена «совратит» мальчика в католическую веру, поэтому назначил его опекунами А.Ф. Брокера и Д.В. Нарышкина (мужа старшей дочери Ростопчина – Натальи Федоровны Нарышкиной[70]), которым он всецело доверял[71].

После смерти дочери здоровье самого Ростопчина резко ухудшилось, более мрачным стало и его настроение. В 60 лет он представлял собой человека, безнадежно уставшего от жизни. Всегда характерное для Ростопчина недоверие к человеческой натуре, переросло в нелюбовь к человеку как таковому с его мелкими потребностями и низкими желаниями. События и людей Ростопчин оценивал в те годы с беспощадной трезвостью и сарказмом. Так, сообщая Брокеру последние московские новости, он весьма откровенно писал: «...Мне 60 лет, а притом и жизнь и мерзости очень наскучили. Здесь <в Москве. – *А.М.*> канальская публика очень занята двумя свинскими происшествиями: 1-е. Что атаман разбойников Нащекин обыграл сына Лавала на 500 т. 2-е. Щербатов кн. Ник. Григор. дал обед, где 20 человек жрали и пили до двух часов утра, и от сего повеса Вяземской стихотворец и якобинец умирает...»[72]

---

[68] Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 71.

[69] РГАЛИ. Ф. 2591. Оп. 1. Д. 368. Л. 1–2 об. Согласно прежнему завещанию, составленному Ростопчиным в 1811 г., все, что он имел, оставлял жене.

[70] По словам А.Я. Булгакова, Наталья Федоровна была любимой дочерью Ростопчина именно вследствие того, что осталась в православной вере, проявив в свое время твердость и не поддавшись на попытки матери обратить ее в католицизм (см.: Письма А.Я. Булгакова к брату // Русский архив. 1901. № 7. С. 349).

[71] Там же. С. 348–349. См. также: Писарские копии по делу об опеке над графом А.Ф. Ростопчиным и письма А.Ф. Брокера к А.Я. Булгакову по этому вопросу // ОР РГБ. Ф. 42. К. 61. Ед. хр. 40. Л. 3–11 об.

[72] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 686. Л. 31.

В ноябре 1825 г. Ростопчин серьезно заболел, в результате, присягу «императору Константину» он должен был приносить у себя дома[73]. Несмотря на болезнь, он продолжал откликаться на крупные политические события в жизни России. Так, несколькими лаконичными фразами, характеризующими общественное настроение после смерти Александра I, Ростопчин подвел черту под александровское царствование. «Народ равнодушен, – писал он. – Дворянство, раздражаемое, разоренное и презираемое, довольно. Военные надеются, что их менее будут мучить»[74]. Эта запись, сделанная 30 ноября 1825 г., вероятно, была последней, вышедшей из-под его пера[75]. В этот день Ростопчину сделалось хуже, болезнь быстро прогрессировала[76], и он умер 18 января 1826 г. Согласно своему желанию, Ростопчин был скромно похоронен на Пятницком кладбище рядом с дочерью Елизаветой и другими детьми, умершими в младенчестве. И хотя на похороны никого не звали, поскольку Ростопчин желал быть похороненным в присутствии родных и причта своей церкви[77], с бывшим московским главнокомандующим пришли проститься многочисленные представители московской аристократии, полиция, сенаторы и «бездна народа»[78].

За несколько лет до смерти Ростопчин написал в своей краткой автобиографии: «Я ожидаю смерти без боязни и без нетерпения. Моя жизнь была плохой мелодрамой с роскошной обстановкой, где я играл героев, тиранов, влюбленных, благородных отцов, но никогда лакеев»[79].

---

[73] См.: Последние страницы, писанные графом Ростопчиным // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! С. 316.

[74] Там же. С. 318.

[75] Широкого распространения в обществе получило высказывание Ростопчина о событиях на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.: «В эпоху Французской революции сапожники и тряпичники хотели сделаться графами и князьями; у нас графы и князья хотели сделаться тряпичниками и сапожниками» (см.: Вяземский П.А. Характеристические заметки и воспоминания о гр. Ростопчине // Русский архив. 1877. № 5. С. 76).

[76] ОР РГБ. Ф. 41. К. 24. Ед. хр. 25. Л. 1.

[77] РГАЛИ. Ф. 2591. Оп. 1. Д. 368. Л. 2 об.

[78] См.: Письма А.Я. Булгакова к брату // Русский архив. 1901. № 7. С. 347.

[79] Ростопчин Ф.В. Мои записки, написанные в десять минут, или я сам без прикрас // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! С. 223–224.

Обращаясь с последними словами к публике, этому «нестройному органу страстей», он писал: «Публика, которую я боялся в молодости, уважал в зрелом возрасте и презираю в старости, тебе я посвящаю свои записки. Милая публика! Наконец-то я для тебя недосягаем, потому что умер и поэтому глух, слеп и нем. Да выпадут на твой удел эти блага, для успокоения твоего и всего рода человеческого»[80]. Война 1812 года и последующие события наложили на мировоззрение Ростопчина глубокую печать. На склоне лет он признавался, что веселиться перестал с 1812 года[81]. Действительно, послевоенное настроение Ростопчина характеризуется крайним пессимизмом и разочарованием – в себе, людях, а порой, и в тех принципах и идеях, которым он служил всю жизнь.

В послевоенный период заметную эволюцию претерпел и консерватизм Ростопчина, приобретя более зрелый и одновременно респектабельный вид. На смещение акцентов в его мировоззрении повлияло, во-первых, глубокое разочарование, навеянное неблагодарностью *русских* (прежде всего, русской элиты), не оценивших его заслуг перед Отечеством в 1812 г., и, во-вторых, невостребованность обществом и властью в тот период националистических идей и риторики. В результате, его Сила Андреевич Богатырев со «своими» «мыслями вслух» оказался в тех обстоятельствах явным анахронизмом. В новых условиях в публицистике Ростопчина стали доминировать критика западного либерализма в различных своих проявлениях и взгляд на Россию как единственную преграду новой революции.

---

[80] Там же. С. 224.

[81] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 686. Л. 8.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Насколько Ростопчин как государственный и общественно-политический деятель был типичен для своего времени и насколько органично «вписывался» его политический опыт в исторический контекст эпохи? Каково его место в общественно-политической жизни России конца XVIII – начала XIX в. и, наконец, какова его роль в развитии «русской идеи»?

Несомненно, Ростопчин был одним из наиболее видных и оригинальных представителей раннего русского национализма и консерватизма, причем его «оригинальность» отчасти и была связана с тем, что он не всегда соответствовал общественно-политическим реалиям своего времени. Во взглядах и деятельности Ростопчина всегда были тесно переплетены консервативная и националистическая составляющие. Этим он заметно отличался от менее «радикальных» современников-консерваторов. При этом практика обращения Ростопчина к широким массам с помощью знаменитых афиш наиболее ярко выражала тот «боевой национализм» (С.П. Мельгунов[1]), который будоражил воображение аристократов. По их представлениям, чрезмерно доверительный стиль общения московского главнокомандующего с народом был несовместим с его консервативной репутацией и расценивался едва ли не шагом к революции. Однако если Ростопчиным и предпринималась попытка националистической мобилизации масс, то лишь в чрезвычайных условиях Отечественной войны: вне кризисной ситуации этот опыт едва ли был бы возможен. Как известно, особенностями раннего национализма были его элитарность и преимущественно культурный, а не политический характер. В результате его представители выступали не за разрыв с традицией, а напротив, за ее сохранение и продление.

---

[1] Мельгунов С.П. Ростопчин – Московский главнокомандующий // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. IV. С. 37.

Что касается интеллектуальной биографии Ростопчина, в ней не было резких и крутых поворотов. Ростопчин отличался редким постоянством во взглядах и в политических пристрастиях. Так, еще на заре своей служебной карьеры в царствование Екатерины II Ростопчин негодовал по поводу наплыва иностранцев в русскую армию[2] и выступал против того, чтобы важные государственные посты Российской империи доверять «иноземцам»[3]. Уже в павловское царствование, находясь у вершин государственной власти, Ростопчин преподносил себя представителем «русской партии». Возглавляя Коллегию иностранных дел России, Ростопчин теоретически обосновал систему русской внешней политики, основанную на приоритете национальных интересов в противовес идеям легитимизма[4]. Высказанные Ростопчиным идеи о самодостаточности и независимости России на мировой арене и об исконной враждебности к ней со стороны Европы получили дальнейшее развитие в русской мысли XIX–XX вв.

В силу идейных и политических пристрастий Ростопчин не смог принять либеральный лейтмотив александровского царствования. Он встал в идейную оппозицию новому курсу, подвергая критике, как либеральную политику самого императора, так и господствующие в обществе идеи и настроения. Власть и общество Ростопчин критиковал за нравственную деградацию, культивирование идей рационализма и космополитизма, процветание масонства и отсутствие желаемого порядка практически во всех сферах государственной жизни. Писательская деятельность в эти годы была для Ростопчина не только способом выражения определенных идей, но и их пропагандой среди достаточно широких социальных слоев. Идея культурной самобытности русского народа, а также подчеркнутый традиционализм являлись неотъемлемыми чертами его мировоззрения. «Я люблю все русское, и если бы не был русский, то желал бы быть русским; ибо я ничего лучше

---

[2] Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 1. С. 84.

[3] Там же. № 5. С. 89.

[4] Изложенный Ростопчиным проект раздела Османской империи был связан с решением острейшей проблемы, стоявшей перед внешней политикой России в течение всего XIX – начала XX в. – так называемого «восточного вопроса», традиционно имевшего националистическое звучание.

и славнее не знаю», – эту идею Ростопчин не раз вкладывал в уста героев своих произведений[5]. Воспеванию всего русского: и, прежде всего, русского характера, русского воспитания и образа жизни, а также русской веры и чисто русской преданности царю и Отечеству – Ростопчин посвятил повесть «Ох, французы!», комедию «Вести, или Убитый живой», а также знаменитый памфлет «Мысли вслух на Красном крыльце». В этих сочинениях неизменно присутствует колоритный образ провинциального дворянина, свято чтущего национальную традицию. В модернизированном и вестернизированном культурном пространстве России Александра I герои сочинений Ростопчина воспринимались широкой публикой в качестве оплота русской старины и порядка, олицетворением «русскости».

Репутацию «ярого крепостника» Ростопчин снискал, выступив активным противником отмены крепостного права в царствование Александра I. В освобождении крепостных (как и все консерваторы) он усматривал неизбежные политические катаклизмы для России. Ростопчин воспринимал народ как стихию, которую возможно направить как на благо государства, так и на его гибель. Впоследствии его критиковали в литературе за «непонятную» «любовь к национальности, без уважения к народу и без доверия к его уму и сердцу»[6]. Однако именно по причине своего консерватизма он скорее не доверял человеческой натуре с присущими ей слабостями и пороками, а не представителям тех или иных сословий. Ростопчин мог довольно резко обличить и русское дворянство, называя его «самым глупым» и «самым легковерным» из-за пристрастия ко всему французскому и полного отсутствия национального самосознания[7].

Оказавшись во главе Москвы в 1812 г., Ростопчин получил почти неограниченную власть. Этот редкий для России того времени административный опыт позволил ему наиболее ярко

---

[5] См.: Ростопчин Ф.В. Вести, или Убитый живой. Комедия в одном действии // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 164–165; он же. Ох, французы! Наборная повесть из былей, по-русски писанная // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 99.

[6] Афанасьев А. Дополнение к статье г. Лонгинова «Граф Сперанский» // Русский вестник. 1860. Т. 25. № 1. С. 36.

[7] См.: Переписка императора Александра Павловича с гр. Ф.В. Ростопчиным 1812–1814 гг. // Русская старина. 1893. № 1. С. 200.

и полно реализовать собственные общественно-политические идеалы на практике. В условиях войны и при необходимости тотальной мобилизации общества консерватизм Ростопчина приобрел радикальное звучание. Это проявлялось и в абсолютизации принципа порядка, и в крайних способах консолидации московского населения. В результате его работы с общественным мнением и настроениями Москва до начала сентября 1812 г. являлась для остальной России образцом порядка и патриотического воодушевления.

В предвоенный и особенно в военный периоды (1806–1812 гг.) приверженность национализму способствовала огромной популярности Ростопчина, однако, в последующие годы именно это стало едва ли не главной причиной его политического забвения на родине. После войны и заграничных походов положение русских националистов-консерваторов изменилось: они потеряли былое влияние в обществе и поддержку у власти. В эпоху Священного союза на место националистического консерватизма, по сути, игравшего в 1812 г. роль государственной идеологии, пришел космополитизм. С 1815 г. в жизни Ростопчина началась полоса многолетних «скитаний» по Европе. И хотя он создал в этот период еще несколько «консервативных» сочинений («Ce que j'ai lu, vu et entendu 1818 et 1819», «Картина Франции 1823 года»), его реальная роль общественно-политического деятеля закончилась в 1812 г.

Великим и одновременно трагическим 1812 год был не только в судьбе России, но и в судьбе Ростопчина. За несколько месяцев на посту московского главнокомандующего он достиг пика своей власти и популярности. Но московский пожар, организованный Ростопчиным и сыгравший решающую роль в войне, как это ни парадоксально, предопределил его падение с политического Олимпа России. И хотя Ростопчин не снискал достойного своей роли и масштабу признания современников, его оригинальный опыт и идеи, часто «выпадая» из общественно-политических норм эпохи, получили развитие в русской мысли многие десятилетия спустя. Самого же Ростопчина сегодня можно по праву отнести к выдающимся представителям первой волны русских консерваторов и националистов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1. Архивные фонды

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва
Ф. 33. – фонд А.Ф. Малиновского
Ф. 160. – Материалы по истории войны 1812 года и заграничного похода
Ф. 222. – фонд Ростопчиных
Ф. 364. – фонд А.В. Суворова
Ф. 381. – фонд М.Н. Похвиснева

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва
Ф. 679. – фонд императора Александра I.
Ф. 1165. – Особая канцелярия Министерства внутренних дел.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов, Москва
Ф. 30. – Новые дела
Ф. 345. – фонд С.И. Селивановского

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, Москва
Ф. 46. – фонд П.И. Бартенева
Ф. 433. – фонд Е.П. Ростопчиной
Ф. 501. – фонд Тургеневых
Ф. 2591. – фонд П.А. Попова
Ф. 1339. – Собрание документов

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва
Ф. 41. – фонд Булгаковых
Ф. 147. – Собрание масонских рукописей С.С. Ланского и С.В. Ешевского
Ф. 231. – фонд М.П. Погодина
Ф. 233. – фонд С.Д. Полторацкого
Ф. 298. – фонд Н.С. Тихонравова
Ф. 344. – фонд П.П. Шибанова.

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы, Москва
Ф. 4. – Канцелярия Московского дворянского депутатского собрания
Ф. 105. – Московская управа благочиния
Ф. 2193. – Московская римско-католическая французская святого Людовика церковь, г. Москва

ГА ВО – Государственный архив Воронежской области, Воронеж
Ф. 29. – фонд Воронежского дворянского депутатского собрания

2. Сочинения и письма Ф.В. Ростопчина

Возражения графа Ростопчина на книгу, сочиненную графом Стройновским, О условиях с крестьянами // ЧОИДР. 1859. Кн. III. Отд. V. С. 37–45.

Граф Ростопчин о Вольтере // Русский архив. 1882. № 6. С. 207–210.

Журнал исходящим бумагам канцелярии московского генерал-губернатора графа Растопчина с июня по декабрь 1812 года. М., 1908. 209 с.

Замечания гр. Ростопчина о Московских богоугодных заведениях (1810) // Русский архив. 1881. Кн. III. С. 218–220.

Замечания графа Ф.В. Ростопчина на книгу г-на Стройновского // ЧОИДР. 1860. Кн. II. Отд. V. С. 203–217.

Записка гр. Ростопчина императору от 20 марта 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1882. С. 2.

Записка графа Ф.В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы Павловского царствования // Русский архив. 1878. № 1. С. 103–110.

Записка на французском языке, приклеенная к церковной двери в селе Воронове на Калужской дороге // Ростопчин Ф.В. Сочинения. СПб.: Тип. А. Дмитриева, 1853. С. 197–198.

Записка о мартинистах представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875. № 9. С. 75–81.

Картина Европы в начале XIX столетия и отношение к ней России. (Записка графа Ф.В. Ростопчина) // Сб. исторических материалов и документов, относящихся к новой Русской истории XVIII и XIX века. Изд. М. Михайловым. СПб.: Тип. Ю. Штауфа, 1873. С. 102–111.

Картина Франции 1823 года. Представлена Александру Павловичу графом Ф.В. Ростопчиным // Русский архив. 1872. № 5. Стб. 965–985.

Объявление к аббатам двух католических церквей, находящихся в Москве от 26 июня 1812 года // Ростопчин Ф.В. Сочинения. СПб.: Тип. А. Дмитриева, 1853. С. 185–186.

[Объявления московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина жителям Москвы] // Московские ведомости. 1812. № 45–47.

Последние страницы, писанные графом Ростопчиным // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М.: Русская книга, 1992. С. 315–319.

Ростопчин Ф.В. Афиши 1812 года, или Дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М.: Русская книга, 1992. С. 209–222.

Ростопчин Ф.В. Вести, или Убитый живой. Комедия в одном действии // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М.: Русская книга, 1992. С. 157–206.

Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М.: Русская книга, 1992. С. 242–315.

Ростопчин Ф.В. Из путевых записок 1815 года // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М.: Русская книга, 1992. С. 225–242.

Ростопчин Ф.В. Мои записки, написанные в десять минут, или Я сам без прикрас // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М.: Русская книга, 1992. С. 222–225.

Ростопчин Ф.В. Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М.: Русская книга, 1992. С. 148–153.

[Ростопчин Ф.В.] О Суворове. Письмо к издателю от 28 генваря, 1808; с. Вороново // Русский Вестник. 1808. № 3. С. 241–249.

Ростопчин Ф.В. Ответ Силы Андреевича Богатырева Устину Ульяновичу Веникову // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М.: Русская книга, 1992. С. 207–209.

Ростопчин Ф.В. Ох, французы! Наборная повесть из былей, по-русски писанная // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М.: Русская книга, 1992. С. 84–148.

Ростопчин Ф.В. Письмо Силы Андреевича Богатырева к одному приятелю в Москве // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М.: Русская книга, 1992. С. 153–155.

Ростопчин Ф.В. Письмо Устина Веникова к издателю «Русского вестника» от 22 декабря 1807 года из села Зипунова // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М.: Русская книга, 1992. С. 155–157.

Ростопчин Ф.В. Письмо Устина Ульяновича Веникова к Силе Андреевичу Богатыреву // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М.: Русская книга, 1992. С. 206–207.

[Ростопчин Ф.В.] Плуг и Соха. М.: Университетская типография, 1806. 45 с.

Ростопчин Ф.В. Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М.: Русская книга, 1992. С. 71–84.

Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. М.: Изд-е комиссионера Имп. Моск. ун-та А.С. Ширяева, 1823. 69 с.

Ростопчин Ф.В. Путешествие в Пруссию // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М.: Русская книга, 1992. С. 17–71.

Ростопчинские афиши 1812 года. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1889. 54 с.

Щукин П.И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. 8. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1904. 428 с.

Ce que j'ai lu, vu et entendu 1818 et 1819 // Œuvres inédites du comte Rostopchine publieés par la comtesse Lydie Rostopchine: Avec une étude sur le gouverneur de Moscou par Jean de Bonnefon. Paris: Dentu, [1894]. P. 111–133.

Journal écrit à Berlin pendant les années 1786 et 1787 // Matériaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Théodore Rastaptchine rassemblés par son fils. Bruxelles, 1864. P. 7–25.

Le Cimetière du Père-Lachaise // Œuvres inédites du comte Rostopchine publieés par la comtesse Lydie Rostopchine: Avec une étude sur le gouverneur de Moscou par Jean de Bonnefon. Paris: Dentu, [1894]. P. 137–140.

Note, présentée à l'Empereur Paul en 1800, après l'époque de la signature de la paix de Luneville // Шильдер Н.К. Александр I и его царствование: В 4 т. Т. I. СПб.: Изд. А.С. Суворина 1897. С. 285–286.

Вести из России в Англию [Письма графа Ф.В. Ростопчина к графу С.Р. Воронцову] //Русский архив. 1876. № 1. С. 79–120; № 2. С. 206– 223; № 4. С. 393–416; № 9. С. 365–404; № 12. С. 414–430.

Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1882. 691 с.

Отечественная война 1812 года. Отдел I. Переписка правительственных лиц и учреждений. Т. XVI. Боевые действия в 1812 г. (Август месяц). СПб.: Тип. «Бережливость», 1911. 283 с.

Переписка императора Александра Павловича с гр. Ф.В. Ростопчиным 1812–1814 гг. // Русская старина. 1893. № 1. С. 173–209.

Переписка графа Ростопчина с начальником Кремлевской экспедиции Валуевым (в 1813 году) // Библиографические записки. 1861. Т. III. Стб. 19–23.

Переписка Ф.В. Ростопчина с А.В. Суворовым // Фукс Е.Б. История российско-австрийской кампании 1799 г. под предводительством генералиссимуса, князя италийскаго, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго. Ч. III. СПб.: Военная тип. гл. штаба его имп. величества, 1826. С. 20–664.

Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807 по 1829 год). Ред. Н.Ф. Дубровин. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883. 533 с.

Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу // Русский архив. 1892. Кн. II. С. 419–565.

Письма графа Ростопчина к князю Багратиону // Русская старина. 1883. № 12. С. 650–651.

Письма графа Ф.В. Ростопчина к министру полиции А.Д. Балашову // Русский архив. 1881. Кн. III. С. 226–227; 414–419.

Письма графа Ф.В. Ростопчина к А.Ф. Брокеру // Русский архив. 1868. Стб. 1873–1924.

Письма Ф.В. Ростопчина А.Р. Воронцову // Архив князя Воронцова. Кн. VIII. Ч. I. М.: Тип. Грачева и Ко, 1876. С. 458–467.

Письма графа Ф.В. Ростопчина к графу М.С. Воронцову и к его отцу // Русский архив. 1908. № 6. С. 270–280.

Письма Ф.В. Ростопчина С.Р. Воронцову // Архив князя Воронцова. Кн. VIII. Ч. I. С. 37–457.

Письма графа Ростопчина в Петербург к С.К. Вязьмитинову // Русский архив. 1909. Кн. I. С. 39–47.

Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю А.И. Горчакову // Русский архив. 1871. Кн. I. Стб. 152–153.

Письма Ростопчина к великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1869. Стб. 759–762.

Письма графа Федора Васильевича Ростопчина к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому // Сб. РИО. Т. 73. СПб., 1890. С. 460–473.

Письма графа Ф.В. Ростопчина к Д.И. Киселеву (1812–1815) // Русский архив. 1863. С. 812–824.

Письма Ф.В. Ростопчина к С.А. Колычеву // Сб. РИО. Т. 70. СПб., 1890. (Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. Под ред. проф. А. Трачевского.) С. 33–35.

Письма Ростопчина к великому князю Константину Павловичу // Русский архив. 1869. Стб. 763–766.

Письма графа Ф.В. Ростопчина к фельдмаршалу князю М.И. Кутузову Смоленскому в 1812 году // Русский архив. 1875. № 12. С. 456–460.

Письма графа Ф.В. Ростопчина к А.Ф. Лабзину // Русская старина. 1913. № 2. С. 419–430.

Письма Ф.В. Ростопчина к А.В. Суворову // Московский телеграф. 1826. Ч. VIII. С. 191–205.

Письма Ф.В. Ростопчина к А.В. Суворову // Ростопчин Ф.В. Сочинения Ф.В. Ростопчин. СПб., 1853. С. 155–160.

Письма графа Ф.В. Ростопчина к супруге и дочери и заметки о 1812 годе // Русский архив. 1901. № 8. С. 460–508.

Письма Ф.В. Ростопчина к П.А. Толстому // Заря. 1871. Ч. VIII. С. 186–188.

Письма гр. Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову (1803–1806) // Девятнадцатый век. Кн. II. М.: Изд. П. Бартенева, 1872. С. 1–113.

Письмо гр. Ростопчина к преосвященному Августину // Русская старина. 1902. № 2. С. 410.

Письмо Ф.В. Ростопчина к императору Александру I от 12 апреля 1810 года // Русский архив. 1881. Кн. III. С. 216–218.

Письмо гр. Ростопчина к императору Александру I с доносом на Сперанского // Русская старина. 1905. № 5. С. 412–414.

Письмо Ф.В. Ростопчина к кн. С.Н. Долгорукому от 6 августа 1786 года // Русский архив. 1888. Кн. II. С. 265–268.

Письмо графа Ф.В. Ростопчина к великой княгине Екатерине Павловне от 14 апреля 1810 года // Русский архив. 1876. № 3. С. 374–375.

Письмо гр. Ф.В. Ростопчина к издателю Русского Вестника С.Н. Глинке от 29 марта 1813 года // Русский архив. 1876. № 12. С. 432.

Письмо Ф.В. Ростопчина М.И. Кутузову от 16 августа 1812 года о формировании Московского ополчения // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. документов. Под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 61.

Письмо графа Ф.В. Ростопчина к Н.И. Новикову от 21 марта 1804 г. // Русский библиофил. 1913. № 4. С. 25.

Просьбы графа Ростопчина // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1882. С. 4.

Ростопчинские письма 1793–1814 [Письма графа Ф.В. Ростопчина к графу С.Р. Воронцову] // Русский архив. 1887. № 2. С. 149–186.

Собственноручное всеподданнейшее прошение графа Ростопчина об увольнении в отставку // Русская старина. 1901. Т. 108. № 11. С. 370.

3. Переписка современников

Высочайший рескрипт Императора Александра I графу Ростопчину от 14 ноября 1812 г. // Сын Отечества. 1812. № 9. С. 126–127.

Два письма великой княгини Екатерины Павловны по поводу народного ополчения в 1812 году. (Сообщ. Н. Лыжин) // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, изданный Николаем Калачовым. Кн. 2. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е.И.В. канцелярии, 1861. С. 1–4.

Кутузов М.И. Письма. Записки. М.: Воениздат, 1989. 591 с.

Письма Н.Н. Бантыша-Каменского к князю Александру Борисовичу Куракину. 1794–1795 гг. // Русский архив. 1876. № 12. С. 385–414.

Письма А.Д. Бестужева-Рюмина // Русский архив. 1910. № 5. С. 105–126.

Письма А.Я. Булгакова к Н.В. Булгаковой // Русский архив. 1866. С. 704–729.

Письма А.Я. Булгакова к брату // Русский архив. 1901. № 5. С. 27–94; № 6. С. 161–239; № 7. С. 339–438.

Письма М.А. Волковой к В.И. Ланской // Русский архив. 1872. № 12. Стб. 2372–2414.

Письма П.И. Голенищева-Кутузова к гр. А.К. Разумовскому // Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Т. 2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1880. С. 288–443.

Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. 483 с.

Письма С.А. Колычева к Ф.В. Ростопчину // Сб. РИО. Т. 70. СПб., 1890. (Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. Под ред. проф. А. Трачевского.) С. 42–44; 82–84.

Письма Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1912. № 5. С. 30–67; № 6. С. 161–206.

Письма И.П. Оденталя к А.Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах // Русская старина. 1912. Т. 150. № 5. С. 409–430; № 6. С. 597–615.

Письма О.А. Поздеева // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. М.: Воениздат, 2001. С. 104–106.

Письма О.А. Поздеева к графу А.К. Разумовскому // Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Т. 2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1880. С. 448–518.

Письма И.М. Муравьева-Апостола из Санкт-Петербурга в Лондон к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1876. № 1. С. 121–128.

Рапорт генерал-майора Иловайского гр. Ростопчину 16-го октября 1812 года из Москвы // Русский архив. 1866. № 5. С. 696.

Рапорт И.И. Моркова Александру I о выступлении Московского ополчения к г. Можайску для присоединения к действующей армии с Приложением // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов / Под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 64.

Рескрипт Александра I графу Ростопчину по поводу письма его о слухах и беспорядках в провинции // Русская старина. 1902. Т. 111. № 9. С. 634.

Секретное письмо князя Кутузова-Смоленского А.М. Римскому-Корсакову // Русская старина. 1897. № 9. С. 682–683.

Суворов А.В. Письма / Отв. Ред. А.М. Самсонов. Изд. подгот. В.С. Лопатин. М.: Наука, 1987. 808 с.

Correspondance du comte Golovine avec mon père [le comte Théodore Rastaptchine] // Matériaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Théodore Rastaptchine rassemblés par son fils. Tiré a douze exemplaires. Bruxelles, 1864. P. 409–443.

4. Прочие источники

Адлер И.А. Похождение моей жизни со 2-го сентября по 28-е декабря 1812 года // 1812 год в воспоминаниях современников / Рос. АН, Ин-т рос. истории; [Редкол.: А.Г. Тартаковский (отв. ред.) и др.] М.: Наука, 1995. С. 61–69.

Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году // ЧОИДР. 1859. Кн. II. Ч. V. С. 65–97.

Биография графа Федора Васильевича Ростопчина // Русская старина. 1893. № 1. С. 161–172.

Брокер А.Ф. Записки // Русский архив. 1868. Стб. 1413–1436.

[Булгаков А.] Биография графа Федора Васильевича Растопчина // Отечественные записки. 1826. № 72. С. 50–86.

Булгаков А.Я. Воспоминания А.Я. Булгакова о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федора Васильевича Ростопчина // Старина и новизна. 1904. Кн. 7. С. 98–135.

Булгаков А.Я. Русские и Наполеон Бонапарте // Русский архив. 1908. № 8. С. 507–554.

Васютковский А.М. Французы в России. 1812 г. По воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. II. М.: «Задруга», 1912. 228 с.

Великий князь Константин Павлович и его двор (1810–1833). (Из записок графа Мориоля) // Русская старина. 1902. № 8. С. 289–310.

Вести или Живой мертвец. Комедия в одном действии, представленная в первый раз в Москве 1808 года, февраля 2 // Русский Вестник. 1808. № 2. С. 233–239.

Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2000. 590 с.

Возражения графа Ростопчина на книгу, сочиненную графом Стройновским, О условиях помещиков с крестьянами // ЧОИДР. 1859. Кн. III. Отд. V. С. 37–45.

Вороненко П.И. «Записка». 1836 г. // 1812 год в воспоминаниях современников / Рос. АН, Ин-т рос. истории; [Редкол.: А.Г. Тартаковский (отв. ред.) и др.] М.: Наука, 1995. С. 69–72.

Воспоминания П.И. Бартенева // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. I. М.: Студия «ТРИТЭ» – «Российский Архив», 1991. С. 47–106.

Выдержки из записок Александра Яковлевича Булгакова // Русский архив. 1867. № 11. С. 1361–1375.

Вяземский П.А. Воспоминания о 1812 годе // Русский архив. 1869. № 1. С. 181–216.

Он же. Старая записная книжка, начатая в 1813 г. в Москве // Девятнадцатый век. Кн. II. М.: Изд. П. Бартенева, 1872. С. 278–289.

Он же. Характеристические заметки и воспоминания о гр. Ростопчине // Русский архив. 1877. № 5. С. 69– 78.

Глинка С.Н. Записки. М.: Захаров, 2004. 464 с.

Он же. Из «Записок о 1812 годе» // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников / Сост. Н.Н. Акоповой и В.В. Бережкова; вступ. ст. О.Н. Михайлова; прим. М.А. Бойцова. М.: Правда, 1987. С. 394–492.

[Глинка С.Н.] Стихи графу Федору Васильевичу Ростопчину // Русский Вестник. 1812. № 8. С. 76–79.

Глушковский А. Москва в 1812 году // Красный архив. 1937. Т. 4 (83). С. 121–160.

[Головина В.Н.] Мемуары графини Головиной. М.: Три века истории, 2000. 480 с.

Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания / Пер. с фр. А. Кукеля; предисл. и примеч. С. Боннэ; сост., вступит. ст., подгот. текста, коммен. Д. Исмаил-Заде. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 479 с.

Граф Ф.В. Ростопчин (из Воспоминаний Варнгагена фон Энзе) // Московские ведомости. 1859. № 234. С. 1694–1695.

[Дашков П.Я.] Ссоры мои с тремя министрами. (Из переписки П.С. Валуева) // Русская старина. 1901. № 4. С. 43–52.

Двенадцатый год. Из семейных воспоминаний // Русская старина. 1882. № 11. С. 343–350.

Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни / Подгот. текста и коммент. К.Г. Боленко. М.: Новое лит. обозрение, 1998. 749 с.

Он же. Мелочи из запаса моей памяти // Дмитриев М.А. Московские элегии: Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти / Сост., предисл. и примеч. В.Б. Муравьева. М.: Моск. рабочий, 1985. С. 141–303.

Домерг А. Воспоминания о России // Исторический вестник. 1881. № 7. С. 596–629.

Жихарев С.П. Записки современника. Редакция, статьи и комментарии Б.М. Эйхенбаума. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 834 с.

Жоржель, аббат. Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование Павла I. М., б. г. 230 с.

Журнал путешествий В.Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. Сообщ. Н.П. Барышников. Прим. его и кн. А.Б. Лобанова-Ростовского // Русская старина. 1878. № 10–12. С. 207–240; 399–440; 593–630.

Записка графа Панина [о внешней политике России конца павловского царствования] // Сб. РИО. СПб., 1890. Т. 70. С. 4–10.

Записки Августа Коцебу // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1907. С. 267–363.

Записки академика Витберга // Русская старина. 1872. № 1. С. 16–32; № 2. С. 159–192; № 4. С. 519–582.

Записки Александра Михайловича Тургенева // Русская старина. 1887. № 1. С. 77–107.

Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1901. Т. 105. № 1. С. 103–128.

Записки московского жителя, жившего в Запасном дворце, о происшествиях в августе до ноября 1812-го года // 1812 год в воспоминаниях современников. М.: Наука, 1995. С. 49–56.

Заметки на память (А.Я. Булгакова) // Русский архив. 1866. № 5. С. 701–702.

Записки Н.А. Саблукова // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1907. С. 1–107.

Записки Якова Ивановича де-Санглена. 1776–1831 гг. // Русская старина. 1882. № 12. С. 443–498.

Записки барона В.И. Штейнгеля // Общественные движения в России в первую половину XIX века. Т. I. Декабристы: М.А. Фон-Визин, кн. Е.П. Оболенский и бар. В.И. Штейнгель / Сост. В.И. Семевский, В. Богучарский и П.Е. Щеголев. СПб.: Типо-литография «Герольд», 1905. С. 321–475.

Из воспоминаний Э.М. Арндта о 1812 годе // Русский архив. 1871. Кн. 1. С. 77–120.

Из Записок А.Я. Булгакова // Русский архив. 1900. № 7. С. 265–278.

Император Павел и его время. Записки курляндского барона [Гейкинга]. 1796–1801 // Русская старина. 1887. № 11. С. 365–395; № 12. С. 783–816.

Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Н.М. Карамзин / Под ред. А.А. Ширинянца / Сост. Д.В. Ермашов, А.В. Пролубников, А.А. Ширинянц. М.: Издатель Воробьев А.В., 2001. С. 80–146.

Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии с примеч. и объяснениями М. Погодина. Ч. 2. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1866. 505 с.

Карамзин Н.М. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Автобиография. Письма русского путешественника. Повести / Сост., вступ. статья Г.П. Макогоненко, коммент. Ю.М. Лотмана, Г.П. Макогоненко. Л.: Худож. лит., 1983. 672 с.

Коленкур А. де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск: «Смядынь», 1991. 368 с.

[Комаровский Е.Ф.] Записки графа Е.Ф. Комаровского. СПб.: Изд. «Огни», 1914. 240 с.

Копия с копии письма Н.М. Карамзина (?) Императору Александру Павловичу по поводу заключения союза с Наполеоном после свидания на Немане б. г. [1807 г.] // Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1912. Т. I. С. 576–580.

Лубяновский Ф.П. Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. 1777–1834. М., 1872. 319 с.

Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла Петровича. (Из Записок А.Т. Болотова.) // Русский архив. 1864. 2-е изд. Стб. 630–675.

Маракуев М.И. Записки // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. М.: Воениздат, 2001. С. 20–41.

Местр Ж. де. «Наполеона сгубила Москва» [Письмо Жозефа де Местра графу де Фрону от 17(29) декабря 1812 г.] // Родина. 1992. № 6–7. С. 163–165.

Он же. Петербургские письма // Звезда. 1994. № 10. С. 118–155.

Мои сношения с Ростопчиным. Записка графа Н.П. Панина // Русский архив. 1909. Кн. II. С. 445–454.

Московские небылицы в лицах. М., 1813. 45 с.

Мысли не вслух у деревяннаго дворца Петра Великаго // Ростопчин Ф.В. Сочинения. СПб.: Тип. А. Дмитриева, 1853. С. 321–335.

Мысли про себя // Русский вестник. 1808. № 3. С. 250–266.

Новые подробности о Ростопчине. Rostopchin en 1812; par Pierre Ségur // Русский вестник. 1902. Т. 280. № 8. С. 589–598.

Новые мысли вслух на Красном крыльце Льва Силыча Богатырева, о победах славного Российскаго войска над персами и турками в нынешнюю войну. М., 1828. 13 с.

О графе Растопчине и о событиях 1812 года в Москве // ЧОИДР. 1861. Кн. 4. С. 167–182.

О условиях помещиков с крестьянами. Сочинение графа Валериана Стршемень Стройновского. Перевод с польского В. Анастасевича. Вильна, 1809. 208 с.

Ответ на письмо к издателю из села Зипунова от 12 декабря 1807 года // Русский вестник. 1808. № 2. С. 161–183.

Петербург в конце XVIII и в начале XIX века (по бумагам графа Франца-Габриэля де-Брэ) // Русская старина. 1902. № 3. С. 561–592.

По поводу писем И.М. Муравьева-Апостола к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1876. № 3. С. 377–384.

Рунич Д.П. Записки // Русская старина. 1901. Т. 105. № 1. С. 47–77; № 2. С. 325–357; № 3. С. 597–633; № 4. С. 153–168; № 5. С. 375–394.

М.М. Сперанский (по Гауеншильду) // Русская старина. 1902. Т. 110. № 5. С. 251–262.

Суворов А.В. Наука побеждать. Разговор с солдатами их языком // Суворов А.В. Письма / Отв. Ред. А.М. Самсонов. Изд. подгот. В.С. Лопатин. М.: Наука, 1987. С. 397–402.

1812 год. Госпожа Сталь в России // Русский архив. 1812. № 8. С. 539–580.

Убийство Императора Павла. (Неизданная страничка из записок Рунича) // Былое. 1906. № 6. С. 178–181.

Харузин Е.А. «Мелкие эпизоды из виденного и слышанного мною и из моих детских воспоминаний, пережитых мною в годину двенадцатого года, при занятии французами Москвы». 1872 г. // 1812 год в воспоминаниях современников / Рос. АН, Ин-т рос. истории; [Редкол.: А.Г. Тартаковский (отв. ред.) и др.] М.: Наука, 1995. С. 163–170.

Чарторижский А. Мемуары. М.: Терра-Книжный клуб, 1998. 301 с.

Эрстрем Э.Г. Для меня и моих друзей (дневник финляндского студента) // Наше наследие. 1991. № 5. С. 67–83.

ЛИТЕРАТУРА

Альбовский Е. Император Павел I и митрополит Сестренцевич-Богуш. (По фамильным преданиям) // Русская старина. 1897. № 5. С. 279–282.

Апостолов Н.Н. Живой Толстой: Жизнь Льва Николаевича Толстого в воспоминаниях и переписке. М.: «Аграф», 2001. 752 с.

Афанасьев А. Дополнение к статье г. Лонгинова «Граф Сперанский» // Русский вестник. 1860. Т. 25. № 1. С. 26–41.

Балязин В. Императорские наместники первопрестольной. 1709–1917. М.: Тверская, 13. 2000. 496 с.

Бантыш-Каменский Д. Биография графа Федора Васильевича Ростопчина, генерала Инфантерии и Московского главнокомандующего впоследствии обер-камергера // Бантыш-Каменский Д. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. III. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1847. С. 106–175.

Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М.: РОСПЭН, 2005. 288 с.

Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М.: Соцэкгиз, 1962. 611 с.

Богданович М. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Составлена по высочайшему повелению. Т. II. СПб.: Тип. торг. дома С. Струговщикова, 1859. 651 с.

Бокова В.М. Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. Общественная мысль. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 17–153.

Борсук Н.В. Растопчинские афиши: Текст с примечаниями и предисловием. СПб.: «Новое время», 1912. 96 с.

Бочкарев В.Н. Консерваторы и националисты в начале XIX в. // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М.: Изд. т-ва И.Д. Сытина, 1911. Т. II. С. 194–220.

Брагин А. Отечественная война 1812 года: Сожжение Москвы. М., 1912. 24 с.

Бузько Е.А. Историческое слово Ростопчина в «Войне и мире» Л.Н. Толстого (из комментария к роману) // Историко-литературный сборник. Тверь, 1999. С. 116–127.

Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. Второе издание. С предисловием Н.К. Кульмана. Т. 1–2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. 712 с.

Бутурлин Д. История нашествия императора Наполеона на Россию, в 1812 году: С официальных документов и других достоверных бумаг российского и французского генерал-штабов. Изд-е 2-е. Ч. I. СПб.: Военная тип., 1837. 415 с.

Вербицкий Э.Д. К вопросу о ближневосточной политике России на рубеже XVIII-XIX веков (О проекте русско-французского союза и раздела Оттоманской империи Ф.В. Ростопчина) // Колониальная политика и национально-освободительное движение. Кишинев, 1965. С. 159–193.

Виноградов В.Н. «Восточный роман» генерала Бонапарта и Балканские грезы императора Павла I // Балканские исследования. Вып. 18. М., 1997. С. 53–64.

Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002. 444 с.

Володихин Д.М. Без гнева и пристрастия о российских консерваторах // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 6–12.

Галахов А.Д. Русская патриотическая литература // Филологические записки. 1867. Вып. 1. С. 1–33.

Гарнич Н.Ф. 1812 год. М.: Госкультпросветиздат, 1956. 287 с.

Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 400 с.

Гордон Л. «Московский вестник» 1809 года // Русская литература. 1962. № 3. С. 39–51.

Горностаев М.В. Генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин: страницы истории 1812 года. М.: ИКФ «Каталог», 2003. 60 с.

Он же. Государственная и общественная деятельность Ф.В. Ростопчина в 1796–1825 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.

Он же. Государственная и общественная деятельность Ф.В. Ростопчина в 1796–1825 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 244 с.

Он же. К вопросу о вине Ростопчина в оставлении Москвы в 1812 г. // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи: Материалы V Всероссийской научной конференции 25 апреля 2002 г. Музей-панорама «Бородинская битва». М., 2002. С. 31–44.

Он же. Федор Васильевич Ростопчин // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. С. 113–142.

Гросул В.Я., Иминов В.Т. Фельдмаршал М.И. Кутузов: Кто следующий? // Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 18–21.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Сост., послесл., коммент. С.А. Вайгачева. М.: Книга, 1991. 573 с.

Дегоев В.В. Внешняя политика Павла: патология или преемственность? // Россия и XXI в. 1999. № 6. С. 136–150.

Дело Верещагина // Щукин П.И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. Ч. 8. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1904. С. 47–49.

Дипломатический словарь: В 3 т. / Гл. ред. А.А. Громыко. Т. 2: К-Р. М.: Наука, 1985. 502 с.

Дубровин Н. Москва и граф Ростопчин в 1812 году // Военный сборник. 1863. № 7. С. 99–155; № 8. С. 419–471.

Он же. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1898. № 12. С. 481–516.

Ельницкий А. Граф Федор Васильевич Ростопчин // Русский биографический словарь: Романова – Рясовский. Репринт. воспр. изд. 1918 г. М.: Аспект-Пресс, 1999. С. 238–305.

Ермашов Д.В., Ширинянц А.А. Мировоззрение Н.М. Карамзина в контексте консервативной традиции // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Н.М. Карамзин / Под ред. А.А. Ширинянца / Сост. Д.В. Ермашов, А.В. Пролубников, А.А. Ширинянц. М.: Издатель Воробьев А.В., 2001. С. 6–80.

Жуковская Т.Н. Рыцарские традиции в облике русского офицерства в первой четверти XIX века // Император Павел Первый и орден Св. Иоанна Иерусалимского в России: Сб. ст. / Ред.-сост. Р.Г. Красюков. СПб., 1995. С. 131–143.

Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году. М.: Худож. лит., 1980. 391 с.

Земцов В.Н. Аббат А. Сюрюг о Московском пожаре 1812 года // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 137–143.

Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 416 с.

Керсновский А.А. История русской армии: В 4 т. Т. I: От Нарвы до Парижа, 1700–1814 гг. М., 1999. 302 с.

Кизеветтер А.А. 1812 г. Ф.В. Ростопчин // Кизеветтер А.А. Исторические отклики. М., 1915. С. 27–187.

[Киселев Н.] Дело о должностных лицах московского правления, учрежденного французами в 1812 году // Русский архив. 1868. Стб. 882–903.

Клочков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг.: Сенат. тип., 1916. 628 с.

Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века: Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 344 с.

Кондратенко А.И. Историческое повествование о подлинных событиях, фактах и происшествиях конца XVIII – начала XIX века, заключающих в себе жизнь графа Федора Васильевича Ростопчина. Орел: Изд-во «Вешние воды», 2002. 382 с.

Он же. У истоков русской национальной идеи: Ф.В. Ростопчин, Н.Я. Данилевский и их время (историко-политологический анализ). Орел: Изд-во ОРАГС, 2002. 176 с.

Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: Сб. науч. трудов. Вып. 1 / Под ред. А.Ю. Минакова. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. 261 с.

Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. 140 с.

Она же. Энтони Смит: историческая генеалогия современных наций // Национализм и формирование наций: Теории – модели – концепции. М., 1994. С. 34–55.

Корф М.А. Деятели и участники в падении Сперанского // Русская старина. 1902. Т. 109. № 3. С. 469–508.

Лебедев П.С. Преобразователи русской армии в царствование императора Павла Петровича. 1796–1801 // Русская старина. 1877. Т. 18. С. 227–260; 577–608.

Линц Х., Степан А. «Государственность», национализм и демократизация // Полис. 1997. № 5. С. 9–31.

Лонгинов М. Материалы для биографии и полного собрания сочинений графа Федора Васильевича Ростопчина // Русский архив. 1868. № 4. Стб. 851–859.

Любченко О.Н. Граф Ростопчин. М.: Экмос, 2000. 477 с.

Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. 5-е изд. Сухуми: Алшара, 1989. 680 с.

Марголис Ю.Д., Жуковская Т.Н. Традиции Павла I в истории русской государственности // Император Павел Первый и орден Св. Иоанна Иерусалимского в России: Сб. ст. / Ред.-сост. Р.Г. Красюков. СПб., 1995. С. 27–39.

Мартин А. «Воспоминание» и «пророчество»: возникновение консервативной идеологии в России в эпоху наполеоновских войн и «Священного союза» // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь: Изд.-во Перм. ун-та, 1998. С. 85–102.

Он же Ф.В. Ростопчин – герой 1812 года или предшественник черных сотен // Консерватизм: идеи и люди / Под ред. П.Ю. Рахшмира. Пермь: Изд.-во Перм. ун-та, 1998. С. 67–79.

Маслов А. Забытый приказ графа Федора Ростопчина // Московский журнал. 1992. № 9. С. 14–15.

Межуев Б.В. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической жизни // Полис. 1997. № 1. С. 5–31.

Мельгунов С.П. Кто сжег Москву? // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М.: Изд. т-ва И.Д. Сытина, 1912. Т. IV. С. 162–172.

Он же. Родственники о Ростопчине // Голос минувшего. 1915. № 7–8. С. 244–250.

Он же. Ростопчин – Московский главнокомандующий // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М.: Изд. т-ва И.Д. Сытина, 1912. Т. IV. С. 34–83.

Мендельсон Н.М. Ростопчинские афиши // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М.: Изд. т-ва И.Д. Сытина, 1912. Т. IV. С. 83–92.

Мещерякова А.О. «Галломания» как оборотная сторона националистических воззрений Ф.В. Ростопчина // Консерватизм в России и Западной Европе: Сб. научных работ / Под ред. А.Ю. Минакова (отв.

ред.), С.В. Хатунцева, А.В. Макушина, А.В. Репникова, С.Г. Алленова. Воронеж: «Истоки», 2005. С. 43–52.

Она же. Генерал-губернаторство Ф.В. Ростопчина как воспроизведение опыта павловского царствования // Новик: Сб. научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 10 / Научн. ред. Ю.В. Селезнев. Воронеж: «Истоки», 2005. С. 45–52.

Она же. Идея русско-французского союза во внешнеполитической концепции Ф.В. Ростопчина // Новик: Сб. научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 8 / Научн. ред. Ю.В. Селезнев. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. С. 138–148.

Она же. Из истории консерватизма и национализма александровского царствования: взгляды и деятельность Ф.В. Ростопчина в 1801–1812 годах // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2006. № 2. С. 264–271.

Она же. «Крепостник-новатор»: Ф.В. Ростопчин и аграрно-крестьянский вопрос в первой четверти XIX в. // А.И. Кошелев и его время: Материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.И. Кошелева. 23–25 мая 2006 года. Рязань, 2007. С. 174–178.

Она же. Роль пропаганды Ф.В. Ростопчина в войне 1812 г. // Новик: Сб. научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 11 / Научн. ред. Ю.В. Селезнев. Воронеж: «Истоки», 2006. С. 73–84.

Милославский Ю. Странноприимцы. Православная ветвь Державного Ордена рыцарей-госпитальеров Св. Иоанна Иерусалимского. СПб.: Изд-во «Царское дело», 2001. 238 с.

Милютин Д.А. История войны России с Франциею в царствование императора Павла I в 1799 году. Т. 1–5 / Сост. по высочайшему повелению государя императора Николая I. Т. 5. СПб.: Тип. штаба военно-учебных заведений, 1853. 512 с.

Минаков А.Ю. Особенности становления русского консервативного национализма в первой четверти XIX века // Ф.И. Тютчев (1803–1873) и проблемы российского консерватизма: Сб. статей. Т. I. Ростов н/Д., 2004. С. 73–78.

Он же. Опыт типологии течений в русском консерватизме первой четверти XIX века // Российская империя: Стратегии стабилизации и опыты обновления / Под ред. М.Д. Карпачева, М.Д. Долбилова, А.Ю. Минакова. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. С. 267–281.

Он же. Роль событий 1812 г. в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе: Сб. научных работ /

Под ред. А.Ю. Минакова (отв. ред.), С.В. Хатунцева, А.В. Макушина, А.В. Репникова, С.Г. Алленова. Воронеж: «Истоки», 2005. С. 7–18.

Он же. Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции изучения // Отечественная история. 2005. № 6. С. 133–142.

Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 240 с.

Михайловский-Данилевский А. Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 1–4 / По высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским. Ч. II. СПб.: Военная тип., 1839. 449 с.

Морошкин М. Иезуиты в России, с царствования Екатерины II-й и до нашего времени. Изд. 2-е. Ч. I. СПб.: Тип. Общественная польза, 1888. 501 с.

Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного Союза. Т. I. Рига: Изд. Н. Киммеля, 1886. 378 с.

Овчинников Г.Д. «И дышит умом и юмором того времени...» (о литературной репутации Ф.В. Ростопчина) // Русская литература. 1991. № 1. С. 149–155.

Он же. Литературная деятельность Ф.В. Ростопчина: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. СПб., 1992. 22 с.

Он же. «Мысли вслух на красном крыльце» Ф.В. Ростопчина в литературно-общественном контексте 1806–1813 годов // Истоки, традиции, контекст в литературе. Владимир, 1992. С. 34–41.

Он же. «Теперь служу с сохой...» // Время и текст. Историко-литературный сборник / Научн. ред. Н.В. Серебренников. СПб.: Академ. проект, 2002. С. 38–47.

Окунь С.Б. Очерки истории СССР, конец XVIII – первая четверть XIX века. Л.: Учпедгиз, 1956. 414 с.

Парсамов В.С. Жозеф де Местр и Михаил Орлов (К истокам политической биографии декабриста) // Отечественная история. 2001. № 1. С. 24–46.

Покровский К.В. Из полемической литературы 1813 г. (Московские обыватели и граф Ф.В. Ростопчин) // Голос минувшего. 1914. Кн. 8. С. 196–202.

Попов А.Н. Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. № 7. С. 269–325; № 9. С. 6–47; № 10. С. 129–198; № 11. С. 257–289.

Он же. Французы в Москве в 1812 г. // Русский архив. 1876. № 2. С. 223–248; № 3. С. 316–349; № 4. С. 440–464; № 5. С. 53–80; № 6. С. 161–199; № 7. С. 285–302; № 8. С. 369–387.

Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2005. 196 с.

Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.-Л., 1957. 456 с.

Преснов В.А. «Театр» Ростопчина: Социально-культурный контекст эпохи // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. Материалы научной конференции, 24 апреля 1998 г. / Отв. ред. Львов С.В. М., 1999. С. 51–58.

Он же. Федор Васильевич Ростопчин // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. С. 624–625.

Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. Изд. 4-е. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. 587 с.

Рецензия на сочинение графа Ростопчина. Издание Александра Смирдина. СПб., 1853. // Современник. 1853. Т. 40. Отд. IV. С. 16–18.

Русский биографический словарь: Алексинский – Бестужев-Рюмин. Репр. воспр. изд. 1900 г. М.: Аспект-Пресс, 1999. 799 с.

Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Под ред. В.Я. Гросула. М.: Прогресс–Традиция, 2000. 439 с.

Сахаров В. Русское масонство в портретах. М.: ООО «АиФ Принт», 2004. 512 с.

Светлов Л.Б. Писатель-вольнодумец Ф.В. Каржавин // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1964. Т. 23. Вып. 6. С. 517–529.

Сегюр Ф. гр. Записки. Французское нашествие на Россию // Русский архив. 1908. № 5. С. 40–71.

Семенкевич Н.Н. Предтеча русского дирижабля // Вопросы истории. 1974. № 12. С. 204–207.

Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. I. СПб.: Тип. т-ва Общественная польза, 1888. 517 с.

Он же. Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Т. IV. М.: Изд. т-ва И.Д. Сытина, 1912. С. 221–246.

Серков А.И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000. 390 с.

Он же. Российское масонство. Часть первая. Восемнадцатый век // Звезда. 2000. № 8. С. 184–192.

Он же. Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1224 с.

Скоробогатов А.В. Геополитическая проблематика в программе Павла Первого // Исторический источник. Человек и пространство: Тезисы докладов и сообщений научной конференции Москва, 3–5 февраля 1997 г. М., 1997. С. 248–349.

Он же. Семиотика власти Павла I // Ab Imperio. 2001. № 1–2. С. 165–191.

Слинько А.А. Реконструкция будущего: русский классический консерватизм о геополитике // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: Сб. науч. трудов. Вып. 1. / Под ред. А.Ю. Минакова. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. С. 21–25.

Смит Э.Д. Национализм и историки // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауер, М. Хрох. М.: Праксис, 2002. С. 236–264.

Он же. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филиппова, Э.С. Загашвили и др. М.: Праксис, 2004. 464 с.

Снегирев Н.М. Пожар Москвы // Русский архив. 1912. № 5. С. 134–142.

Снесарев А.Е. Философия войны. М.: Финансовый контроль, 2003. 287 с.

Собко Е.М. Великая княгиня Екатерина Павловна // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 135–139.

Сорокин Ю.А. Граф Ф.В. Ростопчин о царствовании Павла I // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX – начало XX в.). Омск, 1994. С. 5–15.

Он же. Павел I // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 46–70.

Он же. Павел I и «вольные каменщики» // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 19–38.

Ссылка Сперанского 1812 году (из бумаг академика А.Ф. Бычкова) // Русская старина. 1902. Т. 110. № 4. С. 5–44.

Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М.: Изд-во АН СССР, 1962. 502 с.

Степанов М. [А.Н. Шебунин] Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объед-е, 1937. Т. 29–30. С. 577–625.

Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.: Воениздат, 1992. 304 с.

Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М.: Археографический центр, 1996. 367 с.

Он же. Обманутый Герострат // Родина. 1992. № 6–7. С. 88–93.

Он же. Слухами Москва полнится // Родина. 1992. № 6–7. С. 87.

Терещенко А. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. Ч. II. Канцлеры. СПб., 1837. 348 с.

Тихонравов Н.С. Граф Ф.В. Ростопчин и литература в 1812 году // Тихонравов Н.С. Сочинения. Т. 3. Русская литература XVIII и XIX вв. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1898. С. 305–380.

Толстой Л.Н. Война и мир. М.-Л.: Гослитиздат, 1960. Т. III–IV. 625 с.

Томсинов В. Аракчеев. М.: Мол. гвардия, 2003. 429 с.

Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М.: Высш. шк., 1994. 302 с.

Он же. Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты / Под общ. ред. А.К. Голицына. М.: Центрполиграф, 2002. 365 с.

Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. I. От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 608 с.

Фаджионатто Р. Александр Николаевич Голицын // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. С. 218–267.

Федерализм: Энциклопедия. М.: Изд-во МГУ, 2000. 640 с.

Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 599 с.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.

Холодковский В.М. Наполеон ли поджег Москву? // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 31–43.

Чернавский М.Ю. Религиозно-философские основы консерватизма в России: Научная монография. М.: Рос. заочный ин-т текстильной и легкой промышленности, 2004. 188 с.

Шведов С.В. О запасах военного имущества в Москве в 1812 г. // Советские архивы. 1987. № 6. С. 71–74.

Он же. Судьба запаса огнестрельного оружия Московского арсенала в 1812 году // Советские архивы. 1985. № 5. С. 66–69.

Шенле А. Между «древней» и «новой» Россией: Руины у раннего Карамзина как место «modernity» // Новое литературное обозрение. 2003. № 1. С. 125–141.

Шереметевский П.В. Верещагин и Мешков. Уголовно-судебный эпизод из истории Москвы в 1812 году // ЧОИДР. 1866. Кн. IV. С. 231–247.

Шильдер Н.К. Александр I и его царствование: В 4 т. Т. I. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1897. 438 с.;

– Т. II. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1904. 408 с.; Т. III. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1905. 553 с.

Он же. Император Павел Первый: Историко-биографический очерк. СПб.: Изд. А.А. Суворина, 1901. 606 с.

Он же. Россия в ее отношениях к Европе в царствование императора Александра I, 1806–1815 гг. // Русская старина. 1888. Т. 57. № 2. С. 269–319.

Шницлер И. Ростопчин и Кутузов: Россия в 1812 году / Перевод, предисловие и примечания А. Ельницкого. СПб., 1912. 235 с.

Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1907. 214 с.

Он же. Император Павел I и масонство // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 2. / Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. М.: Изд. Задруги и К.Ф. Некрасова, 1915. С. 135–152.

Щепкин Д. Профессоры-масоны в Московском университете (1826) // Русский архив. 1901. № 6. С. 300–304.

Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетий. М.: Мысль, 1986. 367 с.

Fuye M. de la. Rostoptchine: Européen ou slave? Paris: Plon, 1937. 345 p.

Martin A.M. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997. 294 p.

Martin A. The Napoleonic Wars and the Origins of Conservative Politics in Russia and Spain // Эволюция консерватизма: Европейская традиция и русский опыт: Материалы международной научной конференции. Самара, 26–29 апреля 2002 года. Самара, 2002. P. 12–22.

Pinqaud L. Les Francais en Russe et les Russes en France. Paris, 1886. 482 p.

Rostoptchine (le comte Théodore) 1765–1826: Notice littéraire et bibliographique sur ses ouvrages. [Leipzig], 1854. 64 p.

Schnitzler J.H. Rostoptchine et Koutousof: Tablo de mœurs et essai de critique historique. Paris: Didier et co, 1863. 536 p.

Ségur A. de. Vie du comte Rostoptchine, gouverneur de Moscou. Paris: Bray et Retaux, 1871. 366 p.

Schippan M. Der «Frühkonservatismus» in Deutschland und das russische Denken // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт: Материалы международной научной конференции. Самара, 26–29 апреля 2002 года. Самара, 2002. S. 43–67.

Wolf M. Freimaurertum bei Puškin: Einführung in die russische Freimaurerei und ihre Bedeutung für Puškins Werk. München: Otto Sagner, 1998. 115 S.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Августин, архиепископ 233.
Адлер И.А. 183, 235.
Акопова Н.Н. 236.
Александр Македонский 80.
Александр I, император 19, 22, 23, 27, 68, 70, 74, 76, 91–93, 95–97, 101, 102, 105–108, 110–113, 116, 117, 119–124, 126, 128, 131, 134–136, 141, 142, 144–148, 152, 153, 155, 158, 160, 162–166, 172, 179, 184, 191, 192, 196–199, 206, 208–210, 215, 217, 218, 222, 226, 228, 230, 232–235, 238, 245–249.
Алленов С.Г. 244, 245.
Алопеус Д.М. 190.
Альбовский Е. 239.
Анастасевич В. 116, 239.
Англен, герцог 71.
Андерсон Б. 247.
Апостолов Н.Н. 10, 239.
Аракчеев А.А. 63, 64, 67, 164, 247.
Арбенев А. 195.
Армфельдт Г.М. 103, 104.
Арндт Э.М. 11, 237.
Архаров 75.
Ассаз де, капитан 88, 89.
Афанасьев А. 226, 239.

Б

Багратион П.И. 27, 79, 172–174, 195, 236.
Балашов А.Д. (Балашев А.Д.) 23, 103, 104, 113, 116, 117, 134, 135, 137, 139, 140, 147, 149, 152, 155, 162, 188, 196, 201, 232.
Балязин В.Н. 35, 240.
Бантыш-Каменский Д.Н. 7, 199, 240.
Бантыш-Каменский Н.Н. 46, 234.
Барклай де Толли М.Б. 162, 172–174, 185, 247.
Бартенев П.И. 8, 20, 26, 63, 228, 236.
Барышников 237.

Бауер О. 247.
Безбородко А.А. 45, 48.
Безотосный В.М. 142, 194, 240.
Бек, действ. статский советник 105.
Беннигсен Л.Л. 79.
Бережков В.В. 236.
Бескровный Л.Г. 13, 14, 17, 175, 233, 235, 240.
Бестужев-Рюмин А.Д. 29, 30, 104, 123, 151, 158, 181, 208, 235.
Богданович М.И. 9, 140, 240.
Богучарский В. 237.
Бойцов М.А. 236.
Бокова В.М. 71, 240.
Боленко К.Г. 236.
Болотов А.Т. 127, 238.
Болховский, статский советник 105.
Бонэ С. 236.
Борсук Н.В. 24, 240.
Бочкарев В.Н. 10, 90, 240.
Брагин А. 240.
Брозин, генерал-лейтенант 136.
Брокер А.Ф. 26, 28, 152, 213–215, 218, 221, 235.
Брэ Ф.-Г. де 30, 50, 239.
Бузько Е.А. 17, 240.
Булгаковы 229.
Булгаков А.Я. 23, 28, 30, 38, 103, 104, 113, 115, 123, 145, 174, 180, 185, 194, 202, 205, 211–214, 219–222, 234–237.
Булгаков К.Я. 30.
Булгакова Н.В. 202, 213, 234.
Булич Н.Н. 8, 124, 240.
Бурбоны, династия 55.
Бургонь 193.
Бутурлин Д.П. 9, 240.
Бычков А.Ф. 247.

В

Вайгачев С.А. 241.
Ваклишинский 147.
Валуев П.С. 145, 205, 206, 208, 232, 236.
Валуева Д.А. 206.
Варнгаген фон Энзе, К.-А. 30, 36, 37, 168, 214, 236.
Василий Иванович, вел. кн. 32.
Васильчиков А.А. 100, 144, 203, 234.

Васютковский А.М. 192, 197, 235.
*Веденикто*в, почтальон 136.
Верещагин М.Н. 10, 11, 14, 146, 147, 149–155, 167, 169–208, 241, 248.
Вербицкий Э.Д. 240.
Вигель Ф.Ф. 30, 64, 123, 133, 236.
Виллермоз 41.
Виноградов В.Н. 240.
Витберг А.Л. 237.
Вишленкова Е.А. 99, 209, 240.
Воейков, флигель-адъютант 104, 105.
Волкова М.А. 123, 127, 200, 203, 204, 234.
Володихин Д.М. 241.
Вольтер Ф.-М.-А. 229.
Вольф 88.
Вороненко П.И. 29,194, 236.
Воронцов А.Р. 69, 106, 232.
Воронцов М.С. 202, 232.
Воронцов С.Р. 26, 27, 41–45, 51, 53, 55, 59, 62, 63, 65, 68, 104, 105, 121, 144, 158, 202, 203, 210, 213, 214, 231–234, 239.
Вяземский П.А. 26, 27, 29, 37, 120, 126, 158, 160–168, 169, 196, 200, 203, 211, 221, 222, 236.
Вязьмитинов С.К. 107, 137, 236.

Г

Гайворонская Л.В. 31.
Галахов А.Д. 79, 241.
Гарнич Н.Ф. 13, 14, 16, 175, 176, 241.
Гарун аль-Рашид (Харун ар-Рашид), халиф 128.
Гаспаров Б.М. 158, 241.
Гауеншильд Ф. 105, 239.
Гейкинг К. 237.
Георгий, герцог Ольденбургский 91.
Гитлер А. 160.
Глинка С.Н. 29, 73, 79, 82, 83, 113, 115, 123, 165, 170, 183, 190, 199, 233, 236.
Глушковский А. 183, 236.
Годефруа 143.
Голенищев-Кутузов П.И. 144, 146, 148, 189, 203, 207, 208, 210, 234.
Голицын, камер-юнкер 45.
Голицын А.Б. 182.
Голицын А.К. 247.
Голицын А.Н. 100, 103, 206, 210, 248.

Голицын Н.Б. 198, 199.
Голицына А.П. 68.
Головин Н.Н. 83, 235.
Головина В.Н. 46, 47, 63, 236.
Головкин Ф.Г. 46, 49, 236.
Гомер 210.
Гордон Л. 82, 241.
Горностаев М.В. 9, 16, 17, 107, 177, 182, 187, 241.
Горчаков А.И. 232.
Громыко А.А. 241.
Гросул В.Я. 241, 246.
Гудович И.В. 95, 96, 122, 123, 134.

Д

Давыдов Д.В. 201.
Данилевский Н.Я. 15, 51, 54, 73, 241, 242.
Даниленко И.С. 169.
Дантон Ж.Ж. 75.
Дашков П.Я. 205, 236.
Дегоев В.В. 53, 241.
Державин Г.Р. 108.
Дмитриев И.И. 91, 167, 182, 187, 211, 234.
Дмитриев М.А. 30, 78, 79, 83, 143, 199, 236.
Дмитрий Донской 82.
Долбилов М.Д. 31, 244.
Долгорукий С.Н. 37, 233.
Домерг А. 29, 165, 237.
Дорохов И.С. 201.
Дружинин, надворный советник 147–149, 153.
Дубровин Н.Ф. 23, 92, 108, 113, 116, 117, 120, 124, 134, 135, 137, 139, 147, 149, 155, 162, 188, 196, 229, 231–233, 241.
Дурасов Е.А. 153.

Е

Екатерина II, императрица 7, 24, 32, 43, 45, 47, 48, 69, 94, 97–99, 126, 152, 225, 231, 245.
Екатерина Павловна, вел. кн. (герцогиня Ольденбургская) 22, 27, 51, 90–97, 101–104, 114, 144, 209, 230, 232–234, 247.
Елизавета Алексеевна, императрица 114.
Ельницкий А. 22, 34, 241, 248.
Ермашов Д.В. 238, 242.
Ешевский С.В. 229.

Ж

Жерве, экспедитор 105.
Жилет, сержант 88, 89.
Жилин П.А. 16.
Жихарев С.П. 89, 237.
Жоржель, аббат 49, 237.
Жуковская Т.Н. 242, 243.
Жуковский В.А. 210.

З

Загашвили Э.С. 247.
Загоскин М.Н. 84, 242.
Закревский А.А. 26, 185, 202, 212, 214, 232.
Земцов В.Н. 242.
Зиновьев В.Н. 41, 42, 237.
Зорин А.Л. 17, 98, 112, 113, 115, 167, 168.
Зундель З. 141.

И

Иван IV Грозный, царь 94, 125.
Иловайский 195, 234.
Иминов В.Т. 241.
Искра Л.М. 31.
Исмаил-Заде Д. 236.

К

Каверин П.Н. 196.
Калачов Н. 234.
Карамзин Н.М. 4, 39, 40, 43, 73, 91, 94, 102, 108, 119, 158, 159, 182, 184, 186, 187, 196, 211, 234, 238, 242, 248.
Каржавин Ф.В. 112, 115, 246.
Карпачев М.Д. 244.
Картавов П.А. 24.
Керсновский А.А. 201, 242.
Кизеветтер А.А. 10–12, 19, 20, 30, 34, 62, 63, 74, 84, 85, 103, 139, 140, 150, 151, 154, 173, 213, 214, 219, 242.
Киселев Д.И. 202, 232.
Киселев Н. 187, 242.
Клейн А.Я. 152.
Клочков М.В. 242.
Ключарев Ф.П. 96, 97, 102, 105, 144, 146–148, 151–153, 168, 208.
Козодавлев О.П. 208.

Коленкур А. де 29, 114, 115, 189, 193, 204, 238.
Колычев С.А. 56, 59, 232, 234.
Комаровский Е.Ф. 42, 238.
Кондаков Ю.Е. 144, 149, 242.
Кондратенко А.И. 15, 24, 33, 35, 242.
Константин Великий, византийский император 57.
Константин Павлович, вел. кн. 27, 91, 95, 145, 222, 232, 235.
Коротеева В.В. 5, 242.
Корф М.А. 12, 13, 90, 102, 112–114, 243.
Костров 147.
Коцебу А. 62, 130, 237.
Кочубей В.П. 111.
Кошелев 49.
Кошелев Р.А. 206.
Красюков Р.Г. 242, 243.
Кукель А. 236.
Кульман М.К. 240.
Куракин А.Б. 46, 234.
Кутайсов И.П. 62.
Кутузов М.И. 13, 27, 141, 169, 172–180, 182–185, 198, 212, 233–235, 241, 247–249.
Кушелев Г.Г. 67.

Л

Лабзин А.Ф. 144, 182, 233.
Лаваль 222.
Лакруа П. 143.
Ланская В.И. 123, 127, 200, 204, 234.
Ланской С.С. 229.
Лебедев П.С. 243.
Левенштерн В.И. 237.
Леонардо да Винчи 218.
Леппих, изобретатель 190–192.
Лизакевич В.Г. 62.
Линц Х. 5, 243.
Лобанов-Ростовский А.Б. 237.
Лобанов-Ростовский Д.И. 135.
Лонгинов М. 22, 33, 34, 226, 239, 243.
Лонгинов Н.М. 104, 105, 158, 202, 203, 210, 213, 234.
Лопатин В.С. 235, 239.
Лопухин И.В. 100, 105, 189.
Лотман Ю.М. 238.

Лубяновский Ф.П. 129, 238.
Лунин П. 195.
Лыжин Н. 234.
Львов С.В. 246.
Любченко О.Н. 15, 16, 243.
Людовик XVI, французский король 89.
Людовик XVIII, французский король 214.

М

Магницкий М.Л. 4, 104, 105, 146.
Макагоненко Г.П. 238.
Малиновский А.Ф. 228.
Мальцев П.С. 241.
Манфред А.З. 14, 243.
Маракуев М.М. 29, 156, 181, 238.
Маренгоне В. де 196.
Марголис Ю.Д. 243.
Мария Федоровна, императрица 103, 114.
Марков 108.
Мартин А.М. (Martin A.M.) 19, 20, 85, 155, 159, 160, 243, 249.
Маслов А. 132, 243.
Межуев Б.В. 243.
Мелас 53.
Мельгунов С.П. 10–12, 30, 143, 144, 155, 192, 193, 210, 224, 243, 248.
Мендельсон Н.М. 10, 243.
Меншиков А.Д. 94.
Местр Ж. де 4, 92, 103, 108, 119, 120, 163, 238, 245, 247.
Мешков 146, 150, 152–154, 168, 248.
Мещерякова А.О. 243, 244.
Милане 46.
Милославский Ю. 244.
Милютин Д.А. 56, 244.
Минаков А.Ю. 17, 31, 150, 165, 241, 242–245, 247.
Минин К.З. 82, 174.
Мироненко С.В. 71, 245.
Михайлов О.Н. 236.
Михайловский-Данилевский А.И. 9, 245.
Мишо А.Ф. 163.
Мобургень Ж. 142.
Молраш Г. 142.
Мордвинов Н.С. 108.

Моретти А. 142.
Морков И.И. (Марков И.И.) 176, 235.
Мориоль, граф 91, 235.
Морошкин М. 245.
Муравьев В.Б. 236.
Муравьев-Апостол И.М. 62, 63, 234, 239.
Муссолини Б. 160.
Мутон, учитель фехтования 166–168.

Н

Надлер В.К. 12, 13, 164, 165, 245.
Наполеон Бонапарт 11, 14, 29, 52, 56–58, 71–74, 80, 84, 85, 91, 100, 101, 109, 110, 113, 114, 118, 121, 134, 138–140, 145, 147, 149–153, 155–158, 161–163, 166, 169, 173, 174, 179, 180, 182, 186, 189, 191, 192, 195–200, 204, 205, 213, 217, 232, 234, 235, 238, 240, 243, 247, 248.
Нарышкин А.Л. 292.
Нарышкин Д.В. 221.
Нарышкина Н.Ф. (Ростопчина Н.Ф.) 210, 219, 221.
Нащекин 221.
Николай I, император 126, 248.
Николай Михайлович, вел. кн. 108, 238.
Николай Михайлович, граф 109.
Новиков Н.И. 77, 97, 233.

О

Оболенский Е.П. 237.
Обрезков Н.В. 187, 191.
Овчинников Г.Д. 15, 39, 40, 81, 88, 245.
Оденталь И.П. 23, 102, 103, 115, 117, 122, 123, 170, 180, 234.
Окунь С.Б. 73, 106, 245.
Орлов М.Ф. 108, 245.
Орфланс О.П. де 143.
Остерман А.И. 94.

П

Павел I, император 20, 21, 24, 31, 32, 42–44, 47–50, 52, 56–65, 67, 68, 72, 74, 79, 92–95, 99, 100, 125–131, 148, 217, 231, 236–240, 242, 243, 246–248.
Пален П.А. 59, 62, 64.
Панин Н.П. 30, 59–63, 65, 237.
Панков И. 194.
Парсамов В.С. 31, 108, 245.

Пестель, почт-директор 66.
Петр I, император 57, 74, 75, 94, 126, 238, 148.
Питт У., премьер-министр Великобритании 50.
Погодин М.П. 82, 184, 229.
Пожарский Д.М. 82, 174.
Поздеев О.А. (Поздеев И.А.) 100, 148, 234.
Покровский К.В. 245.
Полосин И.И. 16.
Полторацкий С.Д. 7, 26, 32, 229.
Попов А.Н. 10, 11, 30, 115, 123, 144, 166, 245.
Попов П.А. 228.
Попов Э.А. 245.
Похвиснев М.Н. 228.
Предтеченский А.В. 69, 108, 110, 111, 114, 245.
Преснов В.А. 12, 17, 246.
Приклонский 62.
Пролубников А.В. 238, 242.
Пугачев Е. 44.
Пушкин А.С. 158, 241, 249.
Пыпин А.Н. 10, 127, 128, 144, 246.

Р

Разумовский А.К. 100, 144, 146, 203, 207, 210, 234.
Растопча Б.Д. 32.
Рахшмир П.Ю. 243.
Репников А.В. 244, 245.
Римский-Корсаков А.М. 169, 235.
Робеспьер М.-М.-И. 75.
Ростопчин А.Ф. 8, 20, 34, 221.
Ростопчин В.Ф. 33.
Ростопчина Е.П. (Протасова) 92, 144, 220.
Ростопчина Е.П. (Сушкова) 228.
Ростопчина Е.Ф. 219–222.
Ростопчина Л.А. 31, 34, 43.
Ростопчин П.В. 35, 44.
Румянцев Н.П. 105.
Румянцев С.П. 37–39.
Рунич Д.П. 12, 29, 63, 97, 100, 103, 143, 144, 146, 149, 158, 168, 189, 193, 239.
Рунич П.С. 189.

С

Саблуков Н.А. 125, 237.
Салтыков Н.И. 107.
Самсонов А.М. 235, 239.
Санглен Я.И. де 103, 104, 125, 126, 237.
Сахаров В. 99, 246.
Светлов Л.Б. 112, 246.
Свечина С.П. 213.
Сегюр А. де (Ségur A. de) 18, 249.
Сегюр С. де 18.
Сегюр Ф. де 33, 246.
Селезнев Ю.В. 244.
Селивановский С.И. 228.
Семевский В.И. 10, 22, 101, 117, 237, 246.
Семенкевич Н.Н. 191, 246.
Сен-Мартен Л.-К. де 41, 42.
Серебренников Н.В. 245.
Серков А.И. 41, 96, 99, 100, 103, 105, 145, 148, 152, 206, 246.
Сеславин А.Н. 201.
Сестренцевич-Богуш С., митрополит 239.
Сидоров Н.П. 248.
Синявин 109.
Скоробогатов А.В. 246.
Слинько А.А. 246.
Смит Э.Д. 5, 242, 247.
Снегирев Н.М. 247.
Снесарев А.Е. 169, 247.
Собко Е.М. 247.
Сорокин Ю.А. 63, 247.
Сперанский М.М. 13, 90, 95–97, 100–106, 111, 112, 114, 115, 120, 122, 226, 239, 243, 246, 247.
Спренгпортен Г.М. 56, 58.
Станиславская А.М. 14, 60, 62, 247.
Степан А. 5, 243.
Степанов В.Л. 31.
Степанов М. (Шебунин А.Н.) 92, 247.
Стерн Л. 40.
Стединг, шведский посол 114.
Строганов, граф 46.
Стройновский В.Б. 22, 116–119, 229, 236, 239.
Суворов А.В. 27, 44, 53, 55, 74, 80, 82, 87–90, 173, 228, 232, 233, 235, 239.
Сюрюг А., аббат 242.

Т

Тарле Е.В. 13, 14, 151, 157, 173, 175, 191, 247.
Тартаковский А.Г. 162, 195, 196, 235, 236, 239, 247.
Тельбург 44.
Теплов И.Н. 178.
Терещенко А. 7, 247.
Тихонравов Н.С. 7, 8, 34, 40, 43, 229, 247.
Толстой Л.Н. 9–11, 17, 30, 239, 240, 247.
Толстой П.А. 139, 186, 233.
Томсинов В. 247.
Трачевский А.С. 60, 232.
Троицкий Н.А. 16, 163, 247.
Тургеневы 228.
Тургенев А.М. 98, 237.
Тютчев Ф.И. 17, 244.

У

Уитворт, английский посол 50, 51, 59–62.
Уортман Р.С. 126, 248.

Ф

Фаджионатто Р. 100, 248.
Фарамонд, король франков 89.
Фигнер А.С. 201.
Флоровский Г., протоиерей 148, 248.
Фукс Е.Б. 27, 232.
Фэн А.-Ж.-Ф. 197.
Фюйе М., де ля (Fuye M., de la) 18, 19, 249.

Х

Хабермас Ю. 6.
Харузин Е.А. 153, 239.
Хатунцев С.В. 244, 245.
Хвостов Д.И. 44.
Хобсбаум Э. 5, 248.
Холодковский В.М. 14, 193, 197, 248.
Хомутова А.Г. 195.
Христофоров И.А. 31.
Хрох М. 247.

Ц

Цицианов М.Д. 149.
Цицианов П.Д. 8, 27, 34, 35, 38, 39, 65, 69–71, 75–77, 109–111, 134, 233.

Ч

Чарторижский А. 47, 49, 50, 108, 239.
Чеботарев Х.А. 148.
Чернавский М.Ю. 248.
Чингисхан 32, 150.

Ш

Шафиров П.П. 94.
Шведов С.В. 188, 248.
Шенле А. 6, 248.
Шереметевский П.В. 146, 150, 152–154, 168, 248.
Шибанов П.П. 229.
Шильдер Н.К. 21, 50, 51, 57, 85, 105, 217, 231, 248.
Шиппан М. *(Schippan M.)* 6, 40, 249.
Ширинянц А.А. 238, 242.
Шишков А.С. 4, 79, 83, 113, 122, 163, 211, 212.
Шницлер И.Г. *(Schnitzler J.H.)* 18, 248, 249.
Штейнгель В.И. 127, 237.
Шувалов И.И. 45.
Шумигорский Е.С. 42, 125, 248, 249.

Щ

Щеголев П.Е. 237.
Щепкин Д. 248.
Щербатов Н.Г. 75, 221.
Щукин П.И. 231, 241.

Э

Эйдельман Н.Я. 14, 61, 249.
Эйхенбаум Б.М. 237.
Эрстрем Э.Г. 137, 155, 156, 158, 192, 239.

Иностранные имена

Chenevièr J. 18.
Cordonnier Ch. 18.
Pinqaud L. 18, 249.
Ségur P. de 238.
Wolf M. 249.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА ВО – Государственный архив Воронежской области

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

Сб. РИО – Сборник Императорского русского исторического общества

ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы

Оглавление

Введение 4

Глава I. Жизнь и деятельность Ф.В. Ростопчина в царствование Екатерины II и Павла I 32
1.1. Ф.В. Ростопчин в царствование Екатерины II 32
1.2. Государственная деятельность и внешнеполитические проекты Ф.В. Ростопчина в царствование Павла I 47

Глава II. Общественно-политическая деятельность и взгляды Ф.В. Ростопчина в 1801–1812 гг. 68
2.1. В оппозиции: Ф.В. Ростопчин и общественно-политическая жизнь Российской империи 1801–1806 гг. 68
2.2. Литературная и общественно-политическая деятельность Ф.В. Ростопчина в 1806–1810 гг. 77
2.3. Политический союз Ф.В. Ростопчина и великой княгини Екатерины Павловны 90

Глава III. Политико-административная стратегия генерал-губернатора Москвы в 1812 г. 122
3.1. Механизмы власти московского генерал-губернатора 122
3.2. Административная практика московского генерал-губернатора летом 1812 г. 132
3.3. Дело Верещагина 149
3.4. Пропагандистская кампания в Москве 1812 г. и ее результаты 155

Глава IV. Деятельность московского главнокомандующего накануне и после оставления Москвы 172
4.1. Ф.В. Ростопчин и М.И. Кутузов в 1812 г. 172
4.2. Деятельность московского главнокомандующего во время оставления Москвы 186

Глава V. Идейная эволюция Ф.В. Ростопчина в 1812–1825 гг. 201
5.1. Опала и отставка 201
5.2. Общественно-политические взгляды Ф.В. Ростопчина в эпоху Священного союза 211

Список источников и литературы 228
Источники 228
Литература 239

Алфавитный указатель имен 250

Список сокращений 262

научное издание

Ф.В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России

монография

Автор: Мещерякова Арина Олеговна

Научный редактор:
кандидат исторических наук *А.Ю. Минаков*

Редактор *Л.Н. Гайворонская*

Дизайн обложки
и компьютерная верстка *С.В. Патокин*

Подписано в печать 19.12.07. Гарнитура SchoolBookC.
Формат 60 x 84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ.л. 16,5. Усл. печ.л. 16,5. Тираж 500 экз. Заказ № 712.

Издательский Дом «Китеж»: г.Воронеж, ул.Куколкина, д.3, к.206 (ф.108).
тел. Издательского Дома «Китеж» (8-4732) 38-48-27

Изготовлено ООО «Модерн»: г.Воронеж, ул.Антонова-Овсиенко, д.32.